ЛЕВ ТРОЦКИЙ

СТАЛИН

ТОМ 2

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

СТАЛИН

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

"Terra — Терра"

Издательство
политической
литературы

Москва
1990

ББК 66.61(2)8
Т76

LEO TROTSKY

STALIN

VOL. II

Под редакцией Ю. Г. Фельштинского

Троцкий Л. Д.

Т76 Сталин. В 2 т. Т. II / Под ред. Ю. Фельштинского.— М.: "Терра —Terra" — Политиздат, 1990.— 286 с.
ISBN 5—250—01471—2 (т. 2)

Второй том книги Л. Троцкого "Сталин" не был завершен автором и издается по черновикам, хранящимся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета.

Т $\frac{0902020000—363}{079(02) — 90}$

ББК 66.61(2)8

ISBN 5—250—01471—2 (т. 2)
ISBN 5—250—01469—0

СОДЕРЖАНИЕ

СТАЛИН В РЕВОЛЮЦИИ

20 октября происходит исключительно важное заседание ЦК, где разрешается вопрос о поведении или о штрейкбрехерстве Каменева и Зиновьева. Ленин предлагает исключить их из партии, Дзержинский предлагает потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности, принимая во внимание, что Зиновьев без того скрывается и в партийной работе участия не принимает.

Сталин считает, что предложение Ленина должно быть разрешено на пленуме и предлагает в данный момент не решать. Против членов ЦК, поддерживающих решительные меры против Каменева и Зиновьева, Сталин возражает, что "Каменев и Зиновьев подчинятся решению ЦК", доказывает, что все наше положение противоречиво и считает, что исключение их из партии нецелесообразно, нужно сохранять единство партии; предлагает обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить их в ЦК. Сокольников сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу писем Зиновьева и т.п. и считает это заявление ошибочным.

Принимаются решения: принять отставку Каменева. "За" — 5 голосов, "против" — 3, в том числе и Сталин. "Вменяется Каменеву и Зиновьеву в обязанность не выступать с заявлениями против решения ЦК". "За" — шесть, два — воздерживаются, в том числе Сталин. После этих двух голосований, гласят протоколы, "Сталин заявляет, что выходит из редакции", чтобы избежать полного кризиса, Центральный Комитет не входит в обсуждение заявления Сталина в "Правде" и, не принимая его отставки, переходит к очередным делам. На заседании ЦК 21 октября 1917 года, по предложению Дзержинского, для укрепления работы Исполнительного Комитета Совета, решено ввести в его состав для работы десять видных большевиков, в том числе и Сталина. Решение это осталось на бумаге; Сталин не принимал в работах Исполнительного Комитета ни малейшего участия.

21 октября ЦК обсуждает вопрос о подготовке к предстоящему съезду Советов. Намечен дух вопросов, по которым шли тезисы и доклады. Тезисы о земле, о войне, о власти поручено составить Ленину, доклад о текущем моменте — Троцкому, о рабочем контроле — Милютину и о национальном вопросе — Сталину.

После переворота по настоянию правого крыла большевиков (Зиновьева, Каменева, Рыкова, Луначарского и других) велись переговоры с меньшевиками и народниками о коалиционном социалистическом правительстве. В качестве одного из условий низвергнутые восстанием партии требовали себе большинства и сверх того устранения из правительства Ленина и Троцкого, как "виновников октябрьской авантюры". Правые члены ЦК склонялись к принятию этого требования. Вопрос обсуждался в ЦК в заседании 1 ноября. Вот что гласит протокол: "Предложено исключить Ленина и Троцкого. Это предложение обезглавить нашу партию, и мы его не принимаем". Готовность правых идти на уступки (фактическую сдачу власти) ЦК заклеймил как "боязнь советского большинства использовать свое большинство".

Большевики не отказывались делить власть с другими партиями, но лишь на основе соотношения сил в Советах. Ленин заявил, что переговоры с мелкобуржуазными партиями имели смысл лишь как прикрытие военных действий. Дмитриевский пишет:

"Пренебрежительно, свысока ведут переговоры вожди соглашательских партий. Ставят твердое условие: в коалиционном правительстве не должно быть ни Ленина, ни Троцкого — "виновников октябрьской авантюры", как они их называют. Председателем правительства до Учредительного собрания должен быть Чернов или Авксентьев. А там... большевики вообще сойдут со сцены.

Каменев, ведущий переговоры, готов на все. Что ему Ленин, что Троцкий, что вся линия большевиков, что пролитая в октябре и безостановочно льющаяся и сейчас кровь!

Но у Ленина твердая рука. И вокруг него — крепкое ядро таких же, как он, решительных и непримиримых людей. Каменеву дают нахлобучку. Отзывают. Вместо него посылаются Свердлов и Сталин, которые выступают резко, непримиримо. Переговоры срываются. Тогда Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин,

Рязанов, Теодорович, Ларин, Юренев и другие — члены ЦК, наркомы, руководители важнейших учреждений заявляют о своем уходе."

Принимается резолюция Троцкого о перерыве переговоров с соглашателями. Сталин не участвует в прениях, но он с большинством. Представители правых выходят в виде протеста из ЦК и из правительства. Большинство ЦК обращается к меньшинству с требованием безусловного подчинения дисциплине партии. Под ультиматумом подписываются десять членов и кандидатов ЦК: Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муралов. О происхождении документа один из членов ЦК, Бубнов, рассказывает следующее:

"Ленин 16 (3) ноября составил текст заявления в Центральный Комитет, где резко критиковалась политика соглашательства и бесконечных колебаний. Написав его, он приглашал в кабинет к себе отдельно каждого из членов Центрального Комитета, знакомил их с текстом заявления и предлагал подписать его. Под заявлением подписалось большинство членов Центрального Комитета, если не ошибаюсь, 17 (4) ноября оно было оглашено". ("Известия ЦИК" №256, 6-7 ноября 1927 г.)

Рассказ интересен в том отношении, что позволяет правильно оценить значение порядка подписей. Ленин прежде всего показывает свой проект ультиматума Троцкому и, заручившись его подписью, вызывает остальных, начиная со Сталина. Так было всегда или почти всегда. Если б документ не был направлен против Зиновьева и Каменева, их подписи стояли бы, вероятно, до подписи Сталина.

Уже знакомый нам Пестковский рассказывает, что в октябрьские дни "необходимо было выделить из среды ЦК группу для руководства восстанием — выделенными оказались Ленин, Сталин и Троцкий". Отводя руководство восстанием этим трем лицам, отметим мимоходом, сотрудник Сталина окончательно хоронит тот практический "центр", куда ни Ленин, ни Троцкий не входили. В показаниях Пестковского есть на этот раз ядро истины. Не в дни восстания, а после его победы в важнейших центрах, но до установления сколько-нибудь правильного режима, необходимо было создать тесный партийный штаб, который мог бы на месте принимать все нужные решения. Участие в этом

штабе Ленина и Троцкого предполагалось само собою. Но нужен был третий. Ни Зиновьев, ни Каменев для этого не годились, к тому же они сами находились в состоянии восстания против ЦК. Выбор оставался между Сталиным и более молодым Свердловым.

29 ноября (12 декабря) ЦК избрал, как гласит протокол, для разрешения неотложных вопросов бюро в составе четырех человек: "Сталин, Ленин, Троцкий и Свердлов... Этой четверке предоставляется право решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в этот момент в Смольном". В этот период Зиновьев, Каменев и Рыков из-за острых разногласий вышли из состава ЦК. Этим объясняется состав четверки. Свердлов был, однако, поглощен секретариатом партии, выступал на собраниях, улаживал конфликты и редко бывал в Смольном. Четверка практически свелась к тройке. Естественно, если каждый из членов тройки ограничивал при каждом своем шаге мнение двух других членов. Таково происхождение фразы Ленина, которой придается ныне столь преувеличенное значение.

Бичуя политику большевиков после 1917 года, Иремашвили пишет: "Исполненный ненасытной местью триумвират начал в бесчеловечной жестокости истреблять все живое и мертвое" и т.д. Под триумвиратом Иремашвили понимает Ленина, Троцкого и Сталина. В сущности это первый раз, где нам приходится встречать объединение трех названных лиц именем триумвирата. Можно сказать с уверенностью, что эта идея триумвирата возникла в уме Иремашвили лишь значительно позже, когда Сталин выдвинулся на первый план. Однако же, крупица истины, по крайней мере формальной, в словах Иремашвили есть. В связи с переговорами в Брест-Литовске несчетно цитируются слова Ленина "посоветуюсь со Сталиным и дам отчет". Дело в том, что такая тройка в некоторые моменты действительно существовала, хотя и не всегда с участием Сталина.

Не надо, однако, представлять себе, что дело шло о "триумвирате". ЦК собирался часто и разрешал все важные и особенно спорные вопросы. Тройка нужна была для неотложных практических решений в связи с ходом восстания в провинции, попыткой Керенского войти в Петроград, продовольствием столицы и

прочее. Тройка существовала по крайней мере номинально, до переезда правительства в Москву.

Важнейшие решения того периода достигались нередко соглашением Ленина со мной. Но на тот случай, если такое соглашение не было достигнуто, нужен был третий. Зиновьев находился в Петербурге, Каменев также далеко не всегда в Москве. Кроме того, он, как и другие члены Политбюро и ЦК, отдавали значительную часть своего времени агитации. Сталин был свободнее всех членов Политбюро от агитации, руководства Советами и проч. Вот почему до его отъезда в Царицын он выполнял обычно обязанности "третьего". Ленин очень строго соблюдал форму и потому, естественно, не брал на себя отвечать от собственного лишь имени. Вообще не редкие в новейшей литературе замечания о том. как Ленин предписал, приказал и проч., представляют перенесение порядка сталинского режима на тот период, когда о них не было еще и речи. Директивы могло давать, тем более приказывать, только Политбюро, а за отсутствием полного состава, тройка, которая составляла кворум пятичленного бюро. Во время отсутствия Сталина Ленин с такой же скрупулезностью совещался с Крестинским, секретарем ЦК, и в архивах можно найти несомненно не мало письменных ссылок на такие совещания.

Правда, Зинаида Орджоникидзе в своих воспоминаниях "Путь большевика" пишет: "Восемь дней после этого я не имела от Серго никаких известий. Это очень волновало меня. Из Питера доходили слухи о каких-то событиях, поговаривали, что власть перешла в руки большевиков, что во главе восставших стоят Ленин и Сталин..." Эта свидетельница впервые выехала за пределы своей сибирской родины в 1917 г., и поезд, который она увидела тогда в первый раз в жизни, произвел на нее большее впечатление, чем революция. Проведя дни петроградского восстания на Кавказе, она свидетельствует теперь, что во главе восстания стоял Ленин и Сталин. Вряд ли во всей кавказской печати того времени можно хоть раз встретить имя Сталина.

В этот период нередко говорили о дуумвирате. Во время гражданской войны Демьян Бедный написал стихи о "нашей двойке". О триумвирате не говорил никто. Во всяком случае, если б кто-нибудь употребил этот термин, то третьим, в качест-

ве председателя ЦИК, значился бы не Сталин, а Свердлов, очень популярный в качестве председателя ЦИК, подписывавший все важнейшие декреты. Помню, жалуясь на недостаточный авторитет московского распоряжения на местах, Свердлов говорил мне как-то: "На местах признают только три подписи: Ильича, вашу да еще немножко мою".

Ф. Самойлов в книге "По следам минувшего" (стр. 300) пишет: "Меньшевистский секретарь (С.М. Зарецкая) нас определенно игнорировала, а мы, не доверяя ей, в свою очередь, старались как можно меньше к ней обращаться и вместо нее обращались к нашим петроградским товарищам, виднейшим партработникам, которые и консультировали нас по всем интересовавшим нас вопросам. Этими товарищами в то время были: М.Н. Крестинский, Н.Д. Соколов, М.С. Ольминский, М.А. Савельев, К.Н. Самойлова, Я.М. Свердлов, Сталин, А.С. Бубнов, Каменев и некоторые другие. Они участвовали на различных наших совещаниях по возникавшим у нас от времени до времени разным вопросам и на общих заседаниях фракции давали нам всякие советы, писали речи."

Опять интересен порядок имен: никто никогда не ставил Сталина на первое, ни даже на одно из первых мест. Между тем воспоминания вполне благонадежного автора опубликованы в 1934 году. Сейчас цензура ни в коем случае не пропустила бы такой список. Остается еще отметить, что из перечисленных лиц четыре умерли естественной смертью, два расстреляны (Крестинский, Каменев), один таинственно "исчез" (Бубнов); соратником Сталина остается один Савельев, который стал одним из главных фальсификаторов истории.

Когда я в начале мая прибыл в Петроград, я вряд ли помнил имя Сталина. В большевистской прессе я, вероятно, встречал это имя под статьями, которые вряд ли останавливали на себе мое внимание. Первые встречи были с Каменевым, Лениным, Зиновьевым. С ними велись переговоры о слиянии. Ни на заседаниях Совета, или Центрального Исполнительного Комитета, ни на многочисленных митингах, занимавших значительную часть моего времени, я Сталина не встречал, т.е. я сразу вошел в тесное общение с ним уже по работе в Центральном Исполнительном Комитете. Я потерял Сталина и из числа второстепенных

членов Центрального Комитета, таких как Бубнова, Милютина, Ногина и др.

В первое Политбюро вошли Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Крестинский. Кандидатами были Бухарин, Зиновьев, Калинин. В первое Оргбюро вошли Сталин, Белобородов, Серебряков, Стасова и Крестинский.

Центральный Комитет имел не менее двух пленарных заседаний в месяц в заранее установленные дни. Все наиболее важные политические и организационные вопросы, не требующие самого спешного разрешения, обсуждались на этих пленарных собраниях Центрального Комитета.

Центральный Комитет организовал, во-первых, Политическое Бюро, во-вторых, Организационное Бюро, в-третьих, — Секретариат.

Политическое бюро состояло первоначально из 5 членов Центрального Комитета. Все остальные члены ЦК, имеющие возможность участвовать в том или ином заседании Политического Бюро, пользовались в заседании Политического Бюро совещательным голосом. Политическое Бюро принимало решения по вопросам, не терпящим отлагательства, и о всей своей работе за две недели делали отчет очередному пленарному собранию Центрального Комитета.

Считалось, что Организационное Бюро состоит из 5 членов Центрального Комитета. Каждый из членов Организационного Бюро заведует соответствующим отделом работы. Организационное Бюро собирается не реже 3 раз в неделю. Организационное Бюро направляет всю организационную работу партии. Организационное Бюро отчитывается перед пленумом ЦК каждые две недели.

Секретарь ЦК, Крестинский, входил в Политбюро и в Организационное Бюро, создавая между ними необходимую связь. Согласно уставу, Политбюро "принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства". Но таковы были, по сути, все вопросы. Естественно, если руководство сосредоточивалось в руках Политбюро. Оргбюро и секретариат сохраняли совершенно подчиненное положение, за исключением тех случаев, когда в самом Политбюро возникали острые разногласия. ЦК в целом шел обычно за Политбюро.

24 сентября ЦК постановляет: "Председателем Совета проводить Троцкого". И позже, когда группа эсеров решила в декабре "срезать большевистскую головку", им, по рассказу Бориса Соколова, одного из заговорщиков, "представлялось ясным, что наиболее зловредными и важными большевиками являются Ленин и Троцкий. Надо начать именно с них". Обвинительный акт 1938 г. приписывал Бухарину план убийства Ленина, Сталина, Свердлова в 1918 г., когда Бухарин и его группа противились подписанию Брестского договора. В 1918 году Сталин был настолько второстепенной фигурой, что самому заклятому террористу не пришло бы в голову выбрать его жертвой. В этой своей части процесс имеет задачей проектировать нынешнее бюрократическое величие Сталина на прошлое.

"В президиум Предпарламента, — гласят протоколы ЦК, — от большевиков вошли Троцкий и Каменев". А в Учредительное собрание Сталин предлагал выставить "кандидатуры тов. Ленина, Зиновьева, Коллонтай, Троцкого и Луначарского". Это те пять лиц, которые выставлялись от имени всей партии. Напомним, что только две недели тому назад Троцкий вместе с меньшевиками и эсерами требовал будто бы явки Ленина на суд. Отметим здесь же, что через десять лет в юбилейном номере "Правды", целиком посвященном июльским дням, имя Сталина, тогда уже первого лица в стране, не названо ни разу: память еще не успела перестроиться. Понадобилось еще несколько лет, чтоб отвести Сталину то место в событиях, какое указал он сам.

В списке большевистских кандидатов в Учредительное собрание, возглавляемым Лениным, имя Сталина стоит на восьмом месте. Первые двадцать пять кандидатов являются официальными кандидатами ЦК. Список вырабатывался комиссией под руководством трех членов ЦК: Урицкого, Сокольникова и Сталина. Ленин резко протестовал против списка: слишком много сомнительных интеллигентов, слишком мало надежных рабочих. В протоколах указывалось: "Совершенно недопустимо также непомерное число кандидатов из малоиспытанных лиц, совсем недавно примкнувших к нашей партии (вроде Ю. Ларина). Заполняя список такими кандидатами, кои должны бы сначала месяцы проработать в партии, Центральный Комитет открывает настежь двери для карьеризма, для погони за местечками в

Учредительном собрании. Необходим экстренный пересмотр и исправление списка...

Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе в направлении нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Л.Д. Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии..." ("Первый легальный П.К. большевиков в 1917 году", Ленинградский Истпарт, стр. 305-306).

В первые месяцы Сталин вместе с Каменевым, Сокольниковым и другими, входит во всякого рода делегации ЦК для переговоров с другими партиями и организациями, входит в бюро большевистской фракции Учредительного Собрания, разоблачает в печати Украинскую Раду, защищает перед ЦИК декрет о независимости Финляндии, ведет сношения со своим старым соперником Степаном Шаумяном, который назначен теперь "чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа".

8 качестве представителя партии Сталин участвует в конце января 1918 г. в совещании представителей нескольких иностранных социалистических партий в Петрограде, где присутствовали: И. Сталин (ЦК РКП(б)), Хеглунд и Гримлунд (Шведская марксистская левая партия), Ниссен (Норвежская с.-д. партия), Натансон и Устинов (левые эсеры), Петров (Британская социалистическая партия), Я. Долецкий (ЦК с.-д. Польши и Литвы), Бужор (румынские с.-д.), Радошевич (югославские с.-д.), Б. Рейнштейн (Американская Социалистическая Рабочая партия), Айкуни (Армянская с.д.) и др. Совещание, обсудив вопрос о созыве левой интернационалистической конференции, пришло к выводу, что "международная социалистическая конференция... должна быть созвана при следующих условиях: 1. Согласие партий и организаций стать на путь революционной борьбы против "своих" правительств за немедленный мир; 2. Поддержка Октябрьской российской революции и Советской власти ("Правда" №23, 6 февраля (24 января) 1918 года). Совещание кроме того избрало Интернациональное Бюро.

"Когда в октябре 1917 г. собрался съезд Финляндской социалистической партии, — пишет Пестковский, — и встал вопрос, за кем пойдет рабочий класс Финляндии, ЦК большевиков отправил на этот съезд в качестве своего представителя Сталина". Причина была та, что никого другого из вождей партии нельзя было в те дни отрывать от работы. Ни Ленин, ни Троцкий, ни Свердлов не могли отлучиться из Петрограда, с другой стороны, Зиновьев и Каменев совершенно не подходили в этот период для задачи поднятия восстания в Финляндии. Кандидатура Сталина являлась наиболее существенной. На этом именно съезде Сталин, по-видимому впервые, познакомился с Таннером, с которым ему пришлось 22 года спустя вести переговоры накануне советско-финляндской войны.

В качестве члена Политбюро Сталин был включен в делегацию от РКП, но это включение имело чисто номинальный характер, в работе Конгресса Сталин не принимал участия. Представителями от РКП (б) были Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и Чичерин, и с совещательным голосом — Воровский и Осинский.

Во время Брест-Литовских переговоров распущено было Учредительное Собрание. Инициатива принадлежала Ленину, как и выработка соответствующего декрета. Вопрос о роспуске Учредительного Собрания был предрешен на частном совещании членов Совета народных комиссаров, происходившем вечером 18 (5) января в Таврическом дворце. На этом же совещании Ленин набросал тезисы декрета о роспуске Учредительного собрания. Днем 19 (6) января вопрос о его роспуске рассматривался на заседании Совета народных комиссаров; на этом заседании были утверждены тезисы Ленина, легшие в основу декрета. Несколько поправок в написанный Лениным проект декрета было внесено И.В. Сталиным. Декрет о роспуске был оглашен на заседании ВЦИК В.А. Карелиным и принят ВЦИК в 1 ч. 30 м. ночи на 20 (7) января.

В ночь на 8 (21) ноября Духонину отправлена радиограмма за подписью Ленина, Троцкого, Крыленко с предложением немедленно открыть переговоры о перемирии. С тех пор вопрос о сепаратном мире неоднократно обсуждался в ЦК.

Протокол совещания 21 (8) января не сохранился; в архиве Института Ленина сохранилась лишь запись выступлений против-

ников сепаратного мира, которую вел Ленин крандашом на обороте "тезисов". (Имеется запись речей В.В. Оболенского-Осинского, Л.Д. Троцкого, Г.И. Ломова. Е.А. Преображенского, Л.Б. Каменева и В.Н. Яковлевой). На совещании присутствовало 63 человека, из которых абсолютное большинство (32 голоса) высказалось за революционную войну, точка зрения Л.Д. Троцкого — ни война, ни мир — получила 16 голосов и Ленина — 15 голосов.

Вопрос о мире обсуждался затем на заседании ЦК партии 24 (11) января. На этом заседании Ленина поддерживали И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Г.Я. Сокольников, Артем (Сергеев); за революционную войну высказывались Г.И. Ломов, Н.Н. Крестинский; за точку зрения Л.Д. Троцкого, кроме него самого, — И.И. Бухарин и М.С. Урицкий. На голосование было поставлено три предложения: Ленина — "мы всячески затягиваем подписание мира" — (за 12, против 1), Л.Д. Троцкого — "собираемся ли мы призывать к революционной войне?" (за 2, против 11, воздержавшихся 1); и "мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем" (за 9, против 7).

Протоколы 1918 года, несмотря на неполноту и тенденциозную обработку, дают и в этом вопросе неоценимые указания. В заседании 11 января тов. Сергеев (Артем) указывает, что все ораторы согласны в том, что нашей социалистической республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе. Сергеев стоял на позиции Ленина, т.е. за подписание мира. Никто Сергееву не противоречит. Все три борющиеся группы апеллируют наперебой к одной и той же общей посылке: без мировой революции нам несдобровать.

В заседании 11 января Сталин обосновывал необходимость подписания сепаратного мира тем, что "революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться". Еще весьма далекий от теории социализма в отдельной стране, он, однако, явно обнаруживает в этих словах свое органическое недоверие к интернациональному движению. "С потенцией мы не можем считаться!"

Не может считаться! Ленин сейчас же отмежевывается от сталинской поддержки: революция на Западе еще не началась, это верно; "однако если бы в силу этого мы изменили свою тактику,

то мы явились бы изменниками международному социализму".

"Заседание (24) 11 января 1918 г. Тов.Сергеев (Артем) указывает, что все ораторы согласны в том, что нашей социалистической республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе" (стр. 206).

Член ЦК Артем свидетельствует: все члены ЦК солидарны в том, что без социалистической революции в Европе советская республика погибнет. Таким образом "троцкизм" в это время безраздельно господствовал в Центральном Комитете партии. И чего только смотрел Сталин? Почему молчал?

"Заседание 23 февраля 1918 г. тов Сталин... "мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а на месяцы" (стр. 210).

"Так в оригинале", — притворяется Савельев непонимающим. Но мысль Сталина совершенно ясна: "Мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а мы — на месяцы". Это вполне соответствует тогдашним настроениям и, в частности, словам Артема о том, что все члены ЦК были согласны в одном: без победы международной революции в ближайшее время (по Сталину — в ближайшие месяцы) советская власть не устоит.

В течение нескольких лет Сталин и все его Куусинены распространяют во всем мире версию, будто Троцкий самовольно и против ЦК решил в Бресте мира не подписывать. Сталин брался даже доказать это в печати. Теперь мы имеем официальное показание протоколов.

"Заседание 24/11 января 1918 г. Тов. Троцкий предлагает поставить на голосование следующую формулу: мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем. Ставится на голосование. За — 9, против — 7" (стр. 207).

Кажется, достаточно ясно?

На следующий день 25 (12) января вопрос о мире обсуждался на соединенном заседании Центральных Комитетов большевиков и левых эсеров. Большинством голосов было принято постановление предложить на рассмотрение съезда Советов формулу: "войны не вести, мира не подписывать".

Свои тезисы Ленин, по-видимому, первоначально предполагал опубликовать вскоре после партийного совещания и начал даже писать к ним послесловие (имеется в архиве Института Ленина). Но так как точка зрения Ленина не была принята ЦК партии, тезисы были опубликованы в "Правде" только 24 февраля, после того, как ЦК принял предложение Ленина о необходимости подписания сепаратного мира. При опубликовании тезисов Ленин сопроводил их вводной стетьей: "К истории вопроса о несчастном мире".

14 (27) января в связи с мирными переговорами в Брест-Литовске были массовые забастовки в Германии и Австро-Венгрии с требованием скорейшего мира и улучшения продовольственного положения. Что германцы "не смогут наступать", этот довод миллионы уже раз повторялся в январе и начале февраля 1918 г. противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли — примерно, конечно — вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25-33%.

Как относился Сталин к формуле Троцкого? Вот, что заявил Сталин через неделю после того заседания, где эта формула была принята 9-ю голосами против 7-ми:

"Заседание 1 февраля (19 января) 1918 г. т. Сталин... выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого" (стр. 214).

Приходится удивляться, как эти слова Сталина, несмотря на недреманное око Савельева, сохранились в протоколе: ведь они же не оставляют камня на камне во всей позднейшей многолетней агитации по поводу Брест-Литовского мира. Оказывается, 19 января (1 февраля) Сталин считал, что позиция Троцкого дала партии "выход из тяжелого положения". Слова Сталина станут вполне понятны, если принять во внимание, что в течение всего этого критического периода подавляющее большинство партийных организаций и Советов стояли за революционную войну, и что, следовательно, позиция Ленина могла быть проведена не иначе, как путем партийного и государственного переворота (о чем, конечно, не могло быть и речи). Таким образом, Сталин отнюдь не ошибался, а только констатировал бесспорный факт, когда говорил, что позиция Троцкого являлась для партии в тот период единственно мыслимым выходом из положения.

10 февраля 1918 г. произошло несколько событий: оглашение советской делегацией на мирной конференции в Брест-Литовске заявления об отказе Советского правительства подписать аннексионистский мир и о прекращении войны с державами Четвертого союза; отъезд советской делегации в Петроград; опубликование приказа верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о прекращении военных действий против держав Четвертого союза и о демобилизации армии. Как же вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы — совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделываться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, — это как можно скорее демобилизовать ее. Это — больная часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тяготы этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, чем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию — это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой переоценкой событий была революционная фраза: "Немец не может наступать", из которой вытекала другая: "Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира". Но если немец наступит? "Нет, он не сможет наступать".

Заседания ЦК 18 февраля были целиком посвящены вопросу о том, как реагировать на начавшееся немецкое наступление.

После разрыва переговоров в Бресте 10 февраля и оглашения русской делегацией декларации о прекращении войны и неподписании мира в Германии окончательно победила "военная

партия" — партия крайних аннексионистов. На совещании в Гамбурге 13 февраля, происходившем под председательством императора Вильгельма, была принята предложенная им формулировка: "Неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия". 16 февраля германское военное командование официально сообщило Советскому правительству о прекращении перемирия с Советской республикой с 12 часов дня 18 февраля, нарушив, таким образом, договор о том, что предупреждение о прекращении перемирия должно быть сделано за семь дней до начала военных действий.

Вопрос о том, как реагировать на немецкое наступление, обсуждался на заседании ЦК партии вечером 17 февраля. Немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира было отвергнуто 6 голосами против 5; с другой стороны, "за революционную войну" не голосовал никто, причем Н.И. Бухарин, Г.И. Ломов и А.А. Иоффе "отказались от голосования в такой постановке вопроса". Большинством голосов было принято решение "выждать с возобновлением переговоров о мире, пока в достаточной степени не проявится наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение". Единогласно при трех воздержавшихся было принято следующее постановление: "Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, и революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, — заключаем мир".

18 февраля началось наступление немцев. ЦК партии заседал весь день — с небольшими перерывами (на одном из протоколов указано время — "вечером", два другие более точно не датированы). На первом заседании, после выступления Ленина и Г.Е. Зиновьева за подписание мира и Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина — против, — предложение: "немедленно обратиться с предложением о возобновлении мирных переговоров" было отвергнуто 7 голосами против 6. На втором, вечернем, заседании после выступлений Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова и Н.Н. Крестинского за возобновление переговоров о мире, М.С. М.С. Урицкого, Н.И. Бухарина и Г.И. Ломова – против, и Л.Д. Троцкого, предложившего — не возобновлять переговоры о мире, но затребовать от немцев формулированные требования, — был поставлен на голосование вопрос: "следует ли немедленно

обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира?" Это предложение было принято 7 голосами (Ленин, И.Т. Смилга, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев), против — 5 (М.С. Урицкий, Г.И. Ломов, Н.И. Бухарин, А.А. Иоффе, Н.Н. Крестинский) при 1 воздержавшемся (Е.Д. Стасова).

Далее было решено сейчас же дать точную формулировку принятого решения и выработать текст обращения к немецкому правительству. По предложению Ленина было поставлено на голосование, из каких частей должна состоять телеграмма. За протест голосовали все, 2 воздержалось. За вынужденность мира — все, 2 воздержалось. За готовность подписать старые условия с указанием, что нет отказа от принятия худших предложений: за — 7, против — 4, воздержалось — 2. Выработка самого текста поручена Ленину и Л.Д. Троцкому.

Проект радиограммы был тогда же написан Лениным и с незначительными поправками Л.Д. Троцкого утвержден на соединенном заседании ЦК большевиков и левых эсеров и послан за подписью Совнаркома в ночь на 19 февраля в Берлин.

Ответ на советскую радиограмму с изложением немецких условий мира был получен в Петрограде в 10, 1/2 час. утра. Условия мира, по сравнению с предъявленными 10 февраля, были значительно ухудшены. Лифляндия и Эстляндия должны были быть немедленно очищены от Красной армии, и в них вводилась немецкая полиция; Россия обязывалась заключить мир с буржуазными Украинским и Финляндским правительствами и т.д.

Вопрос о принятии немецких условий мира обсуждался 23 февраля сперва на заседании ЦК РСДРП (б), затем на соединенном заседании ЦК РСДРП и ЦК левых эсеров, на соединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК и, наконец, на пленарном заседании ВЦИК.

На заседании ЦК РСДРП (б) за принятие этих условий и подписание мира выступали Ленин, Г.Е. Зиновьев, Я.М. Свердлов и Г.Я. Сокольников; против — Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, М.С. Урицкий, Г.И. Ломов. Л.Д. Троцкий заявил, что "если мы имели бы единодушие, мы могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим... Но нужно было бы максимальное единство. Раз его нет, я на себя не

возьму ответственности голосовать за войну". ЦК постановил 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся: 1) принять немедленно германское предложение, 2) единогласно — готовить немедленно революционную войну и 3) единогласно при трех воздержавшихся — произвести немедленно опрос советских избирателей Петербурга и Москвы для выяснения отношения масс к заключению мира.

А какова же была позиция самого Сталина? "Заседание 23 февраля 1918 г. Тов. Сталин. Можно не подписывать, но начать мирные переговоры. Тов. Ленин... Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписывать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишите, то вы подпишите смертный приговор советской власти через 3 недели.

Тов. Урицкий возражает Сталину, что условия надо принять или нет, но вести теперь еще переговоры нельзя" (стр. 249).

Для всякого знакомого с положением вещей в тот момент ясна безнадежная путаница, вытекавшая из отсутствия у него какой бы то ни было продуманной позиции. Уже к 18-му февраля немцы взяли Двинск. Их наступление развертывалось с чрезвычайной быстротой. Политика оттяжек была исчерпана без остатка. Сталин предлагает 23 февраля мира не подписывать, а... вести переговоры.

Сталин выступает снова, второй раз, чтобы защищать на этот раз необходимость подписать договор. Он пользуется случаем, чтоб поправиться также и в вопросе о международной революции: "Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир". Смысл Брестской капитуляции исчерпывался для Ленина словом "передышка". Протоколы свидетельствуют, что после ленинского предложения Сталин искал случая поправиться. На заседании 23 февраля 1918 года он заявил: "Мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а (мы) — на месяцы".

Никакой самостоятельной позиции в период Брестских переговоров Сталин не занимал. Он колебался, выжидал, отмалчивался. В последний момент голосовал за предложение Ленина. Путанная и беспомощная позиция Сталина в тот период достаточно ярко, хотя и не полно, характеризуется даже официально обработанными протоколами ЦК.

Он выжидал и комбинировал. "Старик все еще надеется на мир, — кивал он мне в сторону Ленина, — не выйдет у него мира". Потом он уходил к Ленину и делал, вероятно, такие же замечания по моему адресу. Сталин никогда не выступал. Никто его противоречиями особенно не интересовался. Несомненно, что главная моя задача сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату, было для Сталина делом второстепенным. Его интересовал "мир в одной стране", как впоследствии — "социализм в одной стране". В решающем голосовании он присоединился к Ленину. Лишь несколько лет спустя, в интересах борьбы с троцкизмом, он выработал для себя некоторое подобие "точки зрения" на брестские события:

"Все контрреволюционеры, начиная от меньшевиков и эсеров и кончая самыми отъявленными белогвардейцами, вели бешеную агитацию против подписания мира. Их линия была ясна: они хотели сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немцев и поставить под удар неокрепшую еще Советскую власть, поставить под угрозу завоевания рабочих и крестьян.

Их союзниками в этом деле оказались Троцкий и его сподручный Бухарин, который вместе с Радеком и Пятаковым возглавлял враждебную партии группу, именовавшую себя для маскировки группой "левых коммунистов". Троцкий и группа "левых коммунистов" повели внутри партии ожесточенную борьбу против Ленина, требуя продолжения войны. Эти люди явно играли на руку германским империалистам и контрреволюционерам внутри страны, так как вели дело к тому, чтобы поставить молодую, не имевшую еще армии, Советскую республику под удар германского империализма.

Это была какая-то провокаторская политика, искусно маскируемая левыми фразами.

10 февраля 1918 года мирные переговоры в Брест-Литовске были прерваны. Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира, Троцкий будучи председателем советской делегации в Бресте, предательски нарушил прямые директивы большевистской партии. Он заявил об отказе Советской республики подписать мир на предложенных Германией условиях и в то же самое время сообщил немцам, что Советская республика вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии.

Это было чудовищно. Большего не могли требовать немецкие империалисты от предателя интересов Советской страны.

Ленин назвал это решение "странным и чудовищным".

В то время партии не была еще ясна действительная причина такого антипартийного поведения Троцкого и "левых коммунистов". Но как это установил недавно процесс антисоветского "право-троцкистского блока" (начало 1938 года), Бухарин и возглавляемая им группа "левых коммунистов" совместно с Троцким и "левыми" эсерами, оказывается, состояли тогда в тайном заговоре против Советского правительства. Бухарин, Троцкий и их сообщники по заговору, оказывается, ставили себе цель — сорвать брестский мирный договор, арестовать В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, убить их и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и "левых" эсеров".

В современных исторических исследованиях можно на каждом шагу встретить праздник: в Брест-Литовске Троцкий не выполнил инструкции Ленина, на Южном фронте Троцкий пошел против директивы Ленина, на Восточном фронте Троцкий действовал вразрез с указаниями Ленина и пр. и пр. Прежде всего надо отметить, что Ленин не мог давать мне личных директив. Отношения партии были совсем не таковы. Мы оба были членами ЦК, который разрешал все разногласия. Если между мной и Лениным было то или другое разногласие, а такие разногласия бывали не раз, вопрос автоматически переходил в Политбюро, и оно выносило решение. Следовательно, с формальной стороны тут не шло никаким образом речи о нарушении мной директив Ленина. Никто не отваживается сказать, что я нарушил постановление Политбюро или ЦК. Это только одна сторона дела, формальная.

По существу же нельзя не спросить: были ли основания выполнять директивы Ленина, который во главе военного ведомства поставил меня — лицо преступное и не совершавшее ничего, кроме ошибок и преступлений; во главе всего народного хозяйства поставил Рыкова, реставратора капитализма, будущего агента фашизма и пр.; во главе Коммунистического Интернационала поставил будущего фашиста и изменника Зиновьева, во главе центрального органа партии и в качества одного из руко-

водителей Коммунистического Интернационала будущего фашистского бандита Бухарина и т.д. и т.п. Или Ленин столь роковым образом ошибался в оценке своих ближайших сотрудников, которых он знал в течение десятков лет?

8 марта, на 7-ом съезде, Ленин говорил:

"Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно использовав их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украл. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным, и мир не был подписан... Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отмела это, об этом не стоит вспоминать."

Было глубокое различие между политикой Ленина во время Брест-Литовского кризиса и политикой Сталина, который стоял ближе к Зиновьеву. Надо сказать, что Зиновьев один имел мужество требовать немедленного подписания мира, предсказывая, что затяжка переговоров поведет к ухудшению мирных условий, вернее сказать, пугая нас этим. Никто из нас не сомневался, что с точки зрения "патриотической" выгоднее подписать условия немедленно, но Ленин считал, что затягивание мирных переговоров есть революционная агитация и что задачи международной революции стоят над патриотическими соображениями от территориальных и иных условий мирного договора. Для Ленина вопрос сводился к передышке в борьбе за международную революцию. Сталин считал, что международная революция будет "потенция", с которой мы считаться не можем. Он вносил, правда, позже в эти слова поправки, чтобы противопоставлять себя другим. Но по существу международная революция в те дни, как и значительно позже, оставалась для него безжизненной формулой, с которой ему нечего было делать в практической политике.

Именно во время этого кризиса ясно видно было, что факторы мировой политики являются для Сталина рядом неизвестных величин. Он их не знал, и они его не интересовали. В германском рабочем классе шли страстные прения в передовых слоях о том, почему большевики вступили в переговоры и готовятся к заключению мира. Было не мало голосов в том смысле, что большевики и правительство Гогенцоллерна играют комедию с заранее распределенными ролями. Борьба за революцию требовала доказать этим рабочим, что мы не можем поступить иначе, что враг наступает нам на затылок, что мы вынуждены подписать мирный договор, именно поэтому немецкое наступление являлось самым очевидным доказательством вынужденного характера договора. Одного ультиматума с Германией было недостаточно: ультиматум мог тоже входить в заранее условленную игру. Другое дело — продвижение германских войск, захват городов, военного имущества. Мы теряли огромные ценности. Но мы выигрывали в политическом доверии рабочего класса всего мира. Таков был смысл разногласия.

СТАЛИН В НАРКОМНАЦЕ

2 (15) ноября опубликована за подписью Ленина и Сталина "Декларация прав народов России", объявляющая, что национальную политику советской власти будут направлять четыре принципа: 1) равенство всех народов России; 2) право на отделение и образование самостоятельного государства; 3) отмена всех национальных ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств в составе каждого из народов. Текст самого документа, несущего на себе, несмотря на краткость, черты тяжеловесности, был, видимо, очищен рукою Ленина. На тексте этого исторического документа есть поправки, внесенные Бухариным и Сталиным. "Большинство их поправок, — гласит комментарий к сочинениям Ленина, — не имеет принципиального характера".

В этот первый хаотический период работа еще не поделена, роли не определились. Время административной работы комиссара национальностей еще не пришло. В агитации Сталин не участвует. Он выполняет разные поручения, помогая в текущей работе Ленину. Позже он сам говорил о себе, как о члене штаба Ленина. Это было бы не лишено меткости, если б работа Сталина отличалась большей систематичностью.

Наряду с вождями партии и страны имелись вожди, так сказать, ведомственного значения. Таким вождем стал Сталин в области отсталых национальностей. На различных съездах отсталых национальностей, на съездах, посвященных национальному вопросу, имя Сталина включается в список вождей, правда, на последнем месте.

27 ноября 1919 г. открылся в Москве Второй Всероссиский съезд мусульманских коммунистических организаций народов Востока. Съезд был открыт Сталиным от имени Центрального Комитета партии. Почетными членами были избраны четыре лица: Ленин, Троцкий, Зиновьев и Сталин.

Председатель съезда Султан-Галиев, один из тех, который плохо впоследствии кончил, предложил съезду приветствовать Сталина как "одного из тех бойцов, которые горят огнем ненависти к международному империализму".

Однако крайне характерен для тогдашней градации вождей тот факт, что общая политическая резолюция по докладу Султан-Галиева заключается приветствием: "Да здравствует Российская коммунистическая партия... да здравствуют ее вожди Ленин и Троцкий." Даже этот съезд народов Востока, проходивший под непосредственным руководством Сталина, не счел нужным включить Сталина в число вождей партии.

В апреле происходит в Москве Первый Всероссийский съезд чувашских коммунистических секций. Почетный президиум состоит из тех же четырех лиц: Ленин, Троцкий, Зиновьев и Сталин. Описывая открытие съезда, журнал Народного комиссариата национальностей указывает, что на стенах красовались портреты вождей мировой революции: Карла Маркса, Ленина, Троцкого и Зиновьева.

Первый съезд коммунистов-чувашей происходил в апреле 1920, следовательно, через два с лишним года после установления советской власти. В этот период портретов Сталина еще не существовало, они нигде не вывешивались, и никому не пришло в голову украсить хотя бы зал съезда, который целиком входил в сферу деятельности самого Сталина.

В июле 1920 г. собирается 2-ой конгресс Коминтерна. На этом конгрессе обсуждается национальный и колониальный вопросы. Тезисы по национальному и колониальному вопросам вырабатывает Ленин, ему же принадлежит руководство работой комиссии по национальному и колониальному вопросам, он делает на заседании 2-го конгресса 6 июля доклад от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам. Никому не могло прийти в голову поручить составление тезисов или доклад по национальному вопросу Сталину. Принимал ли он участие в комиссии по национальному вопросу? Курьез, что биограф Сталина Суварин решительно, поскольку в теоретической области решительность ему свойственна, отвергает принцип права наций на самоопределение, принцип, лежащий в основе Наркомнаца и соответственной деятельности Сталина. В то же время Суварин

решительно выступает за принцип демократии в противовес диктатуре. Бедному автору не приходит в голову, что принцип демократии в применении к национальной области не означает право на самоопределение. Если демократия есть власть народа, то очевидно, что народ должен "иметь право" организовать свою власть сообразно со своими национальными интересами, как он их понимает. Сказать, что это не осуществимо, значит попросту не знать, что демократия не осуществима. Действительно идеальная, законченная, действительная демократия оказалась немыслима в капиталистическом обществе, но это вовсе не значит, что она не мыслима вообще со всеми теми ограничениями, которые вносит в нее классовый строй. Точно то же самое относится и к вопросу о национальном самоопределении.

С 16 мая (дата Четвертой украинской конференции), по крайней мере до 20 мая, Сталин принимал участие в различных заседаниях и совещаниях Украинской партии. На 9-ой партийной конференции писал статьи и произносил речи (ленинскому пятидесятилетию и т.д.). К концу этого года (октябрь, ноябрь, декабрь) он занят на всякого рода конгрессах.

7 ноября 1920 г., т.е. в третью годовщину Октябрьского переворота мы застаем Сталина в Баку, где он выступает на торжественном заседании Совета с докладом "Три года пролетарской диктатуры". 13 ноября Сталин выступает с докладом в Дагестане на съезде народов Дагестана для декларации об автономии Дагестана. "Речь т. Сталина, — как сообщает журнал комиссариата национальностей, — во многих местах прерывалась громом аплодисментов, Интернационалом и закончилась бурной овацией".

18-21 декабря происходит Первое Всероссийское совещание представителей автономных республик, областей и пр. Каменский передает совещанию привет от имени Сталина, который не может присутствовать по болезни. Единогласно принимается предложение послать приветствие Сталину.

19 января 1921 года состоялось заседание Совета Национальностей под председательством Сталина. Следовательно, его болезнь, о которой сообщал Каминский 18 декабря, могла начаться не раньше, как в середине ноября, ибо 13 ноября 1920 г. он участвовал на съезде народов Дагестана. Болезнь закончилась до

19 января, когда происходило заседание Совета Национальностей под председательством Сталина. Период болезни мог длиться при этих условиях вместе с периодом выздоровления и отдыха не более двух месяцев. Очевидно, к этому времени относится его операция.

Посты, которые занимал Сталин в первые годы после переворота, и отдельные поручения, преимущественно организационного и дипломатического характера, которые он выполнял, очень разнообразны; но такова была участь большинства ответственных работников того времени. Прямо или косвенно все занимались гражданской войной; рутинные обязанности ложились обычно на ближайших помощников. Сталин числился членом редакции центрального органа, но на деле почти не имел к "Правде" отношения. Более систематическую работу, прерывавшуюся поездками на фронт, он выполнял в комиссариате Национальностей. Советское государство только формировалось, и установить по-новому взаимоотношения разных национальностей было нелегко. Общее руководство в этой области, не говоря уже об инициативе, принадлежали полностью Ленину, который с давних пор придавал национальному вопросу огромное значение, второе по важности после аграрного. По дневнику его секретариата видно, как часто он принимал разного рода национальные делегации и обращался с письмами, запросами и указаниями по поводу той или другой национальной группы. Все сколько-нибудь принципиальные меры проводились им через Политбюро; менее важные обсуждались по телефону со Сталиным. На комиссариат Национальностей ложилось лишь техническое выполнение уже вынесенных решений.

О работе этого комиссариата опубликованы в 1922 г. и в 1930 г. воспоминания Пестковского, ближайшего помощника Сталина в первые 20 месяцев советского режима.

Старый польский революционер, бывший на каторге, участник Октябрьского восстания, занимавший после победы самые различные должности, в том числе пост советского представителя в Мексике (1924-1926 гг), Пестковский долго состоял в одной из оппозиционных групп, но успел своевременно раскаяться. Печать свежего раскаяния лежит на второй части этих воспоминаний, но не лишает их ни свежести, ни интереса.

Инициатива сотрудничества принадлежала Пестковскому, который стучался в разные двери, ища и не находя применения своим скромным способностям. "Тов. Сталин, — сказал я, — вы народный комиссар по делам национальностей? — Я.— А комиссариат у вас есть? — Нет. Ну, так я вам сделаю комиссариат. — Хорошо. А что вам для этого нужно? — Пока только мандат"... Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом".

В одном из уже занятых помещений Смольного Пестковский нашел свободный столик и поставил его у стены, укрепив над ним лист бумаги с надписью: "Народный комиссариат по делам национальностей". Ко всему этому прибавили два стула. "Товарищ Сталин, — сказал я, — денег ни гроша у нас нет". В эти дни новая власть еще не обладала государственным банком. — Много ли нужно? — спросил Сталин. Для начала хватит тысячи рублей. — Придите через час. — Когда я явился через час, Сталин велел мне сделать заем у Троцкого на три тысячи рублей. "У него есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел". Я пошел к Троцкому и дал ему форменную расписку на 3 тысячи рублей. Насколько мне известно, Наркомнац до сих пор не возвратил тов. Троцкому этих денег." По тексту конституции народный комиссар считался только председателем коллегии, состоявшей из полдюжины, а иногда и дюжины членов. Руководство ведомством было нелегко. По словам Пестковского "все члены коллегии по национальному вопросу стояли в оппозиции к Сталину, нередко оставляя своего народного комиссара в меньшинстве". Раскаявшийся автор спешит прибавить: "Сталин решил путем упорной работы перевоспитать нас... Здесь он проявил много выдержки и ума." К сожалению, об этой стороне дела Пестковский ничего не пишет. Зато мы узнаем от него, каким своеобразным способом Сталин кончал конфликты со своей коллегией. "Иногда он терял терпение, — рассказывает Пестковский, — но он никогда не обнаруживал этого на собраниях. В тех случаях, когда в результате наших бесконечных дискуссий на совещаниях запас его терпения истощался, он вдруг исчезал. Делал он это чрезвычайно ловко. Сказав: "Я на минутку", он исчезал из комнаты и прятался в одном из закоулков Смольного

и Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились. Я оставался один в нашем общем кабинете, терпеливо дожидаясь его возвращения. Но не тут-то было. Обычно в такие минуты раздавался телефонный звонок: это Владимир Ильич требовал Сталина. Когда я отвечал, что Сталин исчез, он мне говорил неизменно: "Срочно найти". Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля в поисках Сталина. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире у матроса т. Воронцова, на кухне, где Сталин лежал на диване, курил трубку и обдумывал свои тезисы."

Для перевоспитания своей коллегии народный комиссар применял, надо признать, своеобразные методы. Разгадка трудного положения Сталина в своей собственной коллегии в том, что он не пользовался авторитетом. Не только народные массы, но даже широкие круги партии не знали его. Он был бесспорным членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Но даже в "коллегии" собственного комиссариата он не пользовался личным авторитетом, а по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве.

Так как лучшие силы партии ушли на военную и хозяйственную работу, то коллегия комиссариата национальностей состояла из людей малозначительных. Тем не менее они имели навык мобилизовать аргументы, отбивать доводы Сталина и ставить ему вопросы, на которые он не находил ответа. Он имел власть, но этой власти было совершенно недостаточно, чтобы принуждать; приходилось убеждать. Для этого у Сталина не было данных. Противоречие между властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов создавало для него нестерпимое положение. Он не пользовался авторитетом в собственном ведомстве... Когда его терпение истощалось, он просто прятался "в самых неожиданных местах". Действительно ли он на кухне у коменданта обдумывал свои тезисы, можно сомневаться. Скорее он тяжело переживал про себя обиду и размышлял о том, как хорошо было бы, если бы несогласные не смели возражать. В то время ему, однако, и в голову не приходило, что наступит такой период, когда он будет только приказывать, а все остальные будут молчать и повиноваться.

Не менее красочно Пестковский описывает поиски помещения для комиссариата национальностей в Москве, куда правительство переехало в марте из Петрограда. "Между ведомствами шла ожесточенная борьба из-за купеческих особняков. Наркомнац сначала не имел ничего. Я нажал на Сталина. На кого он нажал — мне неизвестно, но... по прошествию некоторого времени Наркомнац владел уже несколькими особняками. Центральное ведомство и белорусы поместились на Поварской, латыши и эстонцы на Никитской, поляки на Арбате, евреи на Пречистенке, а татары где-то на Москворецкой набережной. Кроме того, Сталин и я имели кабинеты в Кремле. Сталин оказался весьма недоволен таким положением. "Теперь уж за вами совсем не уследишь. Нужно было бы получить один большой дом и собрать туда всех". Эта идея не оставляла его ни на минуту. Через несколько дней он сказал мне: "Нам дали большую сибирскую гостиницу, но ее самочинно захватил ВСНХ, мы, однако, не отступим. Велите Аллилуевой написать на машинке несколько бумажек следующего содержания: "Это помещение занято Наркомнацем". Да захватите с собой кнопки". Аллилуева, будущая жена Сталина, состояла машинисткой в комиссариате Национальностей. Вооруженные магическими бумажками и кнопками Сталин и его заместитель отправились в автомобиле в Златоустинский переулок. "Уже темнело. Главный ход в гостиницу оказался закрытым. У дверей красовалась бумажка: "Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства". Сталин сорвал ее, и мы укрепили наше заявление. "Надо проникнуть внутрь", — сказал Сталин. Задача была нелегкая. С большим трудом мы отыскали черный ход. А электричество почему-то не действовало. Мы освещали себе дорогу спичкой. Во втором этаже мы набрели на длинный коридор. Прикрепили наши записки еще на других дверях. Пора было возвращаться обратно, а спички у нас истощились. Спускаясь в потемках, мы попали в подвал и чуть не свернули себе шеи. Наконец, мы все-таки добрались до автомобиля".

Нужно известное усилие воображения, чтобы представить себе фигуру члена правительства, который в сумерки проникает в здание, занятое другим министерством, срывает одни плакаты и наклеивает другие. Можно сказать наверняка, что никому

другому из народных комиссаров или членов ЦК не пришло бы в голову совершить такой шаг. Мы узнаем здесь Кобу эпохи тюремного заключения в Баку. Сталин не мог не знать, что спорный вопрос о здании будет разрешаться в конце концов в Совете Народных Комиссаров или в Политбюро. Проще было бы с самого начала обратиться в одно из этих учреждений. Сталин имел, видимо, основание предполагать, что тяжба будет разрешена не в его пользу, пытался поставить Совнарком перед совершившимся фактом. Попытка сорвалась: здание было передано ВСНХ, как более важному министерству. Сталину снова пришлось затаить обиду против Ленина.

В 1920 г. власть Сталина была уже неоспоримой, но государственный культ его личности только устанавливался. Этим объясняется то обстоятельство, что в воспоминаниях, несмотря на общий панегерический тон, слышится еще нота фамильярности, и даже допускается оттенок доброжелательной иронии. Через несколько лет, когда чистки и расстрелы установят необходимый пафос дистанций, рассказы о том, как Сталин скрывался на кухне у коменданта или ночью захватывал особняк, будут уже звучать, как непристойный документ, возможно, что автор жестоко поплатился за нарушение этикета.

Большинство коллегии рассуждало, по изложению Пестковского, таким образом: "Всякий национальный гнет есть лишь одно из проявлений классового гнета. Октябрьская революция уничтожила основу классового гнета. Поэтому нет никакой необходимости в организации в России национальных республик и автономных областей. Территориальное деление должно идти исключительно по экономическому признаку... Организация республик и областей по национальному признаку является при советской власти компромиссом с мелкобуржуазным национализмом."

Коллегия, призванная осуществлять национальную политику правительства, отвергала самые основы этой политики. Этот парадоксальный факт объясняется отчасти тем, что коллегия состояла из людей случайных, теоретически мало подготовленных. Оппозиция против ленинской принципиальной политики была, как это на первый взгляд ни странно, особенно сильна в среде большевиков — "инородцев" (поляков, украинцев, армян,

2 Лев Троцкий. Т. 2

евреев и пр.). Большевики на угнетенных окраинах воспитывались в борьбе с местными националистическими партиями и склонны были отвергать не только отраву шовинизма, но и прогрессивные социальные требования. Коллегия Наркомнаца состояла из русифицированных "инородцев", которые свой абстрактный интернационализм противопоставляли реальным потребностям развития угнетенных национальностей. Фактически эта политика поддерживала старую традицию русификаторства и представляла особую опасность в условиях гражданской войны.

Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И действительно, "революционная волна с севера, — писал Сталин в первую годовщину Октябрьской революции, — разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину, в виде образовавшихся еще до Октября "национальных советов" и областных "правительств" (Дон, Кубань, Сибирь). Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушить старый буржуазный мир, — наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами... Они, естественно, стали очагами реакции, стягивавшей вокруг себя все контрреволюционное в России... Но борьба "национальных" и областных "правительств" (против советского центра) оказалась борьбой неравной. Атакованные с двух сторон: извне — со стороны советской власти и изнутри — со стороны своих же собственных рабочих и крестьян, — "национальные правительства" должны были отступить после первых боев... Разбитые наголову, "национальные правительства" вынуждены были обратиться за помощью против "своих" рабочих и крестьян к империалистам Запада".

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупация окраин. Такова в общем схема гражданской войны, ясно указывающая, в то же время, то место, какое в развитии событий занимала национальная проблема. В историческом масштабе исход гражданской войны зависел от того, поддержат ли крестьяне и угнетенные национальности петроградских и московских рабочих или буржуазию.

Начать с того, что из 140 миллионов населения РСФСР (исключаются Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) великороссы составляют не более 75 миллионов, остальные же 65 миллионов представляют не великоросские национальности. Далее, национальности эти населяют, главным образом, окраины, пункты, наиболее уязвимые в военном отношении, причем окраины эти изобилуют сырьем, топливом, продовольственными продуктами.

Наконец, окраины эти менее развиты (или вовсе не развиты) в промышленном и военном отношении, чем центральная Россия, ввиду чего отстоять свое самостоятельное существование без военно-хозяйственной помощи центральной России они не в силах, так же, как центральная Россия не в состоянии сохранить свою военно-хозяйственную мощь без топливно-сырьевой помощи окраин.

Эти обстоятельства плюс известные положения национальной программы коммунизма определили характер национальной политики русских коммунистов.

Существо этой политики выразилось в нескольких словах: отказ от всех и всяких "притязаний" и "прав" на области, населенные нерусскими национальностями; признание (не на словах, а на деле) за этими национальностями права на самостоятельное государственное существование; добровольный военно-хозяйственный союз этих национальностей с центральной Россией; помощь отсталым национальностям в деле их культурного и хозяйственного развития, без чего так называемое "национальное равноправие" превращается в звук пустой; все это на основе полного раскрепощения крестьян и сосредоточения всей власти в руках трудовых элементов окраинных национальностей — такова национальная политика русских коммунистов.

"Русские рабочие, — писал Сталин в четвертую годовщину переворота, — не смогли бы победить Колчака, Деникина, Врангеля без... сочувствия и доверия к себе со стороны угнетенных масс окраин бывшей России. Не следует забывать, что район действий этих мятежных генералов ограничивался районом окраин, населенных по-преимуществу нерусскими национальностями, а последние не могли не ненавидеть Колчака, Деникина, Врангеля за их империалистскую и русификаторскую политику".

Антанта, вмешавшаяся в дело и поддерживающая этих генералов, могла опереться лишь на русификаторские элементы окраин. Этим она лишь разожгла ненависть населения окраин к мятежным генералам и усугубила его сочувствие к советской власти. Это обстоятельство определило внутреннюю слабость тылов Колчака, Деникина, Врангеля, а значит, и слабость их фронтов, т.е. в конце концов их поражение.

Наблюдение за ходом гражданской войны в стране производилось главным образом через посредство прямого телеграфного провода, и эту фунцию нес Сталин как наиболее свободный от других занятий член ЦК. Разговоры Сталина по прямым проводам имели по существу полутехнический, полуполитический характер, он выполнял поручения. Чрезвычайно интересен один из его первых, если не первый разговор по прямому проводу 17 (30) ноября 1917 г. через несколько дней после завоевания власти с представителем украинской Рады Поршем. Украинская Рада представляла правительство подобное правительству Керенского. Она опиралась на верхи мелкой буржуазии и имела безусловную поддержку со стороны крупной буржуазии и союзников против большевиков. Украинские Советы подпадали тем временем под влияние большевиков и находились в прямой оппозиции к Раде. Столкновение между Советами и Радой было неизбежно, особенно после Октябрьского переворота в Петрограде и Москве. Порш от имени Рады запросил, как смотрит петроградское правительство на национальный вопрос вообще и на судьбу Украины и ее внутренний режим в частности. Сталин отвечал общими соображениями: "Власть на Украине, как и в других областях, — говорил Сталин, — должна принадлежать всей сумме рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включая сюда и организацию Рады. В этой области представляется широкое поле для соглашения между центральной Радой и Советом Народных Комиссаров". Именно такой комбинации требовали меньшевики и эсеры после Октябрьского переворота, и на этом вопросе сорвались переговоры, ведшиеся Каменевым.

В Киеве по прямому проводу наряду с украинским министром Поршем находился большевик Сергей Бакинский, который также требовал ответов на вопросы. Они контролировали друг

друга. Бакинский представлял Советы и сообщил, что центральная Рада не считает возможным передачу власти на местах Советам. Отвечая Бакинскому, Сталин говорил, что если центральная Рада откажется созывать вместе с большевиками съезд Советов, то "созывайте его без Рады". "Власть Советов должна быть принята на местах. Эта та революционная заповедь, от которой мы не можем отказаться, и мы не понимаем, как может спорить украинская центральная Рада против аксиомы."

Четверть часа перед тем Сталин заявлял, что возможно скомбинировать Советы с демократическими организациями Рады, сейчас власть Советов без каких бы то ни было комбинаций, он объявлял аксиомой. Как объяснить это противоречие? У нас в руках нет документов, но механика беседы совершенно ясна. Во время переговоров Сталин посылал ленту из нижнего этажа Смольного на верхний — Ленину. Прочитав предложение Сталина о комбинации Советов с организациями Рады, Ленин не мог не послать суровую записку, а может быть, и сам сбежал с лестницы в телеграфное помещение, чтобы высказать Сталину свою мысль. Сталин не спорил и во второй части беседы дал директиву прямо противоположную той, какую дал в первой части.

Пестковский пишет, что Сталин стал "заместителем Ленина по руководству боевыми революционными действиями. Он имел наблюдение за военными операциями на Дону, на Украине и в других местах России". Слово заместитель здесь не подходит, так как Ленин сам находился в Смольном. Правильнее было бы сказать техническим помощником. С. Пестковский пишет:

"Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня. Вероятно, с этой целью наш кабинет в Смольном находился "под боком" у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой. Большую часть дня Сталин просиживал у Ленина. Что они всегда там делали, мне неизвестно, но один раз, войдя в кабинет Ильича, я застал интересную картину. На стене висела большая карта России, перед нею стояло два стула, а на них стояли Ильич и Сталин и водили пальцем по северной части, кажется, по Финляндии.

Ночью, когда суета в Смольном немножко уменьшалась, Сталин ходил на прямой провод и пропадал там часами. Он вел

длиннейшие переговоры то с нашими полководцами (Антоновым, Павлуновским, Муравьевым и др.), то с нашими врагами (с военным министром украинской Рады Поршем). Иногда, когда у него было какое-нибудь неотложное дело, а его вызывали, он посылал к проводу меня."

Факты здесь переданы более или менее верно, а истолкование одностороннее. Ленин в этот период чрезвычайно нуждался в Сталине. Это несомненно. Зиновьев и Каменев вели против Ленина борьбу, Троцкий проводил время либо на собраниях, либо в Брест-Литовске (главным образом в Брест-Литовске), Свердлов нес на себе всю организационную работу партии. Сталин не имел по сути определенных занятий. Наркомнац особенно в первый период отнимал у него мало времени. Он играл таким образом при Ленине роль начальника штаба или чиновника по ответственным поручениям. Разговоры по прямым проводам составляли по сути дела совершенно техническую задачу. Но так как дело шло об очень ответственных разговорах, то Ленин мог доверить их только испытанному человеку, стоящему в курсе всех задач и забот Смольного.

24 сентября 1920 г. Орджоникидзе по прямому проводу запрашивает из Баку, можно ли послать миноносец в Энзели (Персия). Ленин кладет резолюцию: "запрашиваю Троцкого и Крестинского". Фактически резолюций на телеграммах, письмах, докладах множество, Ленин сам не решал, а обращался в Политбюро; из его состава в Москве находилось три, а иногда и не более двух человек. Из этих сотен резолюций о запросе членов Политбюро, иногда и отсутствующих, извлечены те случаи, когда Ленин делал надпись "допросить Сталина". И эти резолюции истолковывали в том смысле, что Ленин не делал без Сталина шагу.

Наркомнац имел, главным образом, дело с отсталыми народностями, которые впервые призывались революцией к независимому национальному существованию. В их глазах Наркомнац имел несомненный авторитет, он открывал им двери к самостоятельному существованию в рамках советского режима. В этой области Сталин был для Ленина незаменимым помощником. Сталин знал близко жизнь первобытных народов на Кавказе, откуда он вышел сам. Эту первобытность он нес в своей крови.

Он любил общество людей примитивных, находил с ними общий язык, не боялся их превосходства и потому держал себя с ними демократично, покровительственно, дружественно. Ленин несомненно дорожил этими качествами Сталина, которых не было у других, и всячески старался поддержать авторитет Сталина в глазах всякого рода национальных делегаций. "Поговорите со Сталиным, он этот вопрос знает хорошо, он знаком с условиями, обсудите с ним вопрос", — такие рекомендации он повторял десятки и сотни раз.

Члены коллегии Наркомнаца относились, по существу, свысока или безразлично к интересам отсталых народностей. Открыто или полусознательно они стояли на уже известной нам точке зрения Розы Люксембург: при капитализме национальное самоопределение невозможно, а при социализме оно излишне. Они гораздо более склонны были к абстрактной форме проповеди интернационализма, чем к тому, чтобы отсталым и вчера еще угнетенным национальностям дать возможность достойного существования. В их оппозиции к Сталину неправота в подавляющем большинстве случаев была на их стороне. Сталин по всем вопросам руководствовался директивами Ленина, с которым его связывал прямой телефонный провод, или с которым он совещался сперва в Смольном, затем в Кремле. Во всех тех случаях, где у Сталина возникали серьезные конфликты в собственной коллегии, с национальными делегатами, вопрос переносился в Политбюро, где все решения неизменно выносились в пользу Сталина. Это должно было еще более укреплять его авторитет в глазах правящих кругов отсталых народностей: на Кавказе, на Волге и в Азии. Новая бюрократия национальных меньшинств стала затем немаловажной опорой Сталина.

Народный комиссариат национальностей издавал свой еженедельный журнал "Жизнь национальностей", в котором передовые статьи писал Сталин. Читая их, мы узнаем старого редактора тифлисских изданий и редактора петроградской "Правды".

1 декабря 1918 г. Сталин пишет в "Жизни национальностей" статью "Украина освобождается". Это все та же семинарская риторика. Фигура повторения заменяет другие ресурсы патетического стиля. "Мы не сомневаемся, что украинское советское правительство сумеет дать должный отпор новым непрошен-

ным гостям — поработителям из Англии и Франции. Мы не сомневаемся, что украинское советское правительство сумеет разоблачить реакционную роль и т.д. Мы не сомневаемся, что украинское советское правительство сумеет сплотить вокруг себя и пр."

В статье 22 декабря 1918 г. в той же "Жизни Национальностей" Сталин пишет: "С помощью лучших коммунистических сил восстанавливаются советские государственные аппараты (на Украине). Члены ЦК партии на Украине во главе с т. Пятаковым..." и пр. Лучшие коммунистические силы, составлявшие правительство Украины были: Пятаков, Ворошилов, Сергеев (Артем), Квиринг, Затомский, Коцюбинский. Из них только Ворошилов остался в живых и стал маршалом. Сергеев (Артем) погиб от несчастного случая, все остальные либо открыто расстреляны, либо исчезли бесследно. Такова судьба "лучших коммунистических сил".

Сталин довольно усердно работает в "Жизни национальностей". 23 февраля он пишет передовую: "Два лагеря". "На два лагеря раскололся мир, решительно и бесповоротно: лагерь империализма и лагерь социализма... Социалистические революции неудержимо растут, осаждая твердыни империализма. Их рокот отдается в странах угнетенного Востока. Почва под ногами империализма загорается..." Несмотря на волны, образы ходульны и не согласованы друг с другом, во всем есть внутренняя фальшь, под пафосом — бюрократический холод.

В 1922 г. сама редакция ответила, что "в первое время издания "Жизни национальностей" деятельное участие принимал нарком по делам национальностей т. Сталин". Он писал в этот период не только передовые статьи, но часто составлял информационные обзоры, давал заметки в отдел партийной жизни и пр.

9 марта 1919 г. Сталин пишет в "Жизни национальностей" статью "За два года". Его вывод: "Опыт двухлетней борьбы пролетариата целиком подтвердил предвидение большевизма и неизбежность мировой пролетарской революции". В те дни предвидение большевизма еще не сводилось к социализму в отдельной стране.

Того же типа и все другие статьи: в них нет ни оригинальной мысли, ни яркой формы. Статьи формально агитационного характера, сухи, вялы и фальшивы.

В "Жизни национальностей" в марте 1919 г. печатались "Прения по национальному вопросу на 8 съезде РКП". Прения — без Сталина. Почему? Потому что он высказался за самоопределение трудящихся классов и тем поставил себя в трудное положение. Тут позицию Сталина защищали Бухарин, кажется Пятаков и Преображенский, но не сам Сталин.

"Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение", — говорит т. Бухарин. "Вы, значит, хотите признать то, чего в действительности не достигли ни в одной стране, кроме России, это смешно", — указывал Ленин.

Ленин напоминает Бухарину о башкирах. "Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров и мы помогли бы им это сделать. Но ведь это возможно только там, где переворот вполне назрел. Делать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задерживать тот самый процесс, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как тюркизы, сарды, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл?"

"Надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии — к демократии пролетарской".

"Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы — это будет пустяковейшей вещью. Не признавать того, что есть, нельзя: оно само заставит себя признать."

Прения на 8-ом съезде (18-23 марта 1919 г.) по национальному вопросу далеко не имеют той остроты, как по военному вопросу, но они в высшей степени характерны для Сталина, его методов действия, его взаимоотношений с Лениным. На 3-ем съезде советов, предшествовавшем 8-му съезду партии, Сталин вместо самоопределения национальностей выдвинул форму "самоопределение трудящихся классов в каждой национальности", другими словами он предлагал отныне ставить разрешение национального вопроса в зависимости не от воли нации в целом, а от воли трудящихся классов. Ему казалось, что он делает элементарный вывод из факта Октябрьской революции. Употребленная Сталиным формула, внушенная, возможно, Бухариным, который всегда был против лозунга самоопределения наций

прошла незамеченной. На 8-ом же съезде она получила подкрепление.

В своей речи в заседании 19 марта при обсуждении партийной программы Бухарин сообщил: "В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное т. Сталиным на 3-ем съезде Советов, предлагаю самоопределение трудящихся классов каждой национальности". В своей речи Ленин назвал формулу Бухарина "принципиально неприемлемой", причем не назвал Сталина по имени. Ленин исходил из того, что диктатура пролетариата вовсе не есть универсальный факт, а исключение, далеко не обеспеченное даже в самой России, что десятки национальностей еще не прошли через стадию своего национального освобождения и что поэтому объединять самоопределение наций диктатурой пролетариата в национальной области, значит, легкомысленно перепрыгивать через неизвестные, может быть многочисленные, исторические этапы. Сталин совершенно не поднял перчатки и не принял участия в прениях, он не опроверг ссылку Бухарина на его речь, но и не поддержал Бухарина. Он просто не принял участия в прениях. Более того, в "Жизни национальностей" "Дискуссия по национальному вопросу"на партийном съезде была перепечатана, но ссылка Бухарина на формулу Сталина была тщательно исключена.

В прениях Рязанов, полемизируя против Бухарина, прямо говорит, что его формулировка: "та формулировка, которую он (Бухарин) повторяет за т. Сталиным". Курьезно, что эта вторая ссылка на Сталина была по оплошности, по недосмотру Сталина перепечатана в "Жизни национальностей".

Сталин вообще не имел удачи в прениях. Он потерпел поражение в июле 1917 г. на Петроградской конференции, имея против себя молодого Володарского, а за своей спиной — авторитет Ленина. Ему не удалось перетянуть на свою сторону свою собственную коллегию в комиссариате национальностей. Украинское поражение не представляло, таким образом, исключения, неожиданности. Но удивительным все же кажется соотношение сил. Весьма возможно, что, прощупав заранее неблагоприятное для тезисов настроение конференции, Сталин решил сыграть в поддавки, дав понять через посредников, что он защищает тезисы не по убеждению, а только в силу дисциплины. Он мог рассчиты-

вать, таким образом, убить одним ударом двух зайцев: приобрести симпатии украинской делегации и перенести поражение на автора тезисов Троцкого. Комбинация была вполне в его духе!

Таким образом, нарком национальностей и в некотором смысле официальный теоретик по национальному вопросу не выступал на прениях по национальной программе партии. В ходе этих прений обнаружилось неожиданно, что Сталин временно подпал под влияние Бухарина в национальном вопросе, хотя линия Бухарина официально расходилась с линией партии. При всей своей твердости и крепости в вопросах, где он знает, чего он хочет, эмпирик Сталин всегда открыт самым неожиданным влияниям в области теоретической, которая всегда остается для него на втором плане. Ленин знает об этих качествах Сталина и бьет по Бухарину, у которого есть теоретическая позиция и постоянная готовность защищать ее. Но Ленин не вызывает Сталина, как и в апреле 1917 г., как и в ряде других случаев, чтобы дать ему возможность бесшумно отступить с ошибочной позиции. Ленин достигает цели. Сталин не вмешивается в прения, как он не вмешивался фактически в прения на апрельской конференции 1917 г. Он озабочен одним: дать забыть о его ошибке, компрометирующей его авторитет, как народного комиссара национальностей. Он прибегает даже к техническим трюкам, изгоняя свое имя из речи Бухарина.

Комиссия по национальному вопросу возглавляется следующими именами: Ленин, Зиновьев, Бухарин, Сталин, Каменев, Сокольников и другие. Порядок имен представляет интерес сам по себе. Напомним, что Троцкий на этом съезде отсутствовал.

Таким образом, даже в области национального вопроса, ставшего его специальностью, Сталин не мог подняться до синтетической, цельной, законченной концепции. Он написал в Вене под руководством Ленина ценную работу по национальному вопросу, но попытка его самостоятельно продолжить эту работу в Сибири дала такой результат, что Ленин не счел возможным даже напечатать его статью. На мартовском совещании в 1917 г. Сталин развивал тот взгляд, что национальный гнет является продуктом феодализма, совершенно упустив из виду империализм как главный фактор национального гнета нашей эпохи. В 1923 г.

он ставит на одну плоскость великорусский национализм, имевший за собой вековые традиции и угнетение слабых народов и оборонительный национализм этих последних. Эти грубые сталинские ошибки, сведенные вместе, объясняются, как уже сказано тем, что Сталин ни в одном вопросе не поднимается до синтетической концепции. Он пользуется отдельными положениями марксизма для нужной ему практической цели, выбирая их так, как выбирают в магазине обувь по мерке. Оттого он так легко при каждом повороте обстановки вступает в противоречие с самим собою.

В "Правде" 28 марта 1917 г., т.е. за несколько дней до приезда Ленина, Сталин печатает статью "Против либерализма". Он доказывает, что федерация являлась в прошлом прогрессивной лишь в тех случаях, когда она вела от полного раздробления к полной самостоятельности штатов, кантонов и пр. к дальнейшему унитарному государству. Тенденция капиталистического развития централистична. Федерация может быть только коротким этапом. Россия уже объединена. Федерация была бы для нее шагом назад. "Неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение... Чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы порвать уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно... Империализм в России не решает и не может решить национального вопроса, не ясно ли, что федератизм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории... Половинчато переходная форма — федерация не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии."

Все это писалось за пять месяцев до того, как Россия превратилась в советскую федеративную республику.

В этой статье от 28 марта 1917 г. автор признает право на отделение за теми нациями, которые не хотят оставаться в рамках республики, но для тех, которые остаются в ее составе, он предлагает: "Политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого. Так и только так должен быть решен вопрос об областях в России."

Принцип федерации не пользовался никогда большим успехом в марксистской литературе. В предшествующих работах Ленина можно также найти отрицательные отзывы о федерации. Но то же самое можно сказать и о мелкой земельной собственности. Сама по себе она, конечно, не решает проблемы человеческой культуры, но по отношению к феодальному землевладению, представляет огромный шаг вперед. Точно так же и федерация автономных национальных республик означала огромный шаг вперед по сравнению со старым угнетательским, бюрократическим централизмом. 28 марта 1917 г. Сталин не видел этого и повторял общую абстрактную формулу, которая на деле являлась оправданием бюрократического централизма.

В качестве народного комиссара национальностей Сталин, естественно, должен был держать под своим наблюдением развитие национального движения на Украине. Уже в силу этого, он теснее других был связан с Украинской большевистской партией. Эта более тесная связь началась уже в 1917 году, вскоре после Октябрьского переворота, и тянулась в течение трех лет. Сталин представляет на Украине Российский Центральный Комитет большевиков. С другой стороны, на некоторых общепартийных съездах представляет украинскую организацию, что было тогда в обычае. Он участвует на конференциях Украинской партии в качестве фактического руководителя, а так как жизнь украинской организации в значительной части расходовалась на постоянные трения, конфликты, фракционные группировки, то Сталин в этой атмосфере чувствовал себя как рыба в воде. Его украинский период полон неудач и поэтому остается совершенно неосвещен.

Большевизм на Украине был слаб. Причину этого надо искать в национальной и социальной конструкции страны. Города, население которых состояло из великороссов, евреев, поляков и лишь в небольшой степени украинцев, имели в значительной степени колонизаторский характер. Среди промышленных рабочих Украины великороссы составляли значительный процент. Между городом и деревней оставалась почти непроходимая зияющая пропасть. Те украинские интеллигенты, которые поворачивались лицом к деревне, к украинскому языку и культуре, встречали полуироническое отношение к себе в городах, и это толкало

их, естественно, в сторону национализма. Украинские социалистические фракции в городах не чувствовали себя связанными с жизнью широких масс, главным образом деревни, и представляли в украинских городах великорусскую культуру, которую многие из них, особенно слой еврейской интеллигенции, не очень хорошо знали. Отсюда в значительной мере экзотический характер украинского большевизма, отсутствие у него в первый период глубоких корней, глубокая зависимость от Великороссии, стремление отстоять свою независимость и многочисленные конфликты, склоки, постоянная внутренняя фракционная борьба.

Незачем говорить, что меньшевики, социалисты-революционеры, которые, стоя у власти,отказывали Украине в автономии, теперь признали центральную украинскую Раду единственной властью на Украине и оказывали ей всемерную поддержку против большевиков.

На 9-ом съезде в марте 1921 г. Сталин снова читал свой неизбежный доклад по национальному вопросу. Как часто бывает с ним в силу его эмпиризма, он в области обобщений исходит не из живого материала, не из опыта советской власти, а из условий внешних абстракций. В 1921 г., так же как и в 1917 г., он повторял общие соображения о том, что буржуазные страны не могут разрешить национальные вопросы, а советская страна имеет к этому все возможности. Доклад вызвал недовольство, недоумение, в прениях наиболее заинтересованные делегаты, представители национальных партий, высказали свое недовольство. Даже Микоян, уже тогда один из ближайших союзников Сталина, а в последствии один из его верных оруженосцев, жаловался на то, что партия нуждается в указании того, "какие изменения должны быть проделаны в этой системе, какой тип советской системы должен быть установлен на окраинах" и пр. "Т. Сталин сего не указал".

Можно считать твердо установленным, что по крайней мере до мая 1919 г., Сталин был очень занят делами своего комиссариата, вначале, по словам Райта, Сталин не писал руководящих статей. Но затем, когда журнал стал выходить в большом формате, в одном номере за другим появлялись руководящие статьи Сталина.

В номере 3 от 24 ноября 1918 г. Сталин пишет маленькую статью под заглавием: "Не забывайте Востока", которую мы читаем: "Без этого нечего и думать об окончательном торжестве социализма, о полной победе над империализмом. Задача коммунизма — развить вековую спячку у угнетенных народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом." Востоку посвящен и ряд других статей.

Основная идея принадлежала Ленину, но у Ленина обе перспективы, и Западная, и Восточная, были тесно связаны друг с другом. В 1918 г. на переднем плане стояли вопросы Запада, а не Востока: заканчивалась война, во всех странах шли потрясения, революции Германии и Австро-Венгрии и т. д. Так, статья "Не забывайте Востока" появилась в номере от 24 ноября 1918 г., т.е. как раз во время революции в Австро-Венгрии и Германии. Эти революции все мы рассматривали как преддверие социалистических революций Европы. В этот период Сталин пишет, что без революционного движения на Востоке "нечего и думать об окончательном торжестве социализма", другими словами, не только в России, но и на территории Европы Сталин не думал об окончательном торжестве социализма без революционного пробуждения Востока. Это было повторение идей Ленина. Однако в этом повторении идей было разделение не только труда, но и интересов. По поводу революции на Западе Сталину совершенно нечего было сказать. Он не знал Германии, ни ее жизни, ни ее языка, и об этом писали с гораздо большей осведомленностью другие. Сталин сосредоточился на Востоке. Здесь он чувствовал себя тверже и увереннее.

Таким образом, в ряде номеров он посвящает свое внимание Востоку. Это основная идея Ленина, которую мы можем проследить в ряде статей и речей Ленина. Но, несомненно, у Сталина интерес к Востоку имел в значительной мере личный характер: он сам был родом с Востока, и если перед представителями Запада он, не знакомый ни с жизнью Запада, ни с его языками, чувствовал себя всегда растерянным, то с представителями отсталых народов Востока он, комиссар, который в значительной мере разрешал их судьбу, чувствовал себя несравненно увереннее и тверже.

Он остро чувствовал свое доминирующее положение как представителя ЦК партии, как представителя советского правительства, как наркома национальностей. В Грузии, где он считал себя с полным основанием более компетентным, чем все другие члены партии и ЦК, он мог проявить твердую власть и почувствовать до конца возможность проявления твердой власти в более широком масштабе.

Если по отношению к Москве он опирал свой авторитет на свое качество грузина, знакомого с местными условиями, то по отношению к Грузии он выступал как представитель центральной власти, независимой от местных национальных симпатий и предубеждений. Он особенно стремился показать, что он не грузин, а большевик, делегированный Москвой, что он Нарком национальностей и что она для него одна из национальностей. В его грубом игнорировании национальных условий Грузии был явный элемент преодоления сильных национальных настроений в собственной юности. Именно поэтому Ленин говорил о крайних русификаторах-инородцах, это относилось в такой же степени к Сталину, как и к Дзержинскому.

В 1921 г. Сталин посетил Грузию совсем в другом качестве, не в том, в котором его привыкли видеть на родине, когда он был еще Сосо, а позже стал Кобой. Сейчас он был представитель Центральной власти могущественного Политбюро ЦК, но все же никто еще в Грузии не видел в нем вождя, особенно в верхнем слое партии он пользовался признанием не как Сталин, а как член высшего руководства партии, т.е. не по личности, а по должности. Бывшие его товарищи по нелегальной работе считали себя, по крайней мере, столь же компетентными в делах Грузии, как и Сталин, оказывали ему противодействие и если вынуждены были подчиниться, то делали это с сопротивлением, резкой критикой, с угрозой потребовать пересмотра всего вопроса в Политбюро ЦК. Сталин еще не был вождем даже в собственном своем представлении.

Меньшевистская Грузия не могла держаться. Это для всех было одинаково ясно. Однако о моменте и методах советизации единогласия не было. Я стоял за известный подготовительный период работы внутри Грузии, чтоб развить восстание и прийти к нему на помощь. Я считал, что после мира с Польшей и разгро-

ма Врангеля непосредственной опасности со стороны Грузии нет и развязку можно отложить. Орджоникидзе при поддержке Сталина настаивал на немедленном вторжении Красной армии в Грузию, где восстание будто бы назрело. Ленин склонялся на сторону двух грузинских членов ЦК. Вопрос в Политбюро был решен 14 февраля 1921 г., когда я находился на Урале. Военная интервенция прошла вполне успешно и не вызвала международных осложнений, если не считать неистовой кампании буржуазной печати и Второго Интернационала. Но все же способ советизации Грузии имел огромное значение в ближайшие годы. В районах, где трудящиеся массы до переворота успевали в большинстве своем перейти к большевизму, они воспринимали дальнейшие трудности и бедствия, как связанные с их собственным делом. Наоборот, в тех более отсталых районах, где советизация была делом армии, трудящиеся массы воспринимали дальнейшие лишения как результат внесенного извне режима. В Грузии преждевременная советизация усилила на известный период меньшевиков и привела к широкому массовому восстанию в 1924 г., когда, по признанию самого Сталина, Грузию приходилось перепахивать заново.

Почти сплошь крестьянский и мелкобуржуазный состав грузинского народа сам по себе, конечно, создавал большие затруднения. К этому прибавлялся тот способ военной внезапности, в каком Грузия подвергалась советизации. При этих условиях со стороны правящей партии требовалась двойная осторожность по отношению к грузинским массам. Именно отсюда выросли острые разногласия между Лениным, который требовал в Грузии и вообще в Закавказье гибкой, осторожной и терпеливой политики, и Сталиным, который считал, что раз аппарат управления в наших руках, значит дело обеспечено. Агентом Сталина на Кавказе был Орджоникидзе, горячий и нетерпеливый победитель Грузии, воспринимавший каждое сопротивление как личное оскорбление.

По поводу договора РСФСР с Грузией 7-го мая 1920 г. Иремашвили пишет: "Сталин был против этого договора. Он не хотел допустить, чтоб его родина оставалась выключенной из русского государства и пребывала в свободной власти ненавидимых меньшевиков... Его честолюбие толкало его к владычеству

над Грузией, где мирное, разумное население с ледяной решимостью препятствовало успеху его разрушительной пропаганды. Мстительность против меньшевистских вождей, которые отказывали ему с давнего времени в поддержке его утопических планов и исключили его из своих рядов, не давала ему покоя. Против воли Ленина, по собственной эгоистической инициативе, Сталин добился большевизации или сталинизации своей родины..."

"11-го февраля 1921 г., игнорируя мирный договор, заключенный Лениным, вторглись по приказанию Сталина значительные части Красной армии в Грузию".

"Сталин организовал свою экспедицию в Грузию из Москвы и отсюда руководил ею. В середине июля 1921 г. он сам вступил в Тифлис как победитель."

Иремашвили рассказывает, что Сталин натолкнулся в Тифлисе на общую враждебность. На собрании в театре, созванном тифлисскими большевиками, Сталин оказался предметом враждебной манифестации. Собранием овладел будто бы старый меньшевик Рамишвили, который бросал Сталину в лицо обвинения, так же поступали и другие ораторы. "Сталин был вынужден часами в молчании выслушивать своих противников и принимать обвинения. Никогда раньше и никогда позже Сталину не пришлось больше перетерпеть такое открытое мужественное возмущение".

После ареста ряда меньшевиков "он созвал еще одно собрание. На этот раз в моем избирательном округе. Но на этот раз дело ограничилось попыткой говорить. Он натолкнулся на то же самое честное, внутреннее возмущение против него, как и раньше. Уже после двух дней своего пребывания в Тифлисе он снова покинул Грузию и вернулся назад в Москву."

Во время приезда Сталина в Тифлис в июле 1921 г. Иремашвили сидел в тюрьме. Сестра его обратилась к Сталину с ходатайством за брата. Сталин сказал будто бы: "Жалко Сосо, до глубины сердца скорблю о нем, у нас одинаковые идеи и однако же, он стоит по другую сторону баррикады..." На другой день Иремашвили вместе с несколькими другими заключенными был освобожден "по прямому распоряжению Сталина" из Метехского замка. Вскоре после освобождения к нему явился Шеханов, общий друг юности обоих Сосо, и предложил ему отправиться

во дворец для разговора со Сталиным. Иремашвили ответил будто бы: "Отправляйся назад к Сосо и передай ему, что я не пожму моей рукой руку изменника нашей родины..." и т.д. К сожалению, протоколов этих переговоров не сохранилось, и никто не обязан принимать в этой части воспоминания Иремашвили слишком буквально.

Иремашвили пишет: "Грузинские большевики, которые в начале включились в русское сталинское вторжение, преследовали целью независимость Грузинской советской республики, которая не должна была иметь с Россией ничего общего, кроме большевистского миросозерцания и политической дружбы. Они ведь были все же грузины, которым независимость страны была выше всего... Тут прибыло объявление войны со стороны Сталина, который нашел верных помощников в посланных им русской гвардии и чека".

В середине сентября 1922 г. 62 грузина, в том числе Иремашвили, были извещены в Метехском замке о предстоящей им высылке в Германию. 3-го декабря 1922 г. они прибыли в Берлин.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Все те, которые возглавляли Красную армию в сталинский период — Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир, Уборевич, Дыбенко, Федько, были в свое время выделены на ответственные военные посты, когда я стоял во главе военного ведомства, в большинстве случаев мною самим, во время объезда фронтов и непосредственного наблюдения их боевой работы. Как ни плохо было, следовательно, руководство, но оно, очевидно, умело выбирать людей, раз Сталин в течение более десяти лет никого не нашел им на смену. Правда, почти все полководцы гражданской войны и строители армии оказались впоследствии "предателями" и "шпионами". Но это не меняет дела. Именно они отстояли революцию и страну. Если в 1933 г. выяснилось, что Сталин, а не кто-либо другой строил Красную армию, то на него, казалось бы, падает и ответственность за подбор такого командного состава. Из этого противоречия официальные историки выходят не без трудностей, но с честью: назначение изменников на командные посты ложится ответственностью целиком на Троцкого; зато честь одержанных этими изменниками побед безраздельно принадлежит Сталину. Сейчас это своеобразное разделение исторических функций известно каждому школьнику из Истории, редактированной Сталиным.

Три года гражданской войны наложили неизгладимую печать на советское государство уже тем одним, что создали широкий слой администраторов, привыкших командовать и требовать безусловного повиновения. Те теоретики, которые пытаются нынешний тоталитарный режим в СССР вывести не из исторических условий, а из природы большевизма как такового, забывают, что гражданская война выросла не из природы большевизма, а из стремления буржуазии, международной буржуазии, опрокинуть советский режим. Несомненно, что и Сталин сфор-

мировался в обстановке гражданской войны, как и вся та группа, которая помогла ему установить его личную диктатуру: Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович и целый слой работников в провинции.

Три года советского режима были годами гражданской войны. Вся остальная государственная работа имела подчиненный характер. Военное ведомство определяло государственную работу страны. За ним по значению следовал комиссариат по продовольствию. Промышленность работала, главным образом, на войну. Все остальные ведомства и учреждения непрерывно сжимались, сокращались и даже закрывались полностью. Все, что было активного, инициативного и смелого, подвергалось мобилизации. Члены ЦК, народные комиссары и пр. сидели в значительной мере на фронтах в качестве членов военных советов, а иногда и командующих. Для революционной партии, только несколько месяцев тому назад вышедшей из подполья, война была суровой школой государственной дисциплины. Война с ее беспощадными требованиями производила непрерывный отбор в партии и государственном аппарате. Из членов ЦК в Москве оставались Ленин, который был политическим центром, Свердлов, который был не только председателем ЦК, но и генеральным секретарем партии прежде, чем введен был этот пост. Зиновьев, считавшийся всеми и считавший сам себя непригодным к военному делу, оставался политическим руководителем Петрограда; Бухарин как редактор "Правды". Каменев, руководивший Москвой, несколько раз посылался на фронты, хотя и он по натуре своей был заведомо штатским человеком. Из членов ЦК оставались на фронте почти неизменно Смилга, И.Н. Смирнов, Сокольников, Серебряков, Лашевич.

Лашевич был в ранние годы учеником одесского еврейского ремесленного училища "Труд" и носил в соответствии с этим кличку "Миша Трудник". Он ушел в подпольную работу 16-ти лет, и вся дальнейшая его жизнь представляла, как пишет летописец одесского подполья Евгения Левицкая, "беспрерывное чередование тюрьмы и ссылки, с годами солдатчины, где он работал при чрезвычайно тяжелых условиях, недолгая воля и снова тюрьма и ссылка, сперва в Вологодскую губернию, затем в Нарымский край, откуда он бежал; работал в Питере, снова был

арестован и отправлен на место ссылки." Такова была биография будущего командующего 3-ей армии, — типичная биография профессионального революционера, ни в чем не уступающая биографии Сталина за тот же период.

2 сентября 1918 г. Центральный Исполнительный Комитет опубликовал постановление: "Председателем Революционного Военного Совета единогласно назначается т. Троцкий. Главнокомандующим всеми фронтами назначается т. Вацетис." Странно, что никто не подумал в этот период о Сталине, которого ныне задним числом изображают как инициатора, организатора и вдохновителя Красной армии с первых ее шагов.

В период гражданской войны Сталин не только в армии, но и на фоне общей политики оставался фигурой третьего ряда. Он председательствовал на совещаниях коллегий комиссариата национальностей, на съездах некоторых национальностей, он вел переговоры с Финляндией, с Украиной, башкирами, т.е. выполнял хотя и существенные, но все частные и второстепенные поручения правительства. К большой политике, какой она была представлена на съездах партии и на конгрессах Советов или на конгрессах Третьего Интернационала, он отношения не имел.

В некоторых официальных изданиях упоминается мимоходом, очевидно на основании каких-то архивных данных, что Сталин состоял одно время членом Революционного Военного Совета Республики. Однако никаких определенных указаний, хотя бы относительно периода его участия в высшем военном органе найти нельзя. Официальная история в специальной монографии "Революционный Военный Совет СССР за десять лет", составленной тремя авторами в 1928 г., т.е. уже при полном господстве Сталина, когда в руках у него была уже сосредоточена вся власть, говорит, между прочим:

"2 декабря 1919 г. в состав Революционного Совета включен был Гусев. В дальнейшем на протяжении всего периода гражданской войны в состав Революционного Военного Совета разновременно входили: т.т. Сталин, Подвойский, Акулов, Антонов-Овсеенко, Серебряков."

Авторы специального исследования, в руках которых были все необходимые архивы, не сумели, таким образом, установить период, в течение которого Сталин состоял членом Революцион-

ного Военного Совета Республики. Между тем протоколы этого учреждения велись в высшей степени аккуратно и хранились в условиях полной обеспеченности. Но в этих протоколах Сталин ни разу не показан в числе присутствующих. Насколько подсказывает мне память, это загадочное обстоятельство объясняется следующим образом.

8 июля 1919 г. был сокращен состав РВСР, в который вошли Троцкий (председатель), Склянский (заместитель председателя), Рыков, Гусев, Смилга и главнокомандующий Каменев. В то время, как в официальной истории назначение действительных и активных членов РВСР указано точно, о Сталине упоминается крайне глухо, при перечне других случайных назначений, опрокинутых ходом событий и вскоре забытых. В протоколах РВС совершенно нет указаний на участие Сталина в заседаниях. Как многие другие представители отдельных армий и фронтов, он присутствовал на заседаниях раз или два в качестве ходатая по местным делам. В общем руководстве военным ведомством Сталин не принимал никакого участия. "Число членов Реввоенсовета Республики, — писал в 1920 г. один из военных работников, Берзин, — не было указано точно, так что одно время, если не ошибаюсь, в него входило до 10 членов. Работали фактически, однако, председатель, главком и один-два члена... В полном своем составе Реввоенсовет Республики ни разу не собирался".

В 1921 г. Сталин был введен в Революционный Военный Совет Республики, наколько помню, по моей инициативе.

В течение всех лет гражданской войны при каждом конфликте со Сталиным я пытался поставить его в такие условия, чтоб он вынужден был ясно и точно формулировать свои взгляды на военные задачи. Его глухую и закулисную оппозицию фронтам я пытался прекратить или заменить членораздельным участием его в руководящем военном органе. По соглашению с Лениным и с Крестинским, который поддерживал военную политику полностью, я добился, не помню уже под каким предлогом, назначения Сталина в состав Революционного Военного Совета республики. Сталину не оставалось ничего другого, как принять назначение.

Его интриги были очевидны, а в то же время у него совершенно не было каких-либо особых методов военной работы, —

поэтому наиболее целесообразным было дать ему возможность на деле показать, чем именно он недоволен и чего именно он хочет. Но Сталин сразу понял опасность открытой совместной работы: он ни разу не появился на заседаниях Военного Совета, ссылаясь на обремененность другими делами. Это нетрудно проверить по очень тщательным и точным протоколам Революционного Военного Совета. Рассказы о работе Сталина в военном ведомстве с 1921 г. опираются на запись в протоколах ЦК, и только, представляют протокольную запись о введении Сталина в состав ВРК. На самом деле самое постановление было вскоре позабыто. Здесь повторение, правда менее яркое, истории с "практическим центром" в октябре 1917 г.

В той настойчивости, с какою Сталин подготовлял свою новую биографию, несомненно сказались основные черты его характера. Можно по-разному относиться к ней, но нельзя отказать ей в силе. Он хотел продвинуться вперед, занять более видное, если возможно — и первое место. Это стремление было у него сильнее всех других чувств, не только личной привязанности, но и верности определенной программе. Оно не покидало его никогда. В нем не было и тени того великодушия богатых натур, которое радуется талантам и успехам другого. В чужом успехе он всегда чувствовал угрозу своим целям, удар по своей личности. С силою рефлекса он занимал немедленно оборонительную, а если возможно и наступательную позицию. Он не мог никоим образом приписать себе роль теоретика и создателя большевистской партии, — он стремился поэтому преуменьшить роль теории и эмигрантов-теоретиков, осторожно поддерживать недовольство Лениным, преуменьшать значение тех вкладов, которые Ленин вносил на важнейших поворотах истории, выдвигать его действительные или мнимые ошибки. Только после его смерти он канонизировал его, чтоб постепенно вытеснять его память.

Он не мог никак приписать себе ни руководство Октябрьским переворотом, ни руководство гражданской войной. Но он с первого дня неутомимо подкапывал авторитет тех, кто участвовал в руководстве, неутомимо, осторожно, шаг за шагом, сперва без какого-либо общего плана, лишь повинуясь основной пружине своей натуры. Уже через год после переворота, призна-

вая за Троцким руководящую роль в перевороте, он в то же время осторожно противопоставлял ему ЦК в целом. Он называл по имени Ленина, чтоб создать противовес Троцкому. Но в то же время под безличной фирмой ЦК он резервировал для себя место в будущем. Одна и та же политика, система этапов, переходов в отношении Октябрьского переворота, как и Красной армии. Сперва признание руководящей роли другого, но ограничение ее ролью ЦК. Затем сужение чужой руководящей роли и постепенное оклеветание всех остальных членов ЦК, кроме мертвого Ленина, который не опасен, но зато может служить прикрытием.

Между утверждениями Сталина на разных этапах его борьбы против соперников вопиющие противоречия. Поставленные рядом, они показывают, что Сталин насквозь лживый человек. Но на каждом этапе его ложь служит данному моменту, она не стеснена заботой о вчерашнем и завтрашнем дне, она рассчитана на короткую память большинства и на материальную невозможность для меньшинства публично опровергнуть ложь.

Было бы, однако, чистейшим ребячеством сводить весь вопрос к тому, что Сталин ложью, обманом, интригой обеспечил свое руководящее положение в стране и сфабриковал для себя биографию, которая похожа на фантастический хвост. Ложь, обман, интрига вовсе не всесильны, и во всяком случае так и не вывели Сталина из неизвестности до 1923 г. Нужно, чтоб на определенную ложь был социальный спрос, чтоб она служила определенным социальным интересам, чтоб эти интересы объективно стояли в порядке дня, — только тогда ложь может стать историческим фактором.

Юбилейные статьи, печатавшиеся из года в год 23 февраля, дают крайне поучительный отпечаток сознательных и полусознательных сдвигов официальной идеологии и вех формирования официальной легенды. В первые годы, когда партия еще сохраняла старые спартанские традиции, имена вождей назывались редко, скорее в виде исключения; признания или похвалы как бы случайно прорывались наружу и сохраняют поэтому тем большее значение.

В первые годы в юбилейных статьях вообще нет речи о том, кто строил Красную армию: во-первых, это было известно всем;

во-вторых, статьи византийского характера не поощрялись: в 1921 г. был особым приказом изгнан из рядов военного ведомства журналист, пытавшийся, правда еще в очень скромной форме, предвосхитить рекламный тон сталинского периода.

В 1922 г. народный комиссариат просвещения выпустил сборник "За пять лет", в который входят пятнадцать статей, в том числе статья, посвященная строительству Красной армии и статья "2 года на Украине". О роли Сталина в этих статьях ни слова. После 1922 г. имя Сталина начинает появляться в "Правде" жирным шрифтом. Отныне внешние проявления его значительности становятся для него все более повелительной необходимостью.

В 1922 г. издан был в двух томах сборник "Гражданская война. Собрание документов и материалов по истории Красной армии". В то время никому не было интереса придавать этому сборнику тенденциозный характер; тем не менее во всем сборнике о Сталине ни слова.

В 1923 г. издательством Центрального Исполнительного Комитета выпущен том в четыреста страниц "Советская культура". В отделении об армии напечатаны многочисленные портреты "создателей Красной армии". Сталина среди них нет. В главе "революционные силы революции за первые семь лет Октября" имя Сталина даже не упоминается. Здесь названы и изображены в портретах следующие лица: Троцкий, Буденный, Блюхер, Ворошилов; названы Антонов-Овсеенко, Бубнов, Дыбенко, Егоров, Тухачевский, Уборевич и др., почти все объявленные позже врагами народа и растрелянные. Из умерших естественной смертью названы: Фрунзе и С. Каменев, назван также Раскольников в качестве командующего Балтийским и Каспийским флотами.

Пять книг, в которых были собраны мои приказы, воззвания и речи, были изданы военным издательством в 1923-1924 гг. "Пролетарская революция", официальный исторический журнал партии, писал в октябре 1924 г. по поводу этого издания: "В этих трех больших томах историк нашей революции найдет огромное количество в огромной степени ценного документального материала". Ничего, кроме документов, это издание в себе вообще не заключало. С того времени это издание было не

только конфисковано и уничтожено, но и все отголоски этого издания, цитаты и пр. были объявлены запретным материалом. Та история гражданской войны, которая нашла свое непосредственное документальное отражение в этих документах, собранных и изданных не мною, а официальными учреждениями государства, была объявлена измышлением троцкистов.

Во время болезни Ленина главная политическая работа "тройки" состояла в том, чтоб подорвать влияние Троцкого. Благодаря осторожности и настойчивости Сталина, сдерживавшего Зиновьева, эта работа производилась со всей необходимой постепенностью. Стараясь скомпрометировать мои политические взгляды (крестьянство и пр.) и в то же время опасаясь скомпрометировать себя преждевременным обнажением своего замысла, тройка придавала себе вид беспристрастия, признавая по каждому поводу мои военные заслуги. Только под прикрытием таких признаний можно было, не вызывая немедленного и бурного отпора аудитории, инсинуировать, намекать, мобилизовывать недовольных. Ко времени шестой годовщины Октябрьской революции (26 октября 1923 г.) эта работа была уже в полном разгаре.

С 1924 г. имена исчезают вовсе: не потому, конечно, что партия стала строже на этот счет, а потому, что имена старых вождей уже не годятся, а называть другие имена в связи с вопросом об армии еще психологически невозможно. Основная идея этого переходного периода: Красную армию создали не отдельные лица, а партия. "Героическое" начало и культ лиц никогда не существовавшие в партии Ленина, подвергаются систематическому осуждению.

Заместитель Ворошилова Уншлихт писал в 1926 г.: "Теоретиком и практиком строительства вооруженных сил за весь период был наш гениальный стратег и тактик — Владимир Ильич". Все понимали смысл этого недосказанного противопоставления. Но во всяком случае такое противопоставление можно было сделать, только прикрываясь именем Ленина. О Сталине никто еще не заикался. Во всех юбилейных статьях имя его вообще не упоминается. Дело для него самого идет пока о том, чтоб разрушить установившуюся репутацию Троцкого, а не создать свою собственную. Достаточно сказать, что С. Гусев, который был

подлинным агентом Сталина в Красной армии, как ныне Мехлис, в 1925 г. в статье "Разгром Врангеля" не счел нужным или необходимым ни разу назвать имени Сталина.

25 марта 1924 г. Склянский был удален из Реввоенсовета и замещен Фрунзе. В новый Реввоенсовет вошли Троцкий (председатель), Фрунзе (заместитель), Бубнов (начальник ПУРа), Уншлихт (начальник снабжения), Ворошилов, Лашевич, Буденный, Каменев, Розенгольд, Орджоникидзе, Аделиава, Мясников, Хадыр-Алинев, Караев. Имя Сталина не названо.

После 1925 г., когда постановлением ЦК я был снят с поста народного комиссара по военным делам, официальная печать настойчиво внушала ту мысль, что Фрунзе, мой заместитель, играл исключительную роль в создании вооруженных сил. После смерти Фрунзе он окончательно был провозглашен организатором Красной армии. Решительно никому не приходило тогда в голову приписывать эту роль Сталину. Фрунзе несомненно играл выдающуюся роль в гражданской войне и вообще был несколькими головами выше Ворошилова.

3 февраля 1926 г., в восьмую годовщину, новый глава вооруженных сил Ворошилов в статье, написанной для него его секретарями, пишет о реформе, произведенной в Красной армии "под непосредственным руководством незабвенного вождя Красной армии Михаила Васильевича Фрунзе". В течение короткого момента Фрунзе был точкой опоры для реформы не столько армии, сколько ее истории. Это был лишь запоздалый отголосок неосуществившегося плана. Но прежде, чем утвердился в учебниках и головах миф Фрунзе, началась подготовка мифа Сталина. Сегодня Фрунзе почти совершенно забыт.

Фрунзе умер под ножом хирурга в 1926 г. Смерть его уже тогда породила ряд догадок, нашедших свое отражение даже в беллетристике. Даже эти догадки уплотнились в прямое обвинение против Сталина. Фрунзе был слишком независим на военном посту, слишком отождествлял себя с командным составом партии и армии и несомненно мешал попыткам Сталина овладеть армией через своих личных агентов.

В последний период моего пребывания во главе военного ведомства усилия Сталина, Зиновьева и Каменева были направлены на то, чтобы поставить армию в невозможное финансовое

положение. Все ассигнования по военному ведомству беспощадно урезывались. Немедленно после моего смещения военное ведомство получило крупные дополнительные ассигнования и жалование командному составу было значительно повышено. Эта мера должна была примирить армию с происшедшей переменой.

Уже в 1926 г., когда я был не только вне военного ведомства, но находился под жестокими преследованиями, военная академия выпустила исследование "Как сражалась революция", в котором авторы, заведомые сталинцы, писали: "Клич т. Троцкого "пролетарии, на коня!", явился побудительным лозунгом для завершения организации Красной армии в этом отношении", т.е. в отношении создания кавалерии. В 1926 г. не было еще и речи о Сталине как об организаторе кавалерии.

В статьях по поводу девятилетнего юбилея Красной армии (23 февраля 1927 г.) имя Сталина еще ни разу не названо. 2 ноября 1927 г., накануне исключения оппозиции из партии, Ворошилов произносит на партийной конференции Краснопресненского района речь, посвященную Красной армии. В этой речи нет и намека на то, что Сталин — организатор Красной армии. Самая мысль об этом просто не приходит Ворошилову в голову. Только через три года он не без осторожности приступит к выполнению этого поручения.

Нужен был определенный сигнал сверху, дополненный прямыми предписаниями партийного аппарата, чтоб анонимность была устранена и чтоб имя партии было заменено именем Сталина.

Этапы передвижения от исторической правды к бюрократическому мифу можно проследить из года в год. Мы ограничимся лишь несколькими иллюстрациями.

В одной статье 1927 г., когда власть была уже полностью в руках Сталина, его имя, как организатора или вдохновителя Красной армии, еще не упоминается вовсе. Вообще не названо никаких имен. В этот период задача состояла в том, чтоб заставить забыть одни имена и тем подготовить почву для других. Через два года в номере "Правды" от 23 февраля заключается небольшая атака против Троцкого и его сотрудников за невнимательное отношение к Красной армии после окончания гражданской войны. Имя Сталина еще совершенно не названо.

В 1929 г. в связи с одиннадцатой годовщиной армии Ворошилов впервые атаковал старое руководство армии, но не за период гражданской войны, а за следующее трехлетие, когда Троцкий, занятый фракционной борьбой, не уделял будто бы достаточного внимания реорганизации армии; эта задача легла затем целиком на Фрунзе, преемника Троцкого. Сталин пока еще совершенно не назван. Ворошилов писал:

"Кронштадтское восстание во флоте, значительное ослабление дисциплины в воинских частях того времени, целый ряд колебаний в военных слоях рабочего класса — все это было прямым следствием внутрипартийной борьбы, размеры которой были доведены до последних пределов."

В 1929 г. имя Фрунзе еще выдвигалось как имя строителя Красной армии: "Только после того, — писал Ворошилов в 1929 г., — как вспыхнула война внутрипартийных схваток с Троцким, ЦК вплотную подошел к вопросам армейского строительства. На долю новой большевистской группы военных работников во главе с М.В. Фрунзе выпала чрезвычайно трудная и почетная задача вплотную приняться за реорганизацию вооруженных сил."

Лавинообразный ход фальсификации имеет свои законы, свой внутренний ритм. Так, в номере от 23 февраля 1929 г., посвященном одиннадцатой годовщине Красной армии, Сталин еще не упоминается. В статьях Ворошилова, Уншлихта, Бубнова, С. Каменева, Эйдмáна, Дегтярева и др. нет и речи о Сталине как организаторе Красной армии. Между тем, юбилейный номер газеты появился как раз в момент высылки Троцкого в Турцию. Несмотря на грандиозную работу по фальсификации, проделанную за предшествующие шесть лет (1923-1929), в тот момент еще психологически немыслимо было изображать Сталина как организатора победы. Для этого понадобилось еще несколько лет конвеерной фальсификации.

23 декабря 1929 г. в "Правде" появилась статья Ворошилова "Сталин и Красная армия". В этой статье говорится, между прочим: "В период 1918-20 гг. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого ЦК бросал с одного боевого фронта на другой". Статья заключала в себе первый набросок программы новой истории гражданской войны. Но эта статья,

изобилующая грубыми анахронизмами и искажениями, не вошла сразу даже в сознание военной бюрократии. Только в юбилейной статье 1930 г. впервые называется имя Сталина, притом в связи не со строительством армии в целом, а лишь Первой конной армии, которая действительно формировалась в Царицыне при участии Сталина. С. Орловский в статье "Ворошилов в Конной армии" пишет:

"Большую роль сыграло создание Сталиным именно в этом периоде гражданской войны конной армии. "Это был, — пишет Ворошилов, — первый опыт соединения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия. Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. Но в прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение или прямое сопротивление. Особенно возражал Троцкий."

Объединять ли два корпуса и стрелковую бригаду в особую конную армию или оставить эти три единицы в распоряжении командования фронтом, этот вопрос вовсе не имел ничего общего с общей оценкой или недооценкой значения конницы. Важнейшим критерием являлся вопрос о командовании: справится ли Буденный с такой массой всадников? Сможет от тактических задач подняться до стратегических? При выдающемся командующем фронтом, знающем и понимающем конницу и при надежных средствах связи, создание особой конной армии было бы неправильно, так как чрезмерное массирование конницы всегда грозит ослабить его основное преимущество: подвижность. Разногласие по этому поводу имело эпизодический характер и, если б история повторилась, я бы опять повторил свои сомнения.

На первых шагах миф ищет опоры в фактах. Никому еще не приходит в голову назвать Сталина организатором Красной армии. Даже в юбилейной статье Ворошилова имя Сталина как организатора еще не названо вовсе. Зато подчеркивается роль Ленина. В 1930 г., как и в 1931 г., юбилейные обзоры Красной армии все еще не уделяют Сталину места в гражданской войне.

В 1930 г., 23 февраля, ни в одной из юбилейных статей (Ворошилова, Куйбышева, Гамарника и других) имя Сталина не упоминается, не упоминается вообще имен по понятным причинам. Только на третьей странице "Правды" появляется фотография с подписью "Т. Сталин" без указания на его отношение к Красной армии.

В 1931 г. опубликована сталинская инструкция историкам партии, которая была разъяснена и конкретизирована в устных беседах. В 1932 г. юбилейный номер "Правды" получает уже новую физиономию. 23 февраля 1932 г. портрет Сталина украшает первую страницу газеты. Впервые выдвинута формула: "Вождем Красной армии является коммунистическая партия, ее ленинский ЦК во главе с т. Сталиным". Эта формула стала суррогатом присяги на личную верность Сталину. Но и в этом году власть его еще не распространена на прошлое. Сталин не фигурирует еще как строитель армии и руководитель гражданской войны. В качестве главной заслуги политического аппарата армии указано, что он провел "блестящую борьбу против троцкизма". Отметим, что во главе этой борьбы стоял Гамарник, который погибнет через шесть лет как "троцкист".

Впервые история Красной армии была перестроена официально 23 февраля 1933 г. в "Приказе Военного Совета СССР Республики", где после вводных фраз о том, что Ленин – гений человечества, величайший стратег пролетарской революции, вождь и организатор партии большевиков, "организатор и вождь Красной армии", говорилось: "С именем тов. *Сталина*, лучшего ленинца, вождя партии большевиков, вождя всех трудящихся, тесно связана вооруженная борьба, победы и строительство Красной армии. В годы гражданской войны партия всегда посылала тов. *Сталина* на наиболее опасные и решающие для жизни пролетарской революции фронты". Приказ заканчивался призывом: "Еще теснее сплотимся вокруг нашей коммунистической партии, вокруг нашего лучшего друга, вождя и учителя тов. Сталина."

Этот приказ по армии был, вместе с тем, приказом по исторической науке. Одновременно телеграммы из Ленинграда и Пскова, т.е. от Кирова, приветствуют "организатора великих побед Красной армии т. Сталина". В 1933 г. "Правда" уже говорит о

Сталине как об "организаторе побед Красной армии". Но и здесь подразумеваются лишь некоторые известные победы. Строителем армии изображается партия и персонально Ленин. В 1934 г. статья Радека пытается установить разногласия между Троцким и Сталиным в период гражданской войны. А Зиновьев в 1934 г. писал о великом знамени Ленина-Сталина.

В 1935 г., когда месяцы Тухачевского были уже сочтены, он в юбилейной статье о Красной армии, защищая необходимость ее механизации, заканчивал неизбежной византийской фразой о том, "что гарантией победы является искусство нашей партии, ее вождя т. Сталина и верного соратника его т. Ворошилова."

Сейчас может показаться странным, что никто в течение первых двенадцати лет не упоминал не только о мнимом "руководстве" Сталина в военной области, но и об его несомненном и активном участии в гражданской войне. Объясняется это тем, что в партии, в правительстве и в стране были рассеяны многие тысячи военных, знавших, как было дело. Многие члены или агенты ЦК принимали в гражданской войне не меньшее участие, чем Сталин, а некоторые — неизмеримо большее. И.Н. Смирнов, Смилга, Сокольников, Лашевич, Муралов, Розенгольц, Фрунзе, Орджоникидзе, Антонов-Овсеенко, Берзин, Гусев — все они провели все три года на фронтах в качестве членов Революционных Военных Советов, возглавлявших армии и фронты, и даже в качестве командующих армиями (Сокольников, Лашевич), тогда как Сталин за три года войны провел на фронтах вряд ли больше нескольких месяцев.

Смилга, Муралов и Фрунзе были членами Реввоенсовета Республики, тогда как Сталин был назначен только в 1921 г., после окончания гражданской войны, причем ни разу не появился на заседании Совета. Это было бы, разумеется, совершенно невозможно, если б он хоть в какой-либо мере претендовал на руководящую роль.

Те официальные легенды, созданные о роли Сталина, как организатора армии, стратега, вдохновителя гражданской войны, легенды, созданные в период с 1932 г. до 1940 г., получили очень яркую проверку в событиях Советско-финляндской войны. Подготовка наступления со стороны СССР была поистине убийственной. Кремль недооценил силы сопротивления Финлян-

дии, не подготовил необходимых материальных условий, не сумел объяснить ни армии, ни народу всех задач своей политики. Вся операция была подготовлена за спиной народа чисто бюрократическим путем и потому на первом своем этапе в течение 10-11 недель не дала ничего, кроме позора кремлевским инициаторам. В отличие от Гитлера, Сталин и не думал даже появляться перед войсками, выезжать на фронт, беседовать с солдатами и вдохновлять их. Можно прямо сказать, что такая поездка была для него совершенно невозможна. Кто знает его ближе, тому вообще невозможно представить себе на морозном воздухе перед солдатскими массами этого аппаратного диктатора с невыразительным лицом, с тусклым голосом, с трудом процеживающего слова, с желтоватым отливом глаз. Сталину нечего сказать солдатам.

21 декабря 1917 г. установлены были принципы создания будущей Красной армии, которая, как гласит постановление, "борется за интересы трудящихся всего мира и служит поддержкой для грядущих социальных революций во всем мире". Сердцевиной армии были рабочие-большевики. Массовая партийная мобилизация коммунистов обеспечила перелом в красноармейских частях.

Питая отвращение к дилетантизму, на который мы все были более или менее осуждены, я всеми силами отбивался от сосредоточения слишком большого числа обязанностей в моих руках. Так, в течение долгого времени я всячески противодействовал соединению морского комиссариата с военно-сухопутным. По моему настоянию народным комиссаром по морским делам был назначен Шляпников. Только в результате категорического постановления ЦК, я согласился взять в свои руки народный комиссариат по морским делам.

4 марта 1918 г. создается Высший Военный Совет в составе Троцкого (председателя), военного специалиста и руководителя Бонч-Бруевича и членов Совета Подвойского, Склянского и Мехоношина. 22 апреля 1918 г. в ЦК по докладу Троцкого санкционируют декреты об организации волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов. Страна была

разбита на 8 военных округов, в состав которых входили 46 губерний и 344 уездных военных комиссарита. 2 сентября 1918 г. был образован Революционный Военный Совет под председательством Троцкого. В первоначальный состав его вошли Троцкий, Раскольников, Иван Смирнов, А. Розенгольц и Вацетис как главнокомандующий. Вскоре присоединены были Склянский, Муралов и Юренев. В конце октября под председательством Ленина создается Совет Труда и Обороны для напряжения работы хозяйственных органов и согласования их с нуждами войны.

Те возрасты, которые знали военное дело, устали от войны, от траншей; и революция была для них освободительницей от войны. Мобилизовать их снова для борьбы было не просто. Младшие возрасты не знали войны, их мобилизовать было легче, но их надо было обучать, а враг не давал необходимого времени. Число своих офицеров, связанных с партией и безусловно надежных, было ничтожно. Они играли поэтому большую политическую роль в армии, но их военный кругозор был невелик, а знания незначительны; и нередко свой революционный и политический авторитет они при создании армии направляли по ложному пути. Сама партия, девять месяцев тому назад вышедшая из царского подполья и несколько месяцев спустя попавшая под преследование Временного Правительства, после блестяще одержанной победы с трудом приучалась к мысли, что гражданская война еще впереди.

Все вместе создавало величайшие трудности на пути создания армии. Нередко казалось, что прения поглощают всю затрачиваемую энергию. Сумеем или не сумеем создать армию, этот вопрос покрывал собою всю судьбу революции.

Материальные условия были крайне тяжкие. Расстройство промышленности, транспорта, отстутствие запасов, отсутствие сельского хозяйства, причем процессы хозяйственного распада еще только усугублялись. В этих условиях о принудительной воинской повинности и принудительной мобилизации не могло быть и речи. Пришлось временно прибегнуть к принципу добровольчества.

Труднее всего было создавать кавалерию, потому что старая кавалерия родиной своей имела степи, населенные богатыми крестьянами и казаками. Создание кавалерии было высшим до-

стижением этого периода. В четвертую годовщину Красной армии 23 февраля 1922 г. "Правда" в очерке гражданской войны давала такое изображение формирования красной конницы: "Мамонтов, производя сильные разрушения, занимает на время Козлов и Тамбов. "Пролетарии, на коня!" — клич т. Троцкого — в формировании конных масс был встречен с энтузиазмом, и уже 19 октября армия Буденного громит Мамонтова под Воронежем." Кампания для создания красной конницы составляла основное содержание моей работы в течение месяцев 1919 г.

Армию, как сказано, строил рабочий, мобилизуя крестьянина. Рабочий имел перевес над крестьянином не только в своем общем уровне, но в особенности, в умении обращаться с оружием, с новой техникой. Это обеспечивало рабочим в армии двойной перевес. С конницей дело обстояло иначе. Родиной конницы являлись русские степи, лучшими конниками были казаки, за ними шли степные богатые крестьяне, имевшие лошадей и знавшие лошадь. Конница была самым реакционным родом войск и дольше всего поддерживала царский режим. Формировать конницу было поэтому трудно вдвойне. Надо было приучить рабочего к коню, надо было, чтобы петроградский и московский пролетарий сели на коня сперва хотя бы в роли комиссаров или простых бойцов, чтобы они создали крепкие и надежные революционные ячейки в эскадронах и полках. Таков был смысл лозунга "Пролетарий, на коня!". Вся страна, все промышленные города покрылись плакатами с этим лозунгом. Я объезжал страну из конца в конец и давал задания насчет формирования конных эскадронов надежным большевикам, рабочим. Мой секретарь Познанский лично с большим успехом занимался формированием кавалерийских частей. Только эта работа пролетариев, севших на коня, превратила рыхлые партизанские отряды в кавалерийские действительно стройные части.

Закваской армии являлись коммунисты. На 1 октября 1919 г. во всем аппарате армии и флота, в тылу и на фронте, насчитывалось около 200.000 коммунистов — членов партии и кандидатов, которые были организованы в 7000 ячеек. Формально коммунисты в армии не имели никаких особых прав и привилегий, кроме тех, какими они пользовались по занимаемой ими должности.

Первоначально командиры привлекались из состава бывших офицеров в добровольном порядке. Только впервые декретом от 29 июля произведена мобилизация бывших офицеров в Москве, Петрограде и в ряде крупных городов. При каждом из таких специалистов поставлен комиссар. Для того, чтобы выдвинуть с низов более близких Советскому режиму командиров, была произведена специальная мобилизация бывших царских унтер-офицеров. Большинство из них были возведены в унтер-офицерский чин в последний период войны и не имели серьезного военного значения. Но старые унтер-офицеры, знавшие хорошо армию, особенно артиллеристы и кавалеристы, были нередко гораздо выше офицеров, под командой которых они состояли. К этой категории принадлежали люди, как Крыленко, Буденный, Дыбенко и многие другие. Эти элементы набирались в царские времена из более грамотных, более культурных, более привыкших командовать, а не пассивно повиноваться, и естественно, если в число унтер-офицеров проходили исключительно сыновья крупных крестьян, мелких помещиков, сыновья городских буржуа, бухгалтеры, мелкие чиновники и пр., в большинстве случаев это были зажиточные или богатые крестьяне, особенно в кавалерии. Такого рода унтер-офицеры охотно брали на себя командование, но не склонны были подчиняться, терпеть над собой командование офицеров и столь же мало тяготели к коммунистической партии, к ее дисциплине и к ее целям, в особенности в области аграрного вопроса. К заготовкам по твердым ценам, как и к экспроприации хлеба у крестьян, такого рода крепкие унтер-офицеры относились с бешеной враждой. К такого рода типам относился кавалерист Думенко, командир корпуса под Царицыным и прямой начальник Буденного, который в тот период командовал бригадой или дивизией. Думенко был более даровит, чем Буденный, но кончил восстанием, перебил коммунистов в своем корпусе, попытался перейти на сторону Деникина, был захвачен и расстрелян. Буденный и близкие к нему командиры также знали период колебания. Восстал один из начальников царицынских бригад, подчиненный Буденному, многие из кавалеристов ушли в зеленные партизаны. Измена Носовича, занимавшего чисто бюрократический административный пост, имела разумеется меньший вред, чем измена Думенко. Но так как

военная оппозиция сплошь опиралась на фронте на элементы, как Думенко, то об его мятеже сейчас не упоминают совсем. Разумеется, высшее руководство армии несло ответственность и за Носовича, и за Думенко, ибо в своем строительстве пыталось комбинировать, сочетать разные типы, проверяя их друг через друга. Ошибки при назначениях и измены были везде. В Царицыне, где условия были особые: обилие конницы, казачье окружение, армия, созданная из партизанских отрядов, специфический характер руководства — все это создавало здесь условия для большого количества измен, чем где бы то ни было. Винить в этом Сталина или Ворошилова сейчас было бы смешно. Но столь же нелепо взваливать ответственность за эти эпизоды сейчас через двадцать лет на главное командование, на руководство армии.

В момент смертельной опасности казанский полк во главе с командиром и комиссаром, занимавший ответственный участок, покинул самовольно фронт, захватив пароход, чтобы бежать из-под Казани в направлении Нижнего Новгорода. Пароход был задержан по моему распоряжению и дезертиры преданы суду. Командир и комиссар полка были расстреляны. Это был первый случай расстрела коммунистов за нарушение воинского долга. В партии было на эту тему много разговоров и сплетен. Как для меня в декабре 1918 г. в Центральном органе партии появилась статья, которая, не называя моего имени, но явно намекая на меня, говорила о расстреле "лучших товарищей без суда". В ответ я обратился в ЦК с письмом:

"Копия
Секретно
/25/ Декабря 1918 г.

В Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии.

Уважаемые товарищи,

Недовольство известных элементов партии общей политикой военного ведомства нашло свое выражение в статье члена ЦИК т. А. Каменского в № 281 центрального органа нашей партии "Правда". Статья заключает в себе огульное осуждение примене-

ния военных специалистов, как "николаевских контр-революционеров" и прочее. Полагаю, что в высшей степени неудобно давать такие характеристики тем лицам, которые советской властью поставлены на ответственные посты. Вопрос приходится разрешать или индивидуально, или в партийном порядке, а не путем огульных обвинений, которые отравляют атмосферу в соответствующих военных учреждениях и вреднейшим образом отражаются на работе. Но помимо этого, в статье имеются тягчайшие обвинения, направленные против меня, хотя я прямо в статье не назван. Так, сообщают, что за побег семи офицеров на Восточном фронте "чуть не были расстреляны двое наших лучших товарищей Залуцкий и Бакай (очевидно Бакаев), как это и было с Пантелеевым, и лишь стойкость т. Смилги спасла их жизнь. Далее говорится о расстреле лучших товарищей без суда. Центральный Комитет уже заслушал в свое время мимоходом сообщение по поводу мнимой попытки расстрела Залуцкого и Бакаева. Дело было на самом деле так. Узнав из третьих рук, в частности из газет, о предательстве нескольких офицеров из состава третьей армии, я, опираясь на изданный ранее приказ, силой которого комиссары обязаны держать на учете семьи офицеров и принимать на ответственные посты в том случае, если имеется возможность в случае измены захватить семью, дал телеграмму т.т. Лашевичу и Смилге, которая обращала их внимание на побег офицеров и на полное отсутствие донесений по зтому поводу со стороны соответствующих комиссаров, которые не умеют ни следить, ни карать, и закончил телеграмму фразой в том смысле, что комиссаров, которые упускают белогвардейцев, нужно расстреливать. Разумеется, зто не был приказ о расстреле Залуцкого и Бакаева (я совершенно не знал, какие комиссары стоят во главе дивизии, тем более, что речь шла не о комиссарах дивизии, а более мелких частей), но имел достаточно оснований полагать, что Смилга и Лашевич будут на месте расстреливать лишь тех, кого полагается расстрелять. Никаких серьезных последствий инцидент не имел, кроме разве того, что Лашевич и Смилга в утрированно-официальном тоне заявили, что если они считаются плохими комиссарами, то их надлежит сместить, на что в ответ я телеграфировал, что лучших комиссаров, чем Лашевич и Смилга у нас в армии вообще не может быть и просил их не кокетничать.

Никогда мне не могло притти в голову, что из этой телеграфной переписки могла вырасти легенда о том, что лишь стойкость Смилги спасла двух лучших товарищей от продиктованного мною расстрела, "как это было с Пантелеевым". Пантелеев расстрелян был по суду, и суд назначен был мною не для Пантелеева, — я не знал его присутствия среди дезертиров, не знал его имени, — суд назначен был над дезертирами, захваченными на пароходе, причем суд расстрелял Пантелеева в числе других. Никаких других расстрелов комиссаров, которые происходили при моем хотя бы косвенном участии, насколько помню, не было. Такие расстрелы имели, однако, место в значительном числе случаев, когда в числе комиссаров оказывались бандиты, пьяницы, предатели и прочее.

Ни одного случая, когда бы возбуждено было каким либо авторитетным учреждением дело о незаконном расстреле без суда кого-либо из товарищей, я никогда не слышал, если не считать заявления Западного Областного Комитета партии по поводу того же дела Пантелеева.

Ввиду вышеизложенного, прошу Центральный Комитет:

1) Заявить во всеобщее сведение о том, является ли политика военного ведомства моей личной политикой, политикой какой-либо группы, или же политикой нашей партии в целом;

2) Установить перед лицом общественного мнения всей партии те основания, какие имел тов. Каменский для утверждения о расстреле лучших товарищей без суда;

3) Указать редакции центрального органа на полную недопустимость печатания статей, которые заключают в себе не критику общей политики ведомства или хотя бы партии, а прямые тягчайшие обвинения в действиях самого тягчайшего свойства (расстрел лучших товарищей без суда) без предварительного запроса в партийных учреждениях об основательности этих обвинений, ибо ясно, что если бы обвинения были сколько-нибудь основательны, то дело не могло бы ограничиться партийной полемикой, а должно было стать предметом судебно-партийного разбирательства.

Троцкий"

Автор статьи А. Каменский был сам по себе малозначительной фигурой. Непонятным казалось, как статья, заключавшая такое тяжкое и вместе с тем несообразное обвинение, могла появиться в центральном органе. Редактором был Бухарин, левый коммунист и постольку против привлечения в армию "генералов". Но он совершенно не был способен, особенно в тот период, на интригу. Разгадка заключалась в том, что автор статьи, т.е. тот, кто подписался под нею, А. Каменский, принадлежал к царицынской группе, входил в состав 10-й армии и находился в тот период под непосредственным влиянием Сталина. Можно не сомневаться, что именно Сталин обеспечил за кулисами напечатание статьи. Самая формулировка обвинения: расстрел "лучших" товарищей, притом "без суда", поражала своей чудовищностью и в то же время внутренней несообразностью. Но именно в этой грубой утрированности обвинения сказывается Сталин, организатор будущих московских процессов. ЦК урегулировал вопрос, Каменский и редакция получили, кажется, внушение. Сталин остался в стороне.

По моему требованию Центральный Комитет назначил комиссию из Крестинского, Серебрякова и Смилги (трех членов ЦК) для рассмотрения всего вопроса. Комиссия пришла, разумеется, к выводу, что Пантелеев был расстрелян по суду и не как коммунист, а как злостный дезертир:

"Копия
Секретно
Телеграмма
11/1-19 г. №212 (Балашов)

Москва, Кремль. Предцик Свердлову.
Редакция газеты "Правда".
Редакция газеты "Известия ВЦИК".

По поводу расстрела комиссара Пантелеева.
На вопрос о том, где и при каких условиях был расстрелян комиссар 2-го Номерного Петроградского полка Пантелеев, — бывший командующий армией, ныне командующий фронтом тов. Славен сообщает:

"Вместе с командиром полка, комиссар Пантелеев покинул позиции во главе значительной части своего полка и оказался затем на пароходе, захваченном дезертирами для самовольной отправки из-под Казани на Нижний. Расстрелян был не за то, что его полк покинул позиции, а за то, что он, вместе с полком, покинул позиции."

Документы по этому делу находятся у политкома 5 Михайлова. (Подпись) Славен.

Предреввоенсовета Троцкий."

Через 10 лет этот эпизод снова будет фигурировать в кампании Сталина против меня под тем же самым титулом: "расстрел лучших коммунистов без суда". Между тем Ленин ответил тогда на это запиской:

"Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)."

Кто-то из реакционных писателей назвал этот документ lettre de cachet. В этом нет даже внешней меткости. Для применения репрессий мне не нужно было никаких дополнительных полномочий. Заявление Ленина не имело ни малейшего юридического значения. Это демонстративное выражение полного и безусловного доверия к мотивам моих действий предлагалось исключительно для партии и по существу было направлено против закулисной кампании Сталина. Прибавлю, что я ни разу не делал из этого документа никакого употребления.

В первый период, когда революция развертывалась от промышленных центров к периферии, создавались вооруженные отряды из рабочих, матросов, бывших солдат для установления советской власти на местах. Этим отрядам приходилось нередко

вести малую войну. Пользуясь сочувствием масс, они легко выходили победителями. Отряды получали известный закал, руководители — авторитет. Правильной связи между отрядами не было. В случае нужды они вступали в соглашение. Их тактика имела характер партизанских налетов и до известного времени этого было достаточно. Но низвергнутые классы начали, при помощи иностранных покровителей, строить свою армию, хорошо вооруженную, с большим обилием офицеров, и переходят от обороны к наступлению. Привыкшие к легким победам, партизанские отряды сразу обнаруживали свою несостоятельность: у них не было правильной разведки, ни связи друг с другом, ни способности к более сложному маневру. Так, в разных частях страны в разные сроки открывался кризис партизанства. Включить эти своенравные отряды в централизованную систему было нелегко. Они привыкли ни от кого не зависеть и никому не повиноваться. Военный стаж командиров был очень невысок. Они относились враждебно к старым офицерам, отчасти не доверяя им политически, отчасти прикрывая недоверием к офицерам недоверие к самим себе.

На 5-м съезде Советов в июле 1918 г. левые социалисты-революционеры заявляли, что нам нужны партизанские отряды, а не централизованная армия. "Это все равно, — возражал я им, — как если б нам сказали: "Не нужны железные дороги — будем пользоваться гужевым транспортом..."

Наши фронты имели тенденцию сомкнуться в кольцо с окружностью свыше 8 тысяч километров. Противники сами выбирали направление, создавали базу на периферии, получали помощь из-за границы и наносили удары по направлению к центру. Преимущество нашего положения состояло в том, что мы занимали центральное положение и действовали из единого центра по радиусам или по так называемым внутренним операционным линиям. Наше центральное положение, расположение врагов по большому кругу, возможность для нас действовать по внутренним операционным линиям, свели нашу стратегию к одной простой идее: именно к последовательной ликвидации фронтов в зависимости от их относительной важности. Если враги выбирали направление для удара, то мы могли выбирать направление для ответа. Мы имели возможность перебрасывать наши силы и мас-

сировать их в ударные кулаки на наиболее важном в каждый данный момент направлении. Однако реализовать это преимущество можно было только при условии полного централизма в управлении и командовании. Чтоб жертвовать временно одними участками, более отдаленными или менее важными, для спасения наиболее близкого и важного, нужно было иметь возможность приказывать, а не уговаривать. Все это слишком азбучно, чтоб останавливаться здесь на этом. Непонимание этого исходило из тех центробежных тенденций, которые неизбежно пробудила революция, из провинциализма необъятной страны, из примитивного духа независимости, который не успел еще подняться на более высокую ступень. Достаточно упомянуть, что в самый первый период в каждом уезде создавался свой Совет Народных Комиссаров со своим народным комиссаром по военным делам.

Успехи регулярного строительства заставляли эти разрозненные отряды перестраиваться в полки и дивизии, приспособляться к нормам и штатам. Но дух и приемы оставались нередко пережитками. Неуверенный в себе начальник дивизии был очень снисходителен к своим полковникам. Ворошилов в качестве командарма был очень снисходителен к начальникам своих дивизий. Но тем недоброжелательнее они относились к центру, который не удовлетворялся внешним превращением партизанских отрядов в полки и дивизии, а предъявляет более серьезные требования.

Из старого офицерства в состав Красной армии вошли, с одной стороны, передовые элементы, которые почувствовали смысл новой эпохи; они составляли, разумеется, маленькое меньшинство. Дальше шел широкий слой людей неподвижных и бездарных, которые вступили в армию только потому, что ничего другого делать не умели. Третью группу составляли активные контрреволюционеры, которые либо были застигнуты врасплох нашими мобилизациями, либо имели свои самостоятельные цели, выжидали благоприятного момента для измены. Большую роль в организации армии играли бывшие унтер-офицеры, которые вербовались путем особых мобилизаций. Из этой среды вышел ряд выдающихся военачальников, наиболее известным из них является бывший кавалерийский вахмистр Буденный. Одна-

ко и этот слой, пополнявшийся до революции главным образом сыновьями богатого крестьянства и городской мелкой буржуазии, выдвинул немало перебежчиков, игравших активную роль в контрреволюционных восстаниях и в Белой армии.

При каждом командире ставился комиссар, преимущественно из рабочих-большевиков, участников великой войны. Институт комиссаров мыслился, как временное учреждение, до подготовки надежного командного корпуса. "Институт комиссаров, — говорил тогдашний глава военного ведомства, — это, так сказать, леса... Постепенно леса можно будет убирать". Тогда во всяком случае никто из нас не предвидел, что через 20 лет институт комиссаров снова будет восстановлен, но на этот раз с новыми, прямо противоположными целями. Комиссары революции были представителями победившего пролетариата при командирах, вышедших преимущественно из буржуазных классов; нынешние комиссары являются представителями бюрократической касты при офицерах, которые в значительной мере вышли из низов.

Переход от революционной борьбы против старого государства к созданию нового, от разрушения царской армии, к строительству Красной, сопровождался кризисом партии, вернее рядом кризисов. Старые приемы, мысли и навыки на каждом шагу вступали в противоречие с новыми задачами. Необходимо было перевооружение партии. Так как армия является наиболее принудительной из всех организаций государства и так как в центре внимания в первые годы советского режима стояла военная оборона, то не мудрено, если все прения, конфликты и группировки внутри партии вращались вокруг вопросов строительства армии. Оппозиция возникла почти с момента первых наших попыток от разрозненных вооруженных отрядов перейти к централизованной армии. Разногласия проходили через всю партию, включая и ее Центральный Комитет. Большинство партии и Центрального Комитета в конце концов поддержало меня и военное руководство, так как в пользу тех методов, которые применялись в военном ведомстве, говорили все возрастающие успехи. Однако недостатка в нападках и колебаниях не было. В самый разгар гражданской войны члены партии пользовались полной свободой критики и оппозиции. Даже на фронте коммунис-

ты на закрытых партийных собраниях подвергали нередко политику военного ведомства жестоким нападкам. Никому не могло прийти в голову подвергать критиков преследованиям. Кары на фронте применялись очень суровые, в том числе и к коммунистам, но это были кары за невыполнение военных обязанностей, за трусость, за дезертирство, небрежность.

Внутри Центрального Комитета оппозиция имела очень смягченный характер, так как я пользовался поддержкой Ленина. Надо вообще сказать, что когда мы с Лениным шли рука об руку, а таких случаев было большинство, остальные члены Центрального Комитета поддерживали нас неизменно и единогласно. Опыт Октябрьского восстания вошел в жизнь партии огромным уроком.

Нужно, однако, сказать, что поддержка Ленина была не безусловной; он тоже знал колебания, в некоторые моменты — очень острые. В отношении военных проблем Ленин не раз колебался, а в нескольких случаях крупно ошибался. Мое преимущество пред ним состояло в том, что я непрерывно разъезжал по фронтам, сталкивался с огромным количеством народа, начиная от местных крестьян, пленных, дезертиров и кончая высшими военными и партийными руководителями фронтов. Эта масса разнообразных впечатлений имела неоценимое значение. Ленин никогда не покидал центра, где все нити сосредоточивались в его руках. О военных вопросах, новых для нас всех, ему приходилось судить на основании сведений, шедших преимущественно из верхнего яруса партии. Ленин умел, как никто, понимать отдельные голоса, шедшие с низов. Но они доходили до него лишь в виде исключения.

У него были колебания по поводу привлечения военных специалистов. В августе 1918 г., когда я находился на фронте под Свияжском, Ленин запросил моего мнения насчет предложения, внесенного одним из видных членов партии, заменить всех офицеров генерального штаба коммунистами. Я ответил резко отрицательно, возражая по прямому проводу из Свияжска в Кремль:

"Копия
Телеграмма
Из Свияжска
23/8.1918 г. № 234

Москва Председателю Совнаркома Ленину.

Предложение Егорова об объединении командования бесспорно и практически ставилось мною не раз. Затруднения в лице. Выдвигаемую Вами кандидатуру я сам называл не раз. Его кандидатура должна быть предварительно оправдана не поражениями и сдачей городов, а победами. Назначение, о котором вы говорите, сможет состояться только после первой победы, когда оно будет мотивировано.

Что касается Ларинского предложения о замене генштабов коммунистами, то оно, во-первых, противоречит первому, которое Вы выдвигаете, ибо Ваш кандидат не коммунист и подбирает вокруг себя не коммунистов, а людей с военным образованием и боевым опытом. Из них многие изменяют. Но и на железных дорогах при продвижении эшелонов наблюдается саботаж. Однако никто не предлагает инженеров-движенцов заменить коммунистами. Считаю Ларинское предложение в корне не состоятельным. Сейчас создаются условия, когда мы в офицерстве произведем суровый отбор: с одной стороны, концентрационные лагеря, а, с другой стороны, борьба на Восточном фронте. Катастрофические мероприятия, вроде Ларинского, могут быть продиктованы паникой. Те же победы на фронте дадут возможность закрепить происшедший отбор и дадут нам кадры надежных генштабистов... Прошу прислать Ларина сюда на выручку. Резюмирую: первое: объединение командования необходимо, провести его можно будет после первой победы; второе: сжатие всей военной верхушки, удаление балласта необходимо — путем извлечения работоспособных и преданных нам генштабов, отнюдь не путем их замены партийными невеждами. Раскольников, образованный моряк и боевой революционер, считает даже в более скромной области морского ведомства абсолютно невозможной другую политику и требует присылки сюда

образованных морских офицеров, хотя те хуже сухопутных и процент изменников среди них выше. Больше всего вопят против`применения офицеров либо люди панически настроенные, либо стоящие далеко от всей работы военного механизма, либо такие партийные военные деятели, которые сами хуже всякого саботажника: не умеют ни за чем присмотреть, сатрапствуют, бездельничают, а когда проваливаются — взваливают вину на генштабов.

Троцкий."

Ленин не настаивал. Тем временем победы чередовались с поражениями. Победы укрепляли доверие к проводившейся мною военной политике; поражения, умножая неизбежно число измен, вызывали в партии новую волну критики и протестов. В марте 1919 г. на вечернем заседании Совета Народных Комиссаров в связи с сообщением о каком-то новом предательстве командиров Красной армии Ленин написал мне записочку: не прогнать ли нам всех спецов и не назначить ли главнокомандующим Лашевича (старого большевика). Я понял, что противники политики военного ведомства, в частности Сталин, с особенной настойчивостью наседали на Ленина в предшествующие дни и вызвали в нем известные сомнения. Я заметил, что Ленин с большим интересом ожидает моего ответа, поглядывая искоса в мою сторону. На обороте того же вопроса я написал ответ: "детские игрушки" и вернул Ленину бумажку. Сердитые слова произвели, видимо, впечатление. Ленин ценил категорические формулы.

Новое сообщение о предательстве дало ему повод подвергнуть проверке свою собственную позицию и свои колебания. На другой день я, со справкой штаба в кармане, пошел к Ленину в его кремлевский кабинет и поставил ему вопрос: "Вы знаете, сколько у нас в армии царских офицеров?" "Нет, не знаю", — ответил он, заинтересованный. "Приблизительно?" "Не знаю". Он категорически отказывался угадывать. "Не менее 30 тысяч!" Цифра прямо-таки поразила его. "30 тысяч..." — повторял он. "Теперь подсчитайте, — наступал я, — какой среди них процент изменников и перебежчиков — совсем не такой уж большой. Тем временем армию мы построили из ничего, и эта армия растет и крепнет!" Именно эта беседа завоевала поддержку Ленина в военной политике окончательно.

Через несколько дней на митинге в Петрограде Ленин подвел итог собственных сомнений в вопросе о военной политике. "Как часто, — говорил он, — товарищи, принадлежащие к числу самых преданных и убежденных большевиков-коммунистов, возбуждали горячие протесты против того, что в строительстве Красной социалистической армии мы пользуемся старыми военными специалистами, царскими генералами и офицерами... Оказалось, что мы построили ее только так. И если мы подумаем над задачей, которая здесь выпала на нашу долю, то нетрудно понять, что так только и можно было построить. Это дело не только военное, эта задача стала перед нами во всех областях народной жизни и народного хозяйства."

Именно военный опыт и был впоследствии перенесен на все другие сферы государственной работы. "Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, — продолжал Ленин, — что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто является его противником, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас. Других кирпичей нам не дано!"

Мы были чужды педантизму и шаблонам, прибегали ко всяким комбинациям и экспериментам, ища успеха. В одной армии командует бывший унтер-офицер при начальнике штаба из бывших генералов. В другой армии командует бывший генерал при помощнике из партизан. Одной дивизией командует бывший солдат, а соседней — полковник генерального штаба. Этот "эклектизм" навязывался всем положением. Изрядный процент образованных офицеров имел, однако, в высшей степени благотворное влияние на общий уровень командования. Военные автодидакты учились на ходу.

В 1918 г. 76% всего командного и административного аппарата Красной армии представляли бывшие офицеры царской армии и лишь 12,9% состояли из молодых красных командиров, которые естественно занимали низшие должности. К концу гражданской войны командный состав состоял из нескольких источников: рабочие и крестьяне, выдвинувшиеся в процессе гражданской войны из рядовых бойцов, без всякого военного

обучения, кроме непосредственного боевого опыта; бывшие солдаты и унтер-офицеры старой армии; молодые командиры из рабочих и крестьян, прошедшие краткосрочные советские военные школы; наконец, кадровые офицеры и офицеры военного времени царской армии. Основное военное звено — отделение — в подавляющем большинстве случаев имело совершенно случайных и неподготовленных командиров: чего нам не хватало, это корпуса унтер-офицеров, ибо унтер-офицеры царской армии, поскольку они включались в царскую армию, командовали не отделениями, а ротами, батальонами и полками. Лишенных военного образования командиров было к концу гражданской войны свыше 43%, бывших унтер-офицеров — 13%, командиров, прошедших советскую военную школу — 10%, офицеров царской армии — около 34%.

Армия строилась под огнем. Приемы строительства, в которых господствовала импровизация, подвергались немедленному испытанию на деле. Армия росла численно чрезвычайно быстро. Объяснялось это, с одной стороны, чрезвычайной протяженностью фронтов, с другой стороны, рыхлостью военной организации. Недостаточная подготовка вызывала, естественно, чрезмерный расход человеческой силы. Быстрый и полухаотический рост армии вызывался тем, что для разрешения каждой новой боевой задачи приходилось строить из ничего новые полки и дивизии. Это было трехлетие непрерывных боев. Цепь малых войн свелась в одну большую гражданскую войну, в которой революция обеспечила свое существование. Армию строил рабочий, мобилизуя крестьянина, где нужно заставляя его, привлекая к делу бывшего офицера и ставя его под свой контроль.

Давно уже стало традицией изображать дело так, будто весной 1918 года Царицын представлял большую важность в военном отношении и Сталин был отправлен туда для спасения военного положения. Все это основано на недоразумении. Дело шло на самом деле о продовольствии; и военное ведомство в целом занималось в те дни вопросом продовольствия пожалуй больше, чем чисто военными делами. 28 мая на заседании Совета Народных Комиссаров Ленин обменивался с тогдашним руководите-

лем продовольственного дела Цюрупой записками об исключительных методах по снабжению столиц и промышленных центров продовольствием. Ленин пишет к Цюрупе: "Сегодня же созвонитесь с Троцким, дабы завтра он все пустил в ход". Тут же Ленин сообщает о состоявшемся постановлении в том смысле, чтобы народный комиссар труда Шляпников выехал немедленно на Кубань для объединения продовольственной деятельности юга в интересах промышленных районов. Цюрупа пишет: "Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия. С ним и Шляпникову будет хорошо." Ленин отвечает: "Я согласен вполне. Проводите обоих сегодня". В ближайшие два дня состоялись специальные постановления о Сталине и Шляпникове. Сталин был направлен на северный Кавказ и в Царицын "в качестве общего руководителя продовольственным делом на юге России". О военных задачах еще не было и речи.

Со Сталиным получилось то, что со многими другими советскими работниками и с целыми отрядами их. Многие рабочие отправлялись в разные губернии для мобилизации хлебных избытков. Но наталкивались на восстания белых, и из продовольственных отрядов, становились военными отрядами. Многие работники просвещения, земледелия и других ведомств попадали на окраинах в водоворот гражданской войны и меняли, так сказать, свою профессию.

Каменев, наряду с Зиновьевым, был одним из наименее воинственных членов ЦК. Однако и он посылался на фронты и играл в течение нескольких периодов видную роль. Подобно Сталину, Каменев был в апреле 1919 года послан на Украину для ускорения продвижения продовольственных грузов к Москве. Но Луганск оказался сдан, опасность грозила всему Донецкому Бассейну, положение на только что отвоеванной Украине становилось все менее благоприятным. Совершенно так же, как Сталин в Царицыне, Каменев на Украине оказался втянут в военные операции. Ленин телеграфирует Каменеву: "Абсолютно необходимо, чтобы вы лично... не только проверили и ускорили, но и сами довели подкрепление к Луганску и вообще к Донбассу, ибо иначе нет сомнения, что катастрофа будет огромная, едва ли поправимая: мы несомненно погибнем, если не отчистим полностью Донбасс в короткое время..." Это обычный стиль Ленина

того времени. На основании таких цитат можно доказывать, что судьбу революции Ленин ставил в зависимость от военного руководства Каменева на Юге.

Читателю, не посвященному в действительный ход событий и не могущему ныне иметь доступ к архивам, трудно себе представить, до какой степени искажены пропорции событий. Весь мир знает ныне об эпопее защиты Царицына, о поездке Сталина на Пермский фронт или так называемой Профсоюзной дискуссии. Эти эпизоды кажутся сейчас вершинами исторической цепи событий. Эти мнимые вершины созданы искусственно. Из громадного архивного материала выделены определенные эпизоды и вокруг них поставлены грандиозные исторические декорации. Во всех новых изданиях к этим декорациям прибавляются новые преувеличения, источником которых являются только старые преувеличения. Ссылки на документы встретить почти нельзя. Заграничная печать, даже ученые историки, относятся к этим повествованиям, как к первоисточнику. В разных странах можно встретить специалистов-историков, которые знают третьестепенные детали, касающиеся Царицина или Профсоюзной дискуссии, но не имеют почти никакого понятия о событиях неизмеримо более важных и значительных. Фальсификация достигла здесь таких размеров, такой динамики, что она выработала свой собственный, почти непреодолимый автоматизм, похожий на автоматизм лавины. На самом деле, нельзя не поразиться бедности тех документов и материалов, которые опубликованы в связи с работой Сталина на фронтах.

При тоталитарной концентрации всех средств устной и печатной пропаганды можно городу создать столь же фальшивую репутацию, как и человеку. В маневренной и глубоко подвижной войне разные пункты страны приобретают в разные моменты исключительное значение и затем теряют его. Защита Царицына никогда не могла иметь того значения, как борьба за Казань, откуда открывается путь на Тулу и Москву, или, как борьба за Петроград, потеря которого была бы грозным ударом сама по себе и открывала бы путь с севера, путь на Москву. Сейчас много героических эпизодов гражданской войны забыто: забыты все, где не участвовал Сталин; зато имени Царицына придано мистическое значение:

"Царицын, — вполне справедливо пишет один из историков Красной армии, — явился зачатком военной академии, где создались кадры командиров для других многочисленных фронтов, ныне возглавляющие основные единицы армии".

"... На Царицынском фронте началась борьба между Сталиным и Троцким — не столько борьба двух больших честолюбий, сколько борьба двух человеческих слоев и двух линий в революции" (С. Дмитриевич, стр. 221).

Наиболее выдающиеся организаторы и полководцы вышли не из Царицына. Я уж не говорю о центральных фигурах, как Склянский, действительный Карно Красной армии, Фрунзе, выдающийся военачальник, поставленный впоследствии во главе Красной армии, Тухачевский, будущий реорганизатор армии, Егоров, будущий начальник Штаба, Якир, Уборевич, Корк, Дыбенко. Все они воспитались в других армиях или на других фронтах, крайне отрицательно относились к Царицыну и его невежественному самодовольству, требовательности. Само слово "царицынцы" имело в их устах уничтожительное значение.

Городским головой Царицына был некий большевик Минин, ставший впоследствии членом Революционного Военного Совета. Этот Минин написал в 1925 г. героическую драму: "Город в кольце". Так как Сталин в этой драме не получил надлежащего освещения, это послужило в дальнейшем опале Минина, который был в конце концов разоблачен как "враг народа".

В изданиях годов гражданской войны эпопея Царицына — одна из многих эпопей, которая совершенно не связывалась с именем Сталина. Его закулисная роль, очень краткая к тому же, была известна небольшому числу лиц и не давала решительно никакого повода для славословий. В юбилейной статье Орджоникидзе, посвященной 11-й армии, ни словом не упоминается Сталин. То же и в других статьях. Нужно было очень долго и настойчиво раскачивать качели истории, чтобы поднять Сталина на высоту героя царицынской эпопеи.

Продовольственные задачи оказались в сколько-нибудь широких масштабах неразрешимы из-за военного положения. "Связи с Югом, с его продовольственными грузами, прерваны — писал Сталин 4 августа, — а сам Царицынский район, связывающий центр с Северным Кавказом, оторван, в свою очередь, или почти оторван от Центра".

Причину крайнего ухудшения военной обстановки Сталин объяснял, с одной стороны, поворотом крепкого крестьянина, в Октябре боровшегося за советскую власть, — против советской власти (он ненавидит всей душой хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешочничеством); с другой стороны — плохим состоянием наших войск. "В общем нужно сказать, — заканчивал он, — что до восстановления связи с Северным Кавказом рассчитывать (особенно) на Царицынский участок (в продовольственном отношении) не приходится".

4 августа Сталин пишет из Царицына Ленину, Троцкому, Цурюпе: "Положение на Юге не из легких. Военный Совет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего Военного Руководителя, отчасти заговором привлеченных Военруком лиц в разных отделах Военного Округа. Пришлось начинать все сызнова... Отменили старые, я бы сказал преступные, приказы, и только после этого повели наступление..."

Подобные сообщения получались тогда со всех концов страны, ибо хаос господствовал везде. Удивление вызывают лишь слова о "расстроенном наследстве". Военные округа были декретированы 8 апреля, едва успели приступить к работе, так что о "расстроенном наследстве" говорить было трудно.

8 апреля 1918 г. был издан декрет о создании волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов. В июле я докладывал 5-му съезду Советов, что многие низовые комиссариаты еще не созданы за отсутствием компетентных военных людей.

В качестве члена Революционного Военного Совета армии с особыми полномочиями от ЦК и Военного Совета Республики Сталин пользовался крайне широкими, практически неограниченными правами. Он мог производить на местах мобилизации, реквизировать имущество, милитаризировать заводы, подвергать аресту, предавать суду, назначать и смещать. Другие члены Совета армии — например, Ворошилов — были слишком малозначительны по сравнению с ним, чтобы стеснять его волю.

Грубость, нарушение приказов, вызывающие резолюции — все это был не просто взрыв темперамента, а обдуманный способ поднять свой авторитет. Военные, как и большинство комисса-

ров, не знали Сталина, а к приказам из центра уже научились относиться с большим вниманием. Цель Сталина состояла в том, чтоб показать, что он равен по рангу тем, кто подписывает приказы, исходящие из центра. Никакой другой цели его вызывающие действия иметь не могли: если б он хотел изменения неразумного приказа, достаточно было бы снестись по прямому проводу с Москвой. Сталин стремился поднять свой авторитет за счет авторитета центра.

Самочинно взятые на себя Сталиным функции руководителя всех военных сил фронта получают подтверждение Москвы. Несмотря на всю неприязнь Троцкого к Сталину, телеграмма Реввоенсовета республики, носящая пометку, что она отправлена по согласию с Лениным (вероятнее — по настоянию Ленина) возлагает на Сталина: "Навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся".

Таким образом, полномочия, выданные Сталину для рабочих управителей были подписаны и, на сколько можно судить по тексту, формулированы мною. Дело шло о том, чтоб подчинить столицы центру, установить правильные взаимоотношения и подчинение армии и фронту. Основное направление работы Сталина в Царицыне имело прямо противоположный характер. О его резолюциях не принимать к сведению и пр. я не знал, так как сам он о них в центр не докладывал. Мое впечатление было таково, что Сталин недостаточно решительно борется с самоуправством и местничеством, партизанством и пр. местных людей. Я обвинял его в покровительстве неправильной политике Ворошилова и других. Но мне и в голову не приходило, что он является вдохновителем этой политики. Только позже из его собственных телеграмм и из признания Ворошилова и других, это стало ясно.

Каждый военный округ возглавлялся Революционным Военным Советом из трех членов: двух представителей партии и правительства и одного военного специалиста при одновременном назначении значительного числа военных специалистов. Разумеется, приходилось действовать в значительной мере ощупью. Мы создали военную аттестационную комиссию, но и она, разумеется, не располагала необходимым материалом для оценки ста-

рых генералов и полковников с точки зрения их скверности к новому революционному режиму. Не забудем, что дело происходило весной 1918 года, т.е. через несколько месяцев после завоевания власти, когда административный аппарат строился в окружении величайшего хаоса, при помощи импровизации случайных связей, случайных рекомендаций. Никакого другого способа и быть не могло. Лишь постепенно совершалась проверка военных специалистов на деле и их отбор.

Среди офицеров было много таких, пожалуй большинство таких, которые сами не знали, как определить себя. Реакционеры бежали с самого начала, наиболее активные из них на периферию, строившую тогда белые фронты. Остальные колебались, выжидали, не решались бросить семью, не знали, что с ними будет и таким образом оказались в числе военно-административного или командного аппарата Красной армии. Дальнейшее поведение многих из них определялось тем отношением, которое они к себе встретили. Умные, энергичные и тактичные комиссары, а такие были, конечно, в меньшинстве, завоевывали сразу офицеров, которые смотрели на них снизу вверх и удивлялись их решимости, смелости и политической определенности. Такие союзы командиров и комиссаров длились иногда долго и отличались большой прочностью. Там, где комиссар был невежественен и груб и третировал военного специалиста, пренебрежительно компрометируя его перед красноармейцами, о дружбе, конечно, не могло быть и речи, и колебавшийся офицер склонялся окончательно в сторону врагов нового режима. Атмосфера Царицына с ее административной анархией, партизанским духом, неуважением центра, отсутствием административного порядка и вызывающей грубостью по отношению к военным специалистам, разумеется, не способна была расположить этих последних к себе и сделать из них слуг нового режима. Было бы ошибкой думать, что Царицын обходился без военных специалистов. Каждому из импровизированных командиров нужен был офицер, который знал рутину военного дела. Но такого рода специалисты набирались из худшей части офицерства: из пропоиц или людей, потерявших человеческое достоинство, безразличных, готовых ползать на задних лапах перед новым начальством, льстить ему, не перечить ему во всяком случае и т.д.

Таких военных специалистов я нашел в Царицыне. В качестве начальника штаба я нашел покорного и тихого капитана царской армии, склонного к спиртным напиткам. Имя этого незначительного офицера нигде больше не упоминалось, и о судьбе его мне неизвестно. С глазу на глаз с этим начальником штаба командующий армией не раз вынужден бывал опускать глаза. Жизнь в штабе вовсе не была идиллической. Самородки: Ворошилов и Буденный — отстаивали каждый свои права.

Сталин несколько месяцев провел в Царицыне. Свою закулисную борьбу против меня, уже тогда составлявшую существеннейшую часть его деятельности, он сочетал с доморощенной оппозицией Ворошилова и его ближайших сподвижников. Сталин держал себя, однако, так, чтобы в любой момент можно было отскочить назад.

Ленин лучше меня знал Сталина и подозревал, очевидно, что упорство царицынцев объясняется закулисным режиссерством Сталина. Я решил в Царицыне навести порядок. После нового столкновения командования в Царицыне я настоял на отозвании Сталина. Сталин был отозван из Царицына во второй половине октября 1918 г. (30 октября появилось в "Правде" его сообщение о Южном фронте). Это было сделано через посредство Свердлова, который сам отправился за Сталиным в экстренном поезде. Ленин хотел свести конфликт к минимуму, и был, конечно, прав. Поэтому Ленин написал письмо.

Письмо Ленина явно написано под влиянием настояний Сталина. Он искал примирения, дальнейшей военной работы, хотя бы ценою временной и неискренней капитуляции. Фронт привлекал его потому, что здесь он впервые столкнулся с наиболее законченным из всех аппаратов, именно с военным. В качестве члена Реввоенсовета при том же члена ЦК, он, разумеется, в каждом Реввоенсовете, в каждой армии каждого фронта являлся первой фигурой. Если другие колебались, то он разрешал. Он мог приказывать. Приказание получало почти автоматическое выполнение, не так, как в комиссариате национальностей, где ему приходилось скрываться от оппонентов на кухне коменданта.

После отъезда всех участников царицынской армии я в особом приказе (5 ноября 1918 г.) воздал должное заслугам многих частей и их командиров, но в то же время отмечал, что в

состав армии входят единицы, которые носят названия дивизий, не являясь таковыми по существу; что "политическая работа в частях пока еще почти не поставлена"; что "расходование боевых припасов происходит далеко не всегда с необходимой осмотрительностью"; что в некоторых случаях "командир, не желая выполнить оперативный приказ, передавал его на рассмотрение митинга". "Как граждане, — гласил приказ, — солдаты в свободные часы могут устраивать митинги по любым вопросам. Как солдаты (в строю и на фронте) они выполняют беспрекословно боевые приказы".

Именно в эти дни, отозванный из Царицына, с глубокой злобой и жаждой мести в душе, Сталин написал свою коротенькую статью, посвященную юбилею революции. Цель статьи была нанести удар престижу Троцкого, выдвинуть против него авторитет Центрального Комитета, возглавлявшегося Лениным. Эта юбилейная статья была продиктована затаенной злобой.

После посещения Южного фронта, в частности Царицына, я докладывал на VI съезде Советов 9 ноября 1918 года: "Не все советские работники поняли, что существует централизованное управление, и все приказы, идущие сверху, должны быть незыблемы...; к тем советским работникам, которые еще всего этого не поняли, мы будем безжалостны; мы их отстраним, выбросим из наших рядов, подвергнем репрессиям" (1, 340). Это било по Сталину в неизмеримо большей степени, чем я мог думать тогда, направляя эти слова главным образом против Ворошилова. Сталин присутствовал на съезде и молчал. Он молчал на заседании Политбюро. Он не мог защищать открыто своих действий. Тем больше он накапливал злобы.

В то время как на Восточном фронте Красная армия успела уже одержать крупные победы, почти целиком очистив Волгу, на юге дела шли по-прежнему плохо, порядка не было, приказы не соблюдались. 5 октября из Козлова было объявлено приказом об объединении всех армий и групп Южного фронта под командованием Революционного Военного Совета Южного фронта в составе бывшего генерала Степина и трех большевиков: Шляпникова, Мехоношина и Лазимира. "Все приказы и распоряжения Совета подлежат безусловному и немедленному исполнению". Ослушникам приказ грозил строгими карами.

30 ноября 1918 г. Центральный Исполнительный Комитет, уже объявивший советскую республику военным лагерем, принял постановление о создании Совета Обороны в составе Ленина, Троцкого, Красина, комиссара путей сообщения, комиссара продовольствия и представителя Президиума ЦИК Сталина. Предложение было внесено мною по соглашению с Лениным и Свердловым. Ленин хотел дать Сталину известное удовлетворение за его удаление из царицынской армии. Я хотел предоставить Сталину возможность открыто формулировать свою критику и свои предложения, без подрыва порядка в военном ведомстве. Однако дело свелось больше к титулу, чем к работе.

Первое заседание Совета Обороны, намечавшее общие задачи, происходило 1 декабря. Из записей Ленина на заседании видно, что Сталин брал слово шесть раз, Красин — девять раз, Склянский — десять раз, Ленин — восемь раз. Каждому из ораторов давалось не больше двух минут.

Руководство работой Совета Обороны не только в больших вопросах, но и в деталях, целиком сосредоточилось в руках Ленина. Сталину поручено было составить проект постановления о борьбе против областничества и о борьбе с волокитой. По-видимому, этот проект никогда не был составлен. Кроме того, в интересах ускорения работы, решено было, что "постановления комиссий, назначаемых Советом Обороны, подписанные Лениным, Сталиным и представителем соответствующего ведомства, имеют силу постановлений Совета Обороны".

В первые месяцы 1919 г. Красные войска нанесли сокрушительный удар южной контрреволюции, состоявшей главным образом из донской казачьей армии под командованием генерала Краснова. Но за Красновым формировалась на Кубани и Северном Кавказе добровольческая армия Деникина. В середине мая наша наступавшая армия, в значительной мере выдохшаяся, столкнулась со свежими войсками Денинкина и начала откатываться назад. Мы потеряли все, что завоевали, и сверх того, всю недавно освобожденную Украину.

Контрреволюция превратилась на Дону, в Кубани, Тереке в серьезную силу. Генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Каледин, Краснов нашли себе поддержку в среде казачества, особенно, разумеется, в среде зажиточных кругов. Как раз накануне

Восьмого съезда, заседавшего в Москве с 18 по 23 марта 1919 г. мы получили на Востоке со стороны белых крепкий удар под Уфой и продолжали отступать. Вопрос о съезде казался мне теперь совершенно малозначительным в сравнении с тем, что происходило на Востоке. Я предложил немедленно вернуть на фронт военных делегатов и решил сам, невзирая на съезд, немедленно отправиться на Восточный фронт, под Уфу.

Часть делегатов была недовольна: они на несколько дней приехали в столицу и не хотели покидать ее. Кто-то пустил слух, что я желаю избегнуть прений в военной политике. Эта мысль поразила меня. 16 марта 1919 г. я внес в ЦК предложение: отменить директиву об отъезде, немедленном возвращении, военных делегатов, поручить Сокольникову официальную защиту военной политики, а сам немедленно уехал на Восток. Обсуждение военного вопроса на Восьмом съезде, несмотря на наличие довольно значительной оппозиции не остановило меня: положение на фронте казалось мне гораздо более важным, чем избирательство на съезде, тем более, что я не сомневался в победе той линии, которую считал единственно правильной. Центральный комитет одобрил внесенные мною заранее тезисы и назначил официальным докладчиком Сокольникова.

От имени оппозиции доклад был представлен Смирновым, старым большевиком и бывшим артиллерийским офицером мировой войны. Смирнов был одним из вождей левых коммунистов, решительных противников Брест-Литовского мира, требовавших открытия против германской регулярной армии партизанской войны. На этой основе, несколько, правда, поостывшей, они продолжали оставаться и в 1919 г. Формирование централизованной и регулярной армии было невозможно без военных специалистов и без замены импровизации правильной системой руководства. Левые коммунисты успели значительно поостыть и пытались приспособить свои вчерашние взгляды к росту государственной машины и потребностям регулярной армии. Но они отступали шаг за шагом, нагоняя все, что можно, из старого багажа, и прикрывали свои по существу партизанские тенденции новыми формулами.

"Год тому назад, — докладывал на VIII съезде партии Сокольников, — в момент полного развала армии, когда никакой

военной организации для защиты пролетарской революции не было, Советская власть прибегла к системе добровольческого формирования армии, и в свое время эта добровольческая армия сыграла свою роль. Теперь, оглядываясь на этот период, как на пройденную ступень, мы должны учесть положительные и отрицательные стороны. Положительная сторона его состояла в том, что в ней приняли участие лучшие элементы рабочего класса... Наряду с этими хорошими сторонами партизанского периода были и черные стороны, которые в конце концов перевесили то хорошее, что было в этом партизанском периоде. Лучшие элементы выбивались, умирали, попадали в плен и, таким образом, создавался отбор худших элементов. К этим худшим элементам присоединились те, которые шли в добровольческую армию потому, что были выброшены на улицу в результате катастрофической ломки всего общественного уклада. Наконец, шли полугнилые остатки старой армии. Вот почему в партизанский период нашей военной организации развились силы, которые вынудили ликвидировать эту партизанщину. В конце концов, получилась система независимости маленьких отрядов, которые группировались вокруг отдельных предводителей. Эти отряды, в конце концов, ставили своей задачей не только борьбу и защиту советской власти против завоевания революции, но и бандитство, мародерство. Они превратились в партизанские отряды, которые были опорой авантюризма..."

"Нынешний период, — продолжал Сокольников, — стоит под знаком государственного строительства, которое ведет пролетариат... Чрезвычайно много горячих прений возникло вокруг вопроса о военных специалистах... Теперь этот вопрос в сущности разрешен теоретически и практически. Даже противники применения военных специалистов утверждают сами, что вопрос этот устарел. Там, где военные специалисты были привлечены, где была проведена реорганизация партизанской армии в армию регулярную, там была достигнута устойчивость фронта, там был достигнут военный успех. Наоборот, там, где военные специалисты не нашли себе применения... там пришли к полному разложению и изчезновению самих армий..."

"В вопросе о военных специалистах, — говорил Сокольников, — мы имеем не чисто военную проблему, а общую специальную

проблему. Когда был поставлен вопрос о привлечении на фабрики инженеров, о привлечении бывших капиталистических организаторов, вы помните, как из рядов красных левых коммунистов была начата жесточайшая "сверхкоммунистическая" критика, которая утверждала, что возвращать инженеров на фабрики нельзя. И вот мы имели аналогию этой критики, перенесенной в область военного строительства. Нам говорят, возвращая в армию бывших офицеров, вы этим самым восстанавливаете бывшее офицерство и бывшую армию. Но эти товарищи забывают, что рядом с этими командирами стоит комиссар, представитель советской власти, что эти военные специалисты находятся в рядах армии, которая целиком поставлена на службу пролетарской революциии... Та армия, которая имеет десятки тысяч старых специалистов на практике показала, что она есть армия пролетарской революции".

Разногласия по военному вопросу к моменту съезда в значительной степени дали уже тот острый характер, какой имели в предыдущий период. Оппозиция уже не ставила вопросы так прямолинейно, как год тому назад, когда централизованная армия объявлялась характерной для империалистического государства и ей противопоставлялась система партизанских отрядов, когда отвергалось использование современных технических средств борьбы: аэропланов, танков и т.д.

Военная оппозиция состояла из двух групп: с одной стороны, в ней были представлены многочисленные подпольные работники, которых изрядно потрепали тюрьмы и ссылка и которые теперь не умели найти себе место в строительстве армии и государства. Они с большим недоброжелательством относились ко всякого рода выскочкам (а в них недостатка не было), занимавшим ответственные посты. С другой стороны, в оппозиции сильно были представлены передовые рабочие, боевые элементы со свежим запасом энергии, но взиравшим с политическим страхом на то, как вчерашние инженеры, офицеры, педагоги, профессора снова занимают командные позиции. В этой рабочей оппозиции отражалось в конечном счете недоверие к своим собственным силам и уверенность в том, что новый класс, ставший у власти, сможет подчинить себе широкие круги старой технической интеллигенции.

Чтобы определить роль Сталина, достаточно сказать, что гнездом в оппозиции был Царицын. На VIII съезде члены царицынской группы представляли ядро оппозиции, в том числе Ворошилов. В период предшествовавший съезду они находились в постоянной связи со Сталиным, который инструктировал их, повидимому, сдерживая их непомерную прыть, но в то же время централизуя интригу против военного ведомства. Этим определялась его роль на У111 съезде, обсуждавшем военный вопрос, где произошел интересный эпизод с выбором президиума.

Петроградская делегация предложила президиум в составе: Ленина, Каменева, Зиновьева, Пятакова и трех других товарищей местного масштаба. Председательствовавший Ленин спросил: "Есть другие предложения?" Это означало, что вопрос согласован с председателем. Раздались голоса, предлагавшие в президиум Бухарина, Оборина, Рыкова, Стасову, Сокольникова, Муралова и Сталина. Первые четыре отказались. Сталин не отказался, Ленин предлагает, "не считаясь с дополнениями, поставить на голосование прежде всего прочитанный список. Голосуют. Большинство — за". "Предложено голосовать сначала, требуется ли дополнение вообще". Другими словами, становится предварительный вопрос по поводу Сталина и Муралова, голосовать ли вообще. "Голосуют. Дополнение отклоняется".

Этот небольшой эпизод очень характерен. Вопрос о составе президиума составлял до известной степени определение физиономии съезда, хотя бы в предварительном порядке. В порядке дня стоял острый военный вопрос. Для Ленина не было тайной, что Сталин за кулисами фактически возглавляет оппозицию по военному вопросу. Ленин сговорился с петроградской делегацией о составе президиума. Оппозиционные элементы выдвинули несколько дополнительных кандидатур, разные группы по разным соображениям; не только оппозиционные группы, ибо выдвинута была кандидатура и Сокольникова. Однако Бухарин, Стасова, Оборин, Рыков и Сокольников отказываются, признавая заключенное неофициальное соглашение о президиуме обязательным для себя. Сталин, не отказываясь, занимает явно оппозиционную позицию. Он как бы пытается проверить число своих сторонников в составе делегатов съезда. Со своей стороны, Ленин пытается избегнуть голосования "за" или "против"

Сталина. Он ставит через одного из делегатов предварительный вопрос, "нужны ли дополнительные члены президиума вообще", и достигает без труда отрицательного ответа на этот вопрос. Сталин терпит поражение, которому Ленин придает как можно менее личную и обидную форму.

По отношению к военной оппозиции Сталин держал себя совершенно так же, как по отношению оппозиции Зиновьева, Каменева в предоктябрьский период или по отношению к примиренцам в 12-13 году. Он не солидаризировался с ними, но он поддерживал их против Ленина и стремился найти в них опору.

Докладчик оппозиции Смирнов уже прямо возражал против утверждения Сокольникова, что "одни будто бы стоят за партизанскую армию, а другие за регулярную". По словам Смирнова, в вопросе о привлечении военных специалистов "никаких разногласий с господствующим течением в нашей военной политике у нас нет". Основной вопрос разногласий свелся к вопросу о необходимости расширения функций комиссаров и членов революционных военных советов в смысле большего их участия в управлении армией и решения оперативных вопросов и тем самым умаления руководящей роли командного состава. Создана была особая примирительная комиссия для выработки общих решений; в комиссию входили и Зиновьев и Сталин, но докладчиком комиссии выдвинут был Ярославский.

Решение съезда были приняты единогласно при одном воздержавшемся. Объясняется это тем, что оппозиция успела отказаться от своих наиболее принципиальных предрассудков. Бессильная противопоставить большинству партии свою линию, она вынуждена была присоединиться к общей резолюции. Тем не менее, пережитки настроения соответствующего периода не были еще полностью ликвидированы в течение всего 1919 года, в особенности на юге, на Украине, на Кавказе и Закавказье, где победа над партизанскими настроениями далась нелегко.

Привлечение старых военных специалистов осталось в практических решениях съезда во всей силе. С другой стороны, подчеркнута была необходимость подготовки нового командного состава, который явился бы надежным рычагом советской системы.

Никто уже не решался принципиально отвергать основы военной политики. Оппозиция перешла к критике отдельных недочетов и преувеличений. Здесь, конечно, открывалось богатое поле для всякого рода печальных анекдотов. Полемизируя против одного из царицынских сторонников Сталина, я писал в январе 1919 г.:

"В одной из наших армий до недавнего времени считалось признаком высшей революционности довольно-таки мелкотравчатое и глуповатое глумление над "военспецами", т.е. над всяким, кто прошел военную школу. Но в частях этой самой армии почти не велось политической работы. К коммунистам-комиссарам, к этим политическим "специалистам", там относились не менее враждебно, чем к военным специалистам. Кто же сеял эту вражду? Худшая часть новых командиров. Военные полузнайки, полупартизаны, полупартийные люди, которые не хотели терпеть рядом с собой ни партийных работников, ни серьезных работников военного дела... Цепко держась за свои посты, они с ненавистью относятся к самому упоминанию о военной науке... Многие из них, запутавшись вконец, кончали прямым восстанием против советской власти".

Принципиальная оппозиция сдавала позиции, теряла сторонников, замирала, питалась мелочами, сплетнями, пересудами. Новые поражения придавали ей на время активности, но только для того, чтобы обнаружить ее несостоятельность: ничего своего она предложить не могла. В книжках и статьях все еще повторяют об изменах "генералов", назначенных Троцким. Эти обвинения звучат особенно несообразно, если вспомнить, что через двадцать лет после переворота Сталин обвинил в измене и истребил почти весь командный состав, им же самим назначенный. Остается еще добавить, что и Сокольников, официальный докладчик, и В.Смирнов, оппозиционный содокладчик, оба активные участники гражданской войны, пали впоследствии жертвами сталинской чистки и что в 1920 г. видный военный работник писал:

"Несмотря на все боли, крик и шум, поднятые по поводу нашей военной политики, по поводу привлечения военных специалистов в Красную армию и т.д., глава военного ведомства т.Троцкий остался прав. Он железной рукой провел намеченную воен-

ную политику, не боясь угроз... победы Красной армии на всех фронтах — лучшее доказательство правильности военной политики".

Во время съезда происходило особое военное совещание, протоколы которого велись, но не были опубликованы. Цель этого совещания состояла в том, чтобы дать возможность всем участникам, особенно недовольным представителям оппозиции, возможность высказаться с полной свободной откровенностью. Ленин на этом совещании произнес энергичную речь в защиту военной политики. Каково было мнение Сталина? Выступал ли он в защиту позиции Центрального Комитета? Трудно ответить на этот вопрос категорически. Что он действовал за кулисами съезда, натравливая оппозицию на военное ведомство, в этом нет никакого сомнения на основании тех обстоятельств и воспоминаний участников съезда. Яркой уликой является тот факт, что протоколы военного совещания VIII съезда не опубликованы до сих пор: потому ли, что Сталин вообще не выступал, или потому, что его тогдашнее выступление является слишком стеснительным для него сейчас. Официальные источники говорят, что Сталин поддерживал на 8-м съезде позицию Ленина в военном совещании. Почему, однако, не опубликованы протоколы теперь, когда необходимость сохранения военных тайн давно исчезла?

На украинской конференции Сталин формально защищал тезисы, выступая докладчиком от имени ЦК; в то же время через доверенных людей он немало поработал над тем, чтобы провалить тезисы. На VIII съезде партии это было труднее, так как вся работа протекала на глазах Ленина, других членов ЦК и ответственных военных работников. Но по существу Сталин и здесь играл совершенно ту же роль, что и на украинском съезде. Как член ЦК, он двусмысленно выступал в защиту официальной военной политики или отмалчивался; но через своих ближайших друзей — Ворошилова, Рухимовича — он вел на съезде подкоп не столько, правда, против военной политики, сколько против ее руководителя. С особенной грубостью он натравливал делегатов на Сокольникова, взявшего на себя защиту политики военного ведомства без оговорок.

О связях Сталина с военной оппозицией можно сделать то зак-

лючение, что все наличные документы, особенно телеграмма Подвойскому в конце августа и письмо Ленину от 3 октября, доказывают полностью, что Сталин по своей позиции в Центральном Комитете и в правительстве в о з г л а в л я л оппозицию. Если я подозревал это раньше, то теперь я полностью убежден, что махинации Сталина с украинцами прямо связаны с движением военной оппозиции. Сталин, конечно, не пожал лавров в Царицыне, он пытался теперь взять реванш.

В момент наибольшего напряжения Красной армии на востоке Декинин, располагавший значительными техническими средствами, имевший хорошую конницу и пользовавшийся поддержкой богатого крестьянства на юго-востоке России, начиная с мая 1919 г., быстро продвигается вперед, спеша соединиться с Колчаком на Волге и взять Москву. Царицын на левом фланге южного фронта был верным стыком для армии, сражавшейся против Колчака и Деникина. Когда Деникин захватил Севск и явно обозначилась опасность Туле и Москве, создан был Московский совет обороны и во главе его был поставлен тот самый Гусев, который считал, что удар на Кубань обеспечивает Москву. Это назначение имело слегка иронический характер.

Командование Южного фронта находилось последовательно в руках Сытина, Егорова, Шорина, Фрунзе. Сталин входил в состав Южного фронта дважды, в два разных периода. В состав Реввоенсовета входили последовательно: Сталин, Ворошилов (в качестве помощника командующего фронтом), Минин, Гусев, Лашевич, Сталин (вторично), Смилга. Ворошилов был назначен помощником комфронта, чтобы освободить от его командования 10-ю армию. Юго-западный фронт был образован в 1919 г. путем отделения от Южного фронта западной группы. Командовал фронтом Егоров. В состав Реввоенсовета фронта входили Раковский и Гусев.

Рассказы о роли Сталина, как защитника Петрограда, основаны, как это ни невероятно, на умышленном анахронизме. Юденич дважды в течение 1919 г. пытался взять бывшую столицу: в мае и в октябре. Первое нападение было основано на внезапности. 14 мая корпус генерала Родзянко прорвал фронт 7-й армии между Нарвой и Гдовом, занял Ямбург и Псков и начал

быстро продвигаться к Петрограду, Гатчине, Луге. 7-я армия, защищавшая Петроград, была крайне ослаблена в пользу более актуальных фронтов: командующие армией, лучшие командиры, комиссары и целые части были переведены на юг. Временный командующий (начальник штаба) вошел в сношения с Юденичем и дал ему возможность завладеть рядом пунктов. Часть командиров 7-й армии, отправившейся на Петроград, организовала заговор в окружающих столицу гарнизонах: Кронштадте, Ораниенбауме, Красной Горке и Красном Селе. Заговорщики были тесно связаны с Юденичем и намеревались занять столицу одновременно с войсками его армии. Заговорщики надеялись на поддержку недовольных матросов и особенно на помощь военного флота. Но матросы двух дредноутов не поддержали восстания, а английский флот держался в стороне.

Несколько морских портов были покинуты слабыми гарнизонами в панике. Но во всяком случае явной и грубой натяжкой являлась попытка связать измены тех или иных полков, формировавшихся под наблюдением партийных организаций, с Костяевым. Способный генерал Костяев не внушал доверия и мне. Он производил впечатление чужого человека. Вацетис, однако, отстаивал его, и Костяев недурно дополнял вспыльчивого и капризного главного командующего. Заместить Костяева было нелегко. Никаких данных против него не было. "Взятый у швейцарцев документ" лишен был, видимо, какого бы то ни было значения, ибо он нигде больше не фигурировал. Что касается Надежного, то ему пришлось через четыре месяца командовать 7-й армией, которая отстояла Петроград. Вина Окулова была в том, что он стремился соблюдать уставы и приказы, не соглашаясь участвовать в интригах против центра. Особо настойчивый тон Сталина объясняется тем, что он чувствовал опору в Совете Восточного фронта, где были недовольны главкомом и переносили это недовольство на меня.

Из Москвы пришлось спешно укреплять 7-ю армию и восстанавливать положение. Зиновьев, руководивший партийной и советской работой в Петрограде, не был создан для таких положений и сам сознавал это. Для организации отпора Юденичу был послан Сталин. Он вполне успешно справился с задачей, которая требовала твердости, решительности и спокойствия. Это первое

наступление было быстро и легко ликвидировано. Что касается заговора, то и это предприятие оказалось авантюрой. 12 июня 1919 г. только одна Красная Горка оказалась в руках заговорщиков. После обстрела Кронштадта Красная Горка была 16 июня занята отрядами красных моряков. И Сталин телеграфирует Ленину:

"Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин".

Помню, по поводу этой похвальбы нарушением существующих законов, декретов, порядка и пр. я как-то сказал Ленину: у нас в армии заводится режим великих князей. В царской армии наряду с военной субординацией существовала неписанная субординация: великие князья, занимавшие те или другие командные или высокие административные посты, игнорировали нередко стоящие над ними власти и вносили в управление армии и флота хаос. Я обратил внимание Ленина на то, что Сталин в качестве члена ЦК заводит в армии режим великих князей.

Ленина коробило от этого тона грубого вызова и хвастовства. Из Петербурга можно было в любой момент снестись с Кремлем и со штабом, заменить плохих или ненадежных командиров, усилить штаб, т.е. сделать то, что каждый из основных военных работников делал много раз на фронте, без нарушения правильных отношений и без подрыва авторитета командования армии и ставки. Сталин не мог поступать так. Он мог чувствовать свое преимущество над другими только унижая их. Он не мог испытать удовлетворения от своей работы, не проявив пренебрежения к тем, кто стояли над ним. Не располагая другими ресурсами, он превращал грубость в ресурсы и демонстрировал свое особое значение пренебрежением к учреждениям и лицам, которые пользовались уважением других. Такова была его сиситема.

Телеграмма кончалась словами: "Срочно вышлите 2 млн. патронов в мое распоряжение для 6 дивизии..."

В этой приписке, обычной для Сталина, целая система. Армия

имела, конечно, своего начальника снабжения. Патронов всегда не хватало, и они посылались по прямому наряду главнокомандующего в зависимости от наличных запасов и относительной важности фронтов и армий. Но Сталин обходил все инстанции и нарушал всякий порядок. Помимо своего начальника снабжения он требует патронов через Ленина, притом не в распоряжение армейского командования, а для отдельной дивизии, которой он, очевидно, хочет показать свое значение.

Первый набег Юденича с ничтожными силами имел эпизодический характер и прошел для партии, поглощенной Восточным и Южным фронтами, почти незамеченным. Положение было восстановлено; и снова все внимание было перенесено на Юг. Тем временем к началу августа белые войска отошли в исходное положение. Но именно отошли. Они не были разгромлены. Юденич продолжал свои формирования. Под прикрытием Эстонии и при самой напряженной помощи Англии он сформировал в течение ближайших четырех месяцев очень серьезную армию, обильно укомплектованную офицерством и прекрасно вооруженную. Корпус превратился в Северо-Западную армию, которая насчитывала около сотни батальонов и эскадронов.

Второй поход начался очень успешно для Юденича, и борьба за Петроград сразу получила глубоко драматический характер. Считая, что нам не справиться со всеми фронтами одновременно, Ленин предложил сдать Петроград. Я восстал. Большинство Политбюро поддержало меня. Когда я был уже в Петрограде, Ленин писал:

"Вчера ночью провели в Совете Обороны и послали вам... постановление Совета Обороны. Как видите, принят ваш план. Но отход питерских рабочих на юг, конечно, не отвергнут. (Вы, говорят, развивали это Красину и Рыкову.) Об этом говорить раньше надобности, значило бы отвлечь внимание от борьбы до конца. Попытка отхода и отрезывания Питера, понятно, вызовет соответственные изменения, которые вы проведете на месте. Поручите по каждому Отделу Губисполкома кому-либо из надежных собрать бумаги и документы советские для подготовки эвакуации. Прилагаю воззвание, порученное мне Советом Обороны. Спешил — вышло плохо, лучше поставьте мою подпись под Вашим. Привет. Ленин".

Это была необходимая уступка Сталину и Зиновьеву. Ничего не оставалось, как примириться с нею.

Борьба за Петроград получила крайне драматический характер. Враг был на виду у столицы, которая была подготовлена к борьбе на улицах и площадях. Когда в советской печати шла речь об обороне Петрограда без дальнейших определений, то имели ввиду всегда этот второй, осенний поход Юденича, а не весенний эпизод. Но осенью 1919 г. Сталин находился на Южном фронте и к обороне Петрограда не имел никакого отношения. Официальные документы этой основной операции против Юденича давно опубликованы. Сейчас оба похода Юденича слиты воедино и оборона Петрограда изображается, как дело рук Сталина.

Об этом первом периоде работы Сталина на Южном фронте не опубликовано никаких материалов. Дело в том, что этот период длился очень недолго и закончился достаточно плачевно. К сожалению, в изложении этого эпизода я не могу опираться ни на какие материалы, ибо он не оставил никаких следов в моем личном архиве. Официальный архив остался, разумеется, в Комиссариате по Военным делам. В Реввоенсовете Южного фронта при командующем Егорове были членами Сталин и Берзин, ушедший впоследствии окончательно в военную работу и игравший видную роль, если не руководящую, в операциях республиканской Испании. Однажды ночью, — относительно даты, к сожалению, ничего сообщить не могу, — Берзин вызвал меня к прямому проводу и поставил мне вопрос, обязан ли он подписать оперативный приказ командующего Южным фронтом Егорова. Согласно порядку, подпись комиссара или политического члена военного совета под оперативным приказом означала лишь, что приказ не заключает в себе никаких задних контрреволюционных мыслей. Что же касается оперативного смысла приказа, то он целиком лежал на ответственности командующего. В данном случае дело шло об исполнении оперативного приказа главного командования. Приказ Егорова являлся только передачей и истолкованием этого приказа в подчиненной ему армии. Сталин заявил, что приказ не годен и что он его не подпишет. Ввиду отказа члена ЦК подписать приказ, Берзин не решался ставить свою подпись. Между тем оперативный приказ за подписью одного командующего не имел действительной силы. Ка-

кие доводы выдвигал Сталин против приказа, имевшего, насколько помню, второстепенное значение, сейчас восстановить не могу. Во всяком случае у Сталина была полная возможность вызвать меня к прямому проводу и изложить мне свои соображения или, если он предпочитал это, вызвать к прямому проводу Ленина. Командующий Южным фронтом, если он был согласен со Сталиным, мог в том же порядке предложить свои соображения главнокомандующему или мне. Возражения Сталина были бы, разумеется, немедленно обсуждены в Политбюро. У главнокомандующего запросили бы дополнительных объяснений. Но, как и в Царицыне, Сталин предпочел другой образ действий. "Не подпишу", — заявил он, чтоб показать все свое значение своим сотрудникам и подчиненным. Я ответил Берзину: приказ главнокомандующего, закрепленный комиссаром, стал бы для вас обязательным. Подпишите немедленно, иначе будете преданы трибуналу. Берзин немедленно дал свою подпись. Вопрос перешел в Политбюро. Ленин сказал не без смущения: "Ничего не поделаешь, Сталин опять пойман с поличным". Решено было отозвать Сталина с Южного фронта. Эта была вторая крупная осечка. Помню, что он приехал смущенный, но не обнаружил обиды, наоборот, говорил, что цель его достигнута, так как он хотел обратить внимание на неправильность отношений между главным командованием или командованием фронта, что приказ главнокомандующего ничего опасного в себе не заключал, но был издан без предварительного запроса мнения Южного фронта, только неправильно, и что именно против этого он, Сталин, протестовал и чувствует себя вполне удовлетворенным. Впечатление было таково, что он зашел дальше, чем хотел, дал себя поймать себе самому в петлю какого-то случайного резкого замечания и не мог отступить назад. Во всяком случае, он явно делал все, чтобы замести следы и сделать бывшее как бы не бывшим.

В вопросах стратегических я всегда предоставлял первое слово главнокомандующему. Первой задачей нового главнокомандующего была выработка плана группировки сил на Южном фронте. Каменев отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно

узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки, не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления.

Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен. Деникин успел передвинуть свою базу с Кубани на Украину. Наступать на казачество, значило насильственно толкать его в сторону Деникина. Главный удар надо было нанести, наоборот, по линии водораздела между Деникиным и казачеством, в полосе, где население целиком против казаков, против Деникина и за нас. Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным Советом и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу.

Вопрос был настолько важен, борьба вокруг плана и вопросов командования приняла столь острый характер, что 4 июля я прибег к крайнему средству: подал в отставку. Чтоб понять группировку в этот момент на верхах партии, нужно напомнить о конфликте между Восточным фронтом и главнокомандующим Вацетисом, косвенно — и со мной.

На Востоке командовал бывший полковник Каменев, членами Революционного Военного Совета были Смилга и Лашевич. Дела на Востоке шли в этот период настолько хорошо, что я туда совсем перестал ездить и даже не знал Каменева в лицо. Окрыленные успехами, Смилга, Лашевич и Гусев носили своего командующего на руках, кажется, пили с ним брудершафт и писали о нем в Москву восторженные отзывы.

Конфликт вокруг стратегии Восточного фронта был конфликтом между главнокомандующим Вацетисом и командующим Восточным фронтом Каменевым. Оба они были полковниками Генерального штаба старой царской армии. Между ними шло не-

сомненное соревнование, в которое втянуты были и комиссары. Коммунисты ставки поддерживали Вацетиса, члены Реввоенсовета Восточного фронта — Смилга, Лашевич, Гусев были целиком на стороне Каменева. Трудно сказать, кто из двух полковников был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов. Восточный фронт был, так сказать, первенцем Красной армии. Он был снабжен всем необходимым в том числе и коммунистами, больше чем какой-либо другой из фронтов. Адмирал Колчак считался в тот период, и вполне основательно, главным врагом. Он доходил до Казани, угрожал Нижнему Новгороду, откуда открывался прямой путь на Москву. Немудрено, если революционная страна собрала, так сказать, сливки в пользу Восточного фронта. Продвижение вперед против Колчака после двух периодов отступления шло теперь с полным успехом. Вацетис считал, что главная опасность теперь на юге, и предлагал задержать армии Восточного фронта в течение зимы на Урале, когда опасности настолько не будет, чтоб передать Южному фронту ряд дивизий. Общая моя позиция изложена была еще ранее в телеграмме первого января. Я стоял за обеспечение непрерывного наступления на Колчака. Однако конкретный вопрос определялся соотношением сил и общей стратегической обстановкой. Если у Колчака за Уралом серьезные резервы, если наше продвижение с непрерывными боями успело значительно истощить Красную армию, то ввязываться в дальнейшие бои за Уралом представляло бы опасность, ибо требовало бы новых пополнений из свежих коммунистов и командиров, а все это необходимо было ныне для Южного фронта.

Надо прибавить, что я успел значительно оторваться от Восточного фронта, как от вполне благополучного, и всеми мыслями жил на Южном фронте. Трудно было судить на расстоянии, насколько наступающие армии Восточного фронта сохранили жизненную энергию, т.е. насколько им по силам дальнейшие продвижения, не только без помощи Центра, но и с жертвами в

пользу Южного фронта, которому нужны были лучшие дивизии.

Я предоставил Вацетису в известном смысле свободу действий, считая, что если со стороны Восточного командования будет отпор и если выяснится, что продвижение на восток возможно без ущерба для Южного фронта, то будет время поправить главнокомандующего решением правительства.

В этих условиях разыгрался конфликт между Вацетисом и Каменевым. Придравшись к ряду уклончивых ответов Восточного фронта, который стремился вести свою собственную линию, Вацетис потребовал смещения Каменева и замену его Самойло, бывшим командующим 6-ой армией. С.С.Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: "Ответ глупый и местами неграмотный".

Когда Главком, с моего принципиального согласия, предложил Восточному фронту задержаться зимою на Урале, чтоб передать несколько дивизий на юг, где положение становилось угрожающим, Каменев, при поддержке Смилги и Лашевича, оказал очень решительное сопротивление. В конце концов, Политбюро решило вопрос в пользу Восточного фронта.

Сталин ухватился за конфликт между Восточным фронтом и главным командованием. К Вацетису, который официально осудил его вмешательство в стратегию, Сталин относился с ненавистью и ждал случая, чтоб отомстить ему. Теперь такой случай представился. Когда Каменев обязался, не приостанавливая наступления на Урале, дать Южному фронту несколько дивизий и сдержал обещание, его авторитет, естественно, повысился за счет авторитета Вацетиса, который продолжал упорствовать, когда его ошибка обнаружилась полностью. Смилга, Лашевич и Гусев предложили, видимо, при содействии Сталина, назначить Каменева главнокомандующим. Успехи Восточного фронта подкупили Ленина и сломили мое сопротивление. Но тут в события врезался эпизод, смысл которого остается не вполне ясным для меня и сейчас: Вацетис оказался арестован по подозрению в измене.

8 июля 1919 г. я получил на Южном фронте в Козлове шифро-

ванную телеграмму о том, что изобличенный в предательстве и сознавшийся офицер дал показания, из которых вытекает, что будто бы Вацетис знал о военном заговоре. "Пришлось подвергнуть аресту главкома", — так заканчивалась телеграмма подписанная Дзержинским, Крестинским, Лениным и его заместителем Склянским. За спиной Дзержинского в этом деле стоял, видимо, Сталин.

Так как Вацетис был вскоре после того освобожден и впоследствии стал профессором военной академии, то, я полагаю, осведомленность его о заговоре была весьма сомнительна. Весьма вероятно, что недовольный смещением с поста главнокомандующего, он вел неосторожные беседы с близкими к нему офицерами. Я никогда не проверял этого эпизода. Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил ему за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий. Я и сейчас не знаю, что тут верно, в какой мере дело действительно шло о "заговоре" и в какой мере Вацетис был посвящен в него.

Таким образом, смена командования осложнилась драматическим эпизодом, который не имел, впрочем, трагических последствий. Вацетиса вскоре освободили. Но отношения в Политбюро напряглись: за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига. Найдя опору в руководителях Восточного фронта, Сталин взял над Революционным Военным Советом реванш.

Наступление на Южном фронте по плану главнокомандующего началось в середине августа. Через полтора месяца, в конце сентября, я писал в Политбюро: "Прямое наступление по линии наибольшего сопротивления оказалось, как и было предсказано, целиком на руку Деникину... В результате полуторамесячных боев... Наше положение на Южном фронте сейчас хуже, чем было в тот момент, когда командование приступало к выполнению своего априорного плана. Было бы ребячеством закрывать на это глаза". Слова "как и было предсказано" ясно говорят о тех трениях, которые предшествовали принятию стратегического плана и имели место в июне и начале июля.

Итак, ошибка плана была для меня настолько несомненна, что когда он был утвержден Политбюро — всеми голосами, в

том числе и голосом Сталина против меня — я подал в отставку. Решение Политбюро по поводу отставки гласило:

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (Большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Кремль

Секретно Копия с копии Москва 5 июля 1919 года №...

Орг. и Полит. Бюро ЦК, рассмотрев заявление т.Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять отставки т.Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии.

Орг. и Полит. Бюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т.Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т.Троцкий. В своих званиях Наркомвоена и Предреввоенсовета т.Троцкий вполне может действовать и как член Реввоенсовета Южфронта с тем Комфронтом (Егорьевым), коего он сам наметил, а ЦК утвердил.

Орг. и Полит. Бюро ЦК предоставляют т.Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии.

Твердо уверенные, что отставка т.Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг. и Полит. Бюро ЦК настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их в виду сосредоточения своей работы на Южфронте.

В виду этого Орг и Полит. Бюро ЦК отклоняет и выход т.Троцкого из Политбюро и оставление им поста Председателя Реввоенсовета Республики (Наркомвоена).

Подлинный подписали:
Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова

С подлинным верно:
Секретарь ЦК Елена Стасова

Я взял отставку назад и немедленно отправился на Южный фронт, где открывавшееся в середине августа наступление скоро приостановилось, не дав результатов. Роковая ошибочность плана стала ясна многим работникам, в том числе и Лашевичу, перешедшему с Восточного фронта на Южный. 6 сентября я телеграфировал с фронта Главкому и ЦК, что "центр тяжести борьбы на южфронте всецело перешел на Курско-Воронежское направление, где резервов нет", и предложил ряд войсковых перегруппировок, означавших в совокупности ликвидацию несостоятельного плана. Под моей телеграммой подписались Серебряков и Лашевич. Но главнокомандующий упорствовал, и Политбюро решительно поддержало его. В тот же день, 6 сентября, я получил ответ.

За два месяца ход военных операций не только опрокинул первоначальный план, но и ясно указал главную операционную линию. Однако за два месяца непрерывных и безрезультатных боев многие дороги оказались разрушены, и сосредоточение резерва представляло неизмеримо большие трудности, чем в июне-июле. Радикальная перегруппировка сил являлась, тем не менее, необходимостью. Я предлагал конный корпус Буденного переправить походным порядком и передвинуть ряд других частей в северовосточном направлении.

Тем временем начатое наступление приостановилось, положение на Кубани, где увязли лучшие войска, продолжало оставаться крайне тяжким, Деникин продвигался на Север. "Для проверки оперативного плана, — писал я в конце сентября, — не лишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на Южном фронте имелось не менее 180.000 штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов. В результате полуторамесячных боев мы имеем жалкое топтание на месте в восточной половине Южного фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство организма — в западной половине. Причину неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане. Мы пошли по линии наибольшего сопротивления, т.е. части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги. Атмосфера "народной"

донской войны оказывает расслабляющее влияние на наши части. В этих условиях деникинские танки, умелое маневрирование и пр. оказываются в его руках колоссальным преимуществом".

Однако теперь дело шло уже не о плане, а о его последствиях, материальных и психологических. Главнокомандующий надеялся, видимо, в соответствии с правилом Наполеона, упорствуя в ошибке, извлечь из нее все возможные выгоды и добиться в конце концов победы. Политбюро, теряя доверие, упорствовало в собственном решении. 21 сентября наши войска покинули Курск. 13 октября Деникин взял Орел, открыв себе дорогу на Тулу, где были сосредоточены важнейшие военные заводы, а дальше уже шла Москва. Я поставил перед Политбюро ребром альтернативу: либо менять оперативный план, либо эвакуировать Тулу, разоряя военную промышленность и открывая дорогу на Москву. Главнокомандующий, меняя по частям старый план, уже сосредоточивал кулак. Но к этому времени упрямство главнокомандующего, которое поддерживало Политбюро, было сломлено.

В середине октября была закончена новая группировка войск для контрудара. Одна группа сосредоточена была к северо-западу от Орла для действия на Курско-Орловскую железную дорогу. Другая группа, к востоку от Воронежа, возглавлялась конным корпусом Буденного. Это и было уже шагом к той группировке, на которой в последний раз настаивал 6 сентября Троцкий, Лашевич и Серебряков.

А вот что пишет Сталинская историография: "В течение сентября и начале октября 1919 г. Деникин достиг значительных успехов на Южном фронте. 13 октября ему удалось овладеть Орлом. Для устранения крайне тяжелого и опасного для республики положения, создавшегося в результате длительных неудач на Южном фронте, ЦК партии направил в Ревсовет фронта т.Сталина. Тов.Сталин выработал новый стратегический план борьбы с Деникиным, который был утвержден Лениным и Центральным Комитетом партии. Осуществление этого плана привело к полному поражению и разгрому Деникина".

В статье "К вопросу о стратегии и тактике коммунистов" Сталин говорит следующее о положении на Южном фронте:

"Основные черты политической стратегии можно было бы обрисовать без особого труда, прибегнув к аналогии с военной стратегией, например, в период гражданской войны, во время борьбы с Деникиным. Все помнят конец 1919, когда Деникин стоял под Тулой. В это время разыгрались интересные споры среди военных по вопросам о том, откуда следовало бы нанести решающий удар по армиям Деникина. Одни военные предлагали избрать основным направлением удара линию Царицын— Новороссийск. Другие, наоборот, предлагали повести решающий удар по линии Воронеж—Ростов, с тем, чтобы, пройдя эту линию и разбив, таким образом, на две части армии Деникина, потом разгромить их поодиночке. Первый план... был с одной стороны, невыгоден, ибо предполагал наше продвижение по районам (Донская область), враждебным Советской власти и требовал, таким образом, крупных жертв; с другой стороны, он был опасен, ибо открывал армиям Деникина дорогу на Москву через Тулу, Серпухов. Второй план основного удара был единственно правилен, ибо он, с одной стороны, предполагал продвижение нашей основной группы по районам (Воронежская губ. — Донбас), сочувствующим Советской власти, и в виду этого не требовал особых жертв, с другой стороны, он расстраивал действия основной группы войск Деникина, шедших на Москву. Большинство военных высказалось за второй план, и этим была определена судьба всей войны с Деникиным".

Этот рассказ как бы служил Сталину лишь случайной иллюстрацией некоторых соображений из области политической тактики. На самом деле иллюстрация не была случайной. Шел 1923 год. Сталин находился в ожидании грозной атаки со стороны Ленина и систематически пытался подкапывать его авторитет. Верхи партии прекрасно знали, что за ошибочный и дорого обошедшийся план высказались не только некоторые "военные" (главнокомандующий), но и большинство Политбюро во главе с Лениным. Так как сам Сталин успел в последний момент отскочить от этого большинства, то ответственность он перелагал на одного Ленина. Однако он предпочитал говорить о разногласиях среди "военных", не касаясь борьбы внутри Политбюро: верхи партии слишком хорошо помнили, что я с июля отстаивал тот план, к которому Сталин примкнул лишь в конце

октября или начале ноября, когда сам главнокомандующий на деле отказался от своего первоначального замысла.

19 ноября 1924 г., через 10 месяцев после смерти Ленина, Сталин сделал первую попытку создать свою собственную версию борьбы на Южном фронте и направить ее против меня. В речи на пленуме фракции ВЦСПС "Троцкизм или ленинизм?" он говорит:

"О Деникине. Дело происходит осенью 1919 г. Наступление на Деникина не удается. "Стальное кольцо" вокруг Мамонтова (рейд Мамонтова) явно проваливается. Деникин берет Курск. Деникин подходит к Орлу. Тов.Троцкий вызывается с южного фронта на заседание ЦК. ЦК признает положение тревожным и постановляет направить на южфронт новых военных работников, отозвав тов.Троцкого. Новые военработники требуют "невмешательства" тов.Троцкого в дела южфронта. Тов.Троцкий отходит от прямого участия в делах южфронта. Операции на южфронте, вплоть до взятия нами Ростова-на-Дону и Одессы, проходят без тов.Троцкого. Пусть попытаются опровергнуть эти факты".

Здесь нет еще и речи о моем ложном стратегическом плане: все сводится к туманным утверждениям насчет новых военных работников, которые потребовали (от кого?) "невмешательства" Троцкого.

На самом деле тринадцать постановлений ЦК от 15 октября были в письменном виде внесены мною и единогласно одобрены, в том числе и Сталиным. В комиссию, которая посылала по моему предложению новых работников на юг, взамен старых, которые слишком устали от поражений, входили: Ленин, Троцкий, Каменев и Крестинский (Сталин не входил). Какие новые работники требовали "невмешательства" Троцкого и от кого именно требовали — Сталин не сообщает. "Троцкий отходит от прямого участия в делах Южного фронта". Эта неопределенная фраза только подчеркивает, что, если были какие-либо закулисные домогательства Сталина, то никакого постановления не было и по характеру отношений в ЦК быть не могло.

Ворошилов в "Сталине и Красной армии" (1929) пишет, что "Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела Южно-

го фронта и не должен переходить за его разграничительные линии. 2) с Южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых т.Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках и 3) на Южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью".

Где? Как? Когда? Кем? Приписывая Сталину заслугу пересмотра ошибочного плана, Ворошилов, однако, еще не решался утверждать в 1929 г., что ошибочный план принадлежал мне. Умалчивая об этом вопросе, он тем обнаруживал, что я был противником плана. Однако и этот пробел заполнен новейшей историографией.

Зинаида Орджоникидзе пишет:

"Реввоенсовет 14-й армии все время держал связь со штабом Южного фронта. Серго лично связался со Сталиным и непосредственно с Москвой, с Лениным. Ленин напряженно следил за подготовкой к наступлению. 15 октября Серго из села Сергиевского в очередном письме писал Ленину:

"Дорогой Владимир Ильич! Сегодня я думал заехать в Москву на несколько часов, но решил, что лучше скорее в армию. Я теперь назначен в Реввоенсовет 14-й армии. Тем не менее решил поделиться с вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь. В 14-й армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В 13-й армии дела не лучше. Вообще, то, что здесь слышишь и видишь, — нечто анекдотическое. Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала?

Это прямо непостижимо. И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграться с целой армией. Но довольно, не буду дальше беспокоить вас. Может быть, и этого не надо было, но не в состоянии заставить себя молчать. Момент в высшей степени ответственный и грозный.

Кончаю, дорогой Владимир Ильич.

Крепко, крепко жму ваши руки.

Ваш Серго"

26 августа 1919 г. официальные "Известия" печатают мое сообщение печати: "С Южного фронта, где я по несколько раз посетил все армии и был во многих дивизиях, я прибыл с глубочайшей уверенностью в несокрушимость Красной армии".

Правда, около 10 октября я покинул Южный фронт и переехал в Петроград. 10 октября должно было начаться наше контрнаступление на Южном фронте. Все было подготовлено. Сосредочение частей для удара заканчивалось, и мое присутствие было гораздо нужнее под Петроградом, которому грозила смертельная опасность. Оглядываясь на три года гражданской войны и просматривая журнал непрерывных своих поездок по фронту, я вижу, что мне почти не пришлось сопровождать победоносную армию, участвовать в наступлении, непосредственно делить с армией ее успехи. Мои поездки не имели праздничного характера. Я выезжал только на неблагополучные участки, когда неприятель прорывал фронт и гнал перед собою наши полки. Я отступал с войсками, но никогда не наступал с ними. Как только разбитые дивизии приводились в порядок и командование давало сигнал к наступлению, я прощался с армией для другого неблагополучного участка или возвращался на несолько дней в Москву, чтоб разрешить накопившиеся вопросы в центре. Так, за три года мне ни разу — буквально — не удалось видеть счастливые лица солдат после победы или вступать с ними в занятые города. Только этим и объясняется, что после радикального перелома на Юге, начавшегося 19 октября, я ни разу не посетил Южного фронта за весь период нашего победоносного наступления.

Все командиры и комиссары Южного фронта требовали перегруппировки войск. В этот момент Сталин обратился к Политбюро с ультиматумом. В записке Ленину, опубликованной в брошюре Ворошилова "Сталин и Красная армия", Сталин писал:

"Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донецкий бассейн, как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылался на "наследство", полученное в результате отступления Южных войск летом, т.е. на стихийно создавшуюся группировку войск Юго-Восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени, к выгоде Деникина... Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменилась в основе: 8 армия (основная на бывшем Южфронте) передвинулась на Донецкий бассейн, конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулась тоже в районе Южфронта, прибавилась новая сила — Латдивизия, — которая через месяц обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу... Что же заставляет Главкома (ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упрямство, если угодно — фракционность, самая тупая и самая опасная для Республики, культивируемая в Главкоме состоящим при нем "стратегическим" петушком /Гусевым/... На днях Главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Нетрудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина. Необходимо изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную нам, наоборот, — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, линию Воро-

неж-Ростов. ...Без этого моя работа на Южфронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южфронте. Ваш Сталин".

Ворошилов комментирует: "В этой оценке направлений сказались основные качества т.Сталина как пролетарского революционера, как настоящего стратега гражданской войны".

Сталин повторяет здесь почти дословно те доводы против июльско-сентябрьского плана, которые развивались мною сперва устно, затем письменно и которые он отвергал вместе с большинством Политбюро. Так как все члены Политбюро прекрасно знают развитие вопроса, то Сталину не может и в голову прийти возлагать на меня ответственность за старый план. Наоборот, он винит главкома и состоящего при нем "стратегического петушка" С.Гусева, на которого он опирался в июле при смене командования.

А.Голубев в журнале "Молодая гвардия", 1932 г., пишет об октябре-ноябре 1919 г.:

"План красного командования перед решительным сражением первоначально заключался в том, чтобы сдержать, а затем и разбить наступающие части Деникина у Орла и Кром. Для этого главный удар по предложению тов.Сталина наносился от Орла через Харьков на Донбасс. Этот удар как нельзя лучше соответствовал тогдашней обстановке. Успех такого наступления отрезал Донскую армию белых от Добровольческой, сбрасывая последнюю в районы Донбасса и Южной Украины, объятые рабоче-крестьянскими восстаниями против Деникина. Для этого 13-й армии 9 октября была передана ударная группа из латышской дивизии, бригад Павлова и Примакова (11.500 штыков и сабель) 10 октября эта группа была введена в дело у г.Кромы, завязав упорный бой с лучшими частями противника..." (с.106).

Советская историография продолжает: "План Сталина был принят Центральным комитетом. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы". Где? Когда? "Тов.Сталину во всем этом принадлежит громадная заслуга".

З.Орджоникидзе в своих воспоминаниях пишет:

"Сталин отправился на Южный фронт. Он категорически отверг старый план разгрома Деникина, выработанный главным командованием во главе с Троцким. План этот предусматривал наступление левым флангом с Царицына на Новороссийск через донские степи и казачьи станицы.

"Этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом", — написал Сталин в записке Ленину.

Взамен плана, уже отмененного жизнью, Сталин выработал план наступления красных через пролетарский Харьков — Донецкий бассейн на Ростов.

Стратегический план великого Сталина обеспечил победу революции".

Телеграмма Сталина пришла в такой момент, когда сам главком ломал свой план, сосредоточивая ударную группу войск не в казачьем тылу Деникина, а над его головой. Политбюро оставалось в сущности лишь задним числом сакционировать замену старого плана новым. Выносилось ли такое постановление или Политбюро просто примирилось с совершившимся фактом, радуясь ему в душе, на основании опубликованного документа, установить нельзя; да это и не имеет большого значения.

Война с Польшей вскрыла как сильные, так и слабые стороны тогдашней Красной армии: революционную верность, беспримерный энтузиазм, величайшую выносливость и наряду с этим недостаточность подготовки, организационную слабость, недостаток в выдержке. Армия наступала безудержно, но и откатывалась без остановки. "Исход польской войны, — писал я в 1928 г., — врезался в сознание армии, особенно ее молодого командного и комиссарского состава, как заноза. Из этой занозы выросло стремление к учебе". Тысячи командиров и комиссаров, которые во время гражданской войны как бы появились из-под земли, внеся в армию мужество и инициативу и нравственный авторитет, после исхода польской кампании серьезно занялись своим военным образованием.

Наша армия в четыре раза более слабая, чем армия поляков, после упорных боев конца апреля отступила и сдала Киев, Житомир и Бердянск. Тогда партия бросила лозунг: "На борьбу с

полькими панами!" Туда движется масса коммунистов, направляются десятки тысяч добровольцев со всех фронтов на западный фронт спешат старые испытанные полки и дивизии. Удар на поляков обрушивается прежде всего с северного участка, затем открывается наше наступление на Украине. Оно приводит к занятию Киева, после чего приходит прорыв укрепленных польских позиций на фронте свыше 100 километров. Наши армии стремительно продвигаются вперед, занимают Минск, Вильно, Молодечно, Бобруйск. Корпус Гая 19 июля под Гродно разбивает крупные силы поляков и, в обход Варшавы, занимает Данцигский коридор. Однако по мере продвижения польская среда становится все более упругой. Сопротивление становится все более значительным. Наш тыл не поспевает за фронтом. Быстрое продвижение наших войск к Висле заставило польское командование напрячь все усилия и сгруппировать при помощи французской военной миссии значительные резервы в районах Варшавы и Люблина. Поляки успевают сформировать новые кавалерийские и пехотные части.

30 апреля я писал в ЦК партии: "Именно потому, что борьба идет не на жизнь, а на смерть, она будет иметь крайне напряженный и суровый характер". Отсюда вытекает необходимость "оценивать войну с Польшей не как частную задачу Западного фронта, а как центральную задачу всей рабоче-крестьянской России". Через печать я 2 мая предупреждал против слишком оптимистических надежд на революцию в Польше: "Что война... з а к о н ч и т с я рабочей революцией в Польше, в этом не может быть никакого сомнения; но в то же время нет никаких оснований полагать, что война начнется с такой революции... Было бы величайшим легкомыслием думать, что победа... дастся нам сама собой".

5 мая в докладе на объединенном заседании всех советских учреждений: "Было бы величайшей ошибкой полагать, что история начнет с того, что откроет перед нами польскую рабочую революцию и тем самым избавит нас от необходимости вооруженной борьбы". И в заключение: "Товарищи, я хотел бы, чтобы главный вывод, который вы из этого собрания вынесете, состоял в том, что борьба, которая нам предстоит, будет тяжелой и напряженной борьбой". Этой идеей проникнуты все прика-

зы и заявления того времени. "В настоящее время Западный фронт является самым важным фронтом республики, — гласит подписанный в Смоленске приказ 9 мая. — Органы снабжения должны быть подготовлены не к легкому и короткому походу, а к длительной упорной борьбе".

Я был против похода на Варшаву, потому что при слабости наших сил и ресурсов он мог закончиться успешно лишь при условии немедленного восстания в самой Польше, а в этом не могло быть уверенности. В своей автобиографии я в общих чертах изложил суть конфликта.

16 августа под стенами Варшавы после короткого и сильного удара Пилсудский переходит в наступление, прорывает наш фронт на севере, оттесняет корпус Гая и Четвертую армию на германскую территорию. Наши войска откатываются на сотни километров назад.

Одной из причин тех чрезвычайных размеров, которые приняла катастрофа под Варшавой, явилось поведение командования Южной группы советских армий с направлением на Львов (Лемберг). Главной политической фигурой в Революционном Военном Совете этой группы был Сталин.

Трения и конфликты между высшими и нижними инстанциями командования заложены, так сказать, в природе вещей: дивизия недовольна армией, армия — фронтом, фронт — ставкой, особенно, если дела идут неблагополучно. Сталин систематически эксплуатировал эти трения и доводил до острых конфликтов. Особенно тяжелые последствия имело его самоуправство именно во время Польской кампании.

К решающему моменту операционная линия Юго-Западного фронта разошлась с операционной линией главного Западного фронта под прямым углом. В то время как фронт Тухачевского приближался к Варшаве, Юго-Западный фронт, в состав которого входил Сталин, двигался на Лемберг. Сталин вел свою собственную войну. Он хотел во что бы то ни стало войти в Львов в то время, как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву. Когда предстоящий контрудар под Варшавой окончательно выяснился, главное командование приказало Егорову, командующему Юго-Западным фронтов, круто переменить направление, чтобы ударить во фланг польских войск под Варшавой и поддержать

Тухачевского с фланга. Но Юго-Западное командование, поощряемое Сталиным, продолжало двигаться на запад: разве не более важно самим завладеть Львовом, чем "другим" взять Варшаву? В течение трех или четырех дней ставка не могла добиться исполнения приказа. Только в результате повторных приказов и угроз Юго-Западное командование переменило направление. Но несколько дней запаздания сыграли роковую роль.

А.Егоров, бывший командующий Юго-Западным фронтом, посвятил особое исследование взаимодействиям фронтов в 1920 г. "Именно в зтой плоскости, — пишет он, — все наши историки обрушились на Юго-Западный фронт. ...С действиями Юго-Западного фронта непосредственно связывается объяснение неудачи Варшавской операции. Обвинения, возводимые в зтом смысле на командование фронтом, сводятся в основном к тому, что Юго-Западный фронт вел совершенно самостоятельную оперативную политику, не считаясь ни с общей обстановкой на всем польском фронте, ни с действиями соседнего Западного фронта, и в решительную минуту не оказал последнему необходимого содействия, причем в толковании некоторых историков зтот момент связывается даже с прямым невыполнением соответствующих деректив главкома, невзирая на то, что предпосылки к этим директивам были командованию Юго-Западным фронтом якобы отлично известны. Такова, в общих чертах, установка во всех трудах, рассматривающих так или иначе вопрос о взаимодействии фронтов в 1920 г., не исключая и вышедших в самое последнее время, хотя казалось бы, что авторы зтих трудов имели возможность пользоваться уже более или менее систематизированными и изученными материалами. Тем не менее, мы находим, например, в серьезном и интересном труде Н.Мовчина "Последовательные операции по опыту Марны и Вислы" (изд.ГИЗ, 1928 г.) прямое указание на "невыполнение Юго-Западным фронтом категорической директивы главкома о направлении 1-й конармии на Замостье-Томашев" (с.74). На основании таких и аналогичных утверждений изучал историю польской кампании и уносил и продолжает уносить с собой соответствующие впечатления в строевые части ряд выпускников нашей военной академии. Короче говоря, легенда о роковой роли Юго-Запфронта в 1920 г. стала "сказкой казарменной" и, по-

видимому, не вызывает уже в настоящее время сомнений, а признается фактом, на котором будущим поколениям операторов и стратегов предлагается учиться. Мы задаемся прямой задачей разоблачить эту легенду и восстановить в свете строго документального освещения все те отдельные факты, совокупность которых позволяет, как нам кажется, взглянуть (под оперативным углом зрения) на общий ход польской кампании несколько иначе, чем это делалось до сих пор".

Нет ничего неожиданного в том, что Егоров, который в качестве командующего Юго-Западным фронтом несет серьезную ответственность за самостоятельную стратегию Сталина, пытался дать менее невыгодное для него истолкование военных событий 1920 г. Подозрение, однако, вызывает уже тот факт, что Егоров предпринял оправдательную попытку только через девять лет после событий, когда "легенда о роковой роли Юго-Западного фронта" успела, по его собственным словам, окончательно утвердиться и даже войти в военные учебники. Объясняется это запоздание тем, что армия и страна, крайне тяжело переживавшие неудачу польского похода, с возмущением отвергли бы всякую фальсификацию виновников неудачи. Приходилось ждать и молчать. Со своей стороны я ни одним словом не напомнил публично об острых разногласиях, предшествовавших походу: мной руководила при этом забота о престиже правительства в целом и стремление не вносить раздора в потрясенную и без того армию. Приходилось ждать установления тоталитарного режима, прежде чем выступать с опровержениями. Осторожный и несамостоятельный Егоров писал несомненно по прямому поручению Сталина, хотя имя это — как ни невероятно — в книге не упоминается.

Напомним, что 1929 г. открывает первый период систематического пересмотра прошлого. Но если Егоров пытается ослабить вину Сталина и свою собственную, то он вовсе еще не пытается переложить вину на другую сторону. Не делает этого и Ворошилов в подписанной им насквозь апологетической статье "Сталин и Красная армия", опубликованной в том же 1929 г. "Только неудача наших войск под Варшавой, — говорит он глухо, — срывает Конную армию, изготовившуюся к атаке Львова и находившуюся в 10 км от него".

Однако на самооправдании дело остановиться никак не могло. В этих вопросах Сталин действует с необходимой постепенностью и в то же время никогда не останавливается на полдороге. Так, наступил момент, когда самостоятельный поход на Львов был объявлен спасительным, а ответственность за крушение фронта можно было возложить на тех, кто помешал спасительному походу на Львов. Советский официальный историк С.Рабинович пишет:

"1-я Конная армия, ввязавшаяся в бои за Львов, не могла непосредственно помочь Западному фронту, но взяв Львов, она оказала бы Западному фронту гораздо большую помощь, ибо это повлекло бы за собой переброску под Львов крупных сил. Несмотря на это, Троцкий категорически потребовал отхода 1-й Конной от Львова и сосредоточения ее в районе Люблина для удара по тылам польских армий, наступавших во фланг войскам Западного фронта". "... Вследствие глубоко ошибочной директивы Троцкого 1-я Конная вынуждена была отказаться от захвата Львова, не имея в то же время возможности отказать в помощи армиям Западного фронта".

Эта возможность была потеряна только потому, что конница Буденного—Ворошилова, в согласии с директивами Егорова—Сталина и вопреки приказаниям главного командования, повернула на Люблин с запозданием на несколько дней.

В 1937 г. в № 2 "Красной Конницы" напечатана статья "Боевой путь первой Конной армии", где автор открыто признает, что Конная армия не только не сумела воспрепятствовать польской армии отойти за реку Буг, но даже "не сорвала контрудара поляков во фланг Красным войскам, наступавшим на Варшаву". Сталин и Ворошилов, увлекшись эфемерной задачей нового занятия Галиции, не желали помочь Тухачевскому в его главной задаче — наступлении на Варшаву. Ворошилов доказывал, что взятие Львова дало бы возможность "нанести сокрушительный удар в тыл белополякам по их ударной группировке".

Совершенно невозможно понять, как можно было бы, после овладения Львовом, на расстоянии 300 километров от главного театра, ударить в "тыл" польской ударной группировке, которая тем временем уже гнала Красную армию на сотни километров от Варшавы на восток. Уже для того, чтоб только попытать-

ся нанести полякам удар "в тыл", нужно было бы первым делом броситься за ними вдогонку, следовательно, прежде всего покинуть Львов. К чему в таком случае было занимать его?

Правда, достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что польские войска, наступавшие от Варшавы, никоим образом "своего тыла" в Львове иметь не могли. Однако Ворошилов, написавший книгу "Сталин и красная армия", очевидно, все же упорно продолжает считать, что Львов находится "в тылу" польских армий, не взирая на то, что последние, оперируя на Висле, наоборот, находились сами "в тылу" Львова. Поэтому, надо думать, Ворошилов, а вместе с ним, вероятно, и Сталин, "в самой резкой форме "протестовали против переброски конной армии из-под Львова на север — к Люблину, на помощь Тухачевскому. "Заметая свои гнусные, пораженческие маневры, предатель Троцкий обдуманно и сознательно добился переброски конной армии на север, якобы на помощь Западному фронту", — негодующе замечает "Красная звезда".

К сожалению, он добился этой переброски слишком поздно, — заметим мы. Если бы Сталин и Ворошилов с безграмотным Буденным не вели "своей собственной войны" в Галиции, и Красная конница была своевременно у Люблина, Красная армия не испытала бы того разгрома, который ее привел к рижскому миру. Действительно, редактор "Красной Конницы" совершил крупную неловкость, напомнив теперь об этом...

Захват Львова, лишенный сам по себе военного значения, мог бы получить смысл лишь в связи с поднятием восстания украинцев (галичан) против польского господства. Но для этого нужно было время. Темпы военной и революционной задач совершенно не совпадали. С того момента, как определилась опасность решающего контрудара под Варшавой, продолжение похода на Львов становилось не только беспредметным, но и преступным. Однако в дело вступилась фронтовая амбиция, опиравшаяся на инерцию безостановочного движения. Сталин, по словам Ворошилова, не останавливался перед нарушением уставов и приказов.

Главным инициатором похода был Ленин. Его поддерживали против меня Зиновьев, Сталин и даже осторожный Каменев. Из членов ЦК на моей стороне был Рыков, тогда еще не входив-

ший в Политбюро. Все секретные документы того времени имеются в распоряжении нынешних хозяев Кремля, и если б в этих документах была хоть одна строка, подтверждающая позднейшие версии, она была бы давно опубликована. Именно голословный характер версий, к тому же столь радикально противоречащих одна другой, показывают, что мы имеем дело все с той же термидорианской мифологией.

В 1930 г. тогдашний официальный историк Н.Попов, позже исчезнувший, писал по поводу польской кампании в работе "К 10-летию Советско-Польской войны 1920 г.", что партия совершила ошибку в наступлении на Варшаву. Правда, наряду с этим, он подвергал критике позицию Троцкого, считая ее ошибочной. Но во всяком случае в Центральном органе партии в 1930 г. официальный историк признавал, что поход на Варшаву был ошибкой Политбюро: "Троцкий и до настоящего времени пытается спекулировать на том, что в свое время он был против варшавского наступления, как мелкобуржуазный революционер, считавший недопустимым внесение в Польшу революции извне. По тем же самым соображениям Троцкий в 1921 г. высказывался против помощи со стороны нашей Красной армии грузинским повстанцам. Партия не послушалась Троцкого в 1921 году, и вместо меньшевистской Грузии мы имеем советскую Грузию. Партия и в 1920 году с такой же решительностью отвергла мелкобуржуазный педантизм Троцкого, когда Красная армия шла к Варшаве. Наша ошибка заключалась не в самом факте похода, а в том, что он был поведен совершенно недостаточными силами".

Весь военный архив находится в руках историков, и им ничего не стоило бы привести документальные доказательства своих утверждений, если б эти доказательства существовали на деле. Но исторические изыскания термидора являются прообразом судебных процессов: о доказательствах нет и речи. Через восемь лет после Попова другой историк той же школы С.Рабинович в своей "Истории гражданской войны" (1935) писал об ошибке Троцкого в определении польской войны, о том, что "основной политической целью войны с нашей стороны является подталкивание, ускорение революции в Польше, привнесение в Европу революции извне, на штыках Красной армии"... иначе победа со-

циализма в России невозможна. "Вот почему Троцкий, в противовес утверждениям Ленина и Сталина, заявлял, что "польский фронт есть фронт жизни и смерти для Советской республики".

Старое обвинение превратилось в свою противоположность. В 1927 г. признавалось, что я был противником похода на Варшаву, но моя правильная позиция компрометировалась неправильным отрицанием внесения социализма на штыках. В 1938 г. было объявлено, что я был сторонником похода на Варшаву, руководствуясь стремлением внести в Польшу социализм на штыках. Оба обвинения неверны.

Таким образом, в несколько этапов Сталин разрешил посвоему задачу: ответственность за неудачный поход на Варшаву он возложил на Троцкого, который, на самом деле, был противником похода; ответственность за крушение Красной армии, предопределенное отсутствием восстания в стране и усугубленное самостоятельной стратегией Сталина, он возложил опять-таки на Троцкого, который предупредил против возможности катастрофы и требовал не увлекаться эфемерными успехами, вроде захвата Львова. Этот метод Сталина: переложить в несколько этапов свою вину на противника, является его основным методом политической борьбы и высшего своего развития достигнет в московских процессах.

На закрытом заседании X съезда Сталин выступил с неожиданным по своей злостности и грубости заявлением в том смысле, что Смилга, член Военного Совета Западного фронта, "обманул ЦК", обещав к определенному сроку взять Варшаву и оказавшись неспособен выполнить обещание. Действия Юго-Западного фронта, т.е. самого Сталина, определялись де "обещанием" Смилги, на которого и падает поэтому ответственность за катастрофу. Съезд с угрюмым недоброжелательством слушал угрюмого оратора с желтоватым отливом глаз; и Сталин своей речью повредил только самому себе. Ни один голос не поддержал его. Я тут же протестовал против этой неожиданной инсинуации: "обещание" Смилги означало лишь то, что он надеялся взять Варшаву, но не устраняло элемента неожиданности, связанной со всякой войной, во всяком случае, оно никому не давало права действовать на основании априорного расчета, а не реального развертывания операции. В прения поспешил вмешаться

встревоженный Ленин в том смысле, что мы никого лично не виним. Попытка взвалить ответственность на Смилгу потерпела явное крушение. Протоколы этих прений никогда не были опубликованы.

Почто-телеграммы того времени показывают, с кем именно мне приходилось изо дня в день сноситься при определении повседневной политики в связи с польской войной: Ленин, Чичерин, Карахан, Крестинский, Каменев, Радек. Из этих шести лиц один Ленин успел умереть своевременно. Чичерин умер под опалой, в полной изоляции; Радек доживает свои дни в заключении; Карахан, Крестинский и Каменев расстреляны.

Нельзя и сейчас перечитывать без волнения эту переписку, где в каждом слове трепещет исключительная эпоха. И нельзя не поразиться тому, что Сталин и в те исключительные годы ни разу не изменял себе в том, что было для него основным.

Исход польской войны врезался огромным фактором в дальнейшую жизнь страны. Рижский мир с Польшей, отрезавший нас от Германии, оказал большое влияние на дальнейшее развитие Советов и Германии. После великих надежд, пробужденных стремительным продвижением на Варшаву, поражение чрезвычайно потрясло партию, пробудило все виды недовольства и нашло, в частности, свое выражение в так называемой профсоюзной дискуссии.

Конец польской кампании позволил нам сосредоточить силы против Врангеля, который весной вылез из перешейка и угрозой занятия Донецкого бассейна ставил Республику в тяжелое положение относительно угля. 19 октября армия Буденного громит Мамонтова под Воронежем, 20-го нашими войсками взят Орел. Армия неприятеля разорвана ударом в центр армией Буденного и отступает без сопротивления с огромными потерями, — восточная часть на белые столицы: Ростов и Новороссийск, западная — на Крымский перешеек. Вмешательство Керзона и союзной эскадры помогли генералу Врангелю, а нам пришлось жестоко раскаяться за упущение момента для его ликвидации.

Красноармейцам приходилось продвигаться в небывало трудных условиях, ведя наступление против войск Врангеля и громя одновременно банды анархистов-махновцев, помогавших Врангелю. Но, несмотря на то что на стороне Врангеля было преиму-

щество техники, несмотря на то, что у Красной армии не было танков, Красная армия загнала Врангеля на Крымский полуостров. Рядом сокрушительных ударов части Врангеля сбиваются с позиций, и Красная армия на их плечах в ноябре 1920 г. рвет укрепления Перекопского и Сивашского перешейков, овладевает укрепленными позициями Перекопа, врывается в Крым, громит войска Врангеля и освобождает Крым от белогвардейцев и интервентов. Крым снова становится советским.

В декабре 1920 года открылась эпоха широкой демобилизации и сокращения численности армии, сжатия и перестройки всего ее аппарата. Этот период длился с января 1921 г. до января 1923 г. Армия и флот сократились за это время с 5.300.000 до 610.000 душ.

Переход на хозяйственные рельсы после гражданской войны был неизбежно связан с духовной демобилизацией. Стремление уйти из партии стало почти всеобщим. Приходилось напоминать, что мы еще окружены со всех сторон капиталистическими врагами, еще ни один из крупных врагов, даже из мелких, не издох.

В докладе командному и политическому составу Московского Военного округа 25 октября 1921 года я сказал: "Все мы чувствуем и сознаем, что внутренняя жизнь нашей страны входит в какую-то новую полосу своего развития, что завтрашний день не будет похож... на вчерашний день. Мы говорим и наши газеты пишут о том, что мы от военного периода перешли к периоду хозяйственного строительства... Мы сейчас от этого идейного бивуака, от этой жизни кое-как, от этой импровизации переходим к некоторой организованной, хозяйственной, идейной оседлости".

В июле 1921 года в Праге вышла книжка "Смена вех". Авторы этой книжки говорят, что наступил период, когда надо сменять вехи, когда нужно ориентироваться на Советскую Россию. Профессор Устрялов, глава этой школы, спрашивал относительно смысла НЭПа: тактика или эволюция? Этот вопрос очень волновал Ленина. Дальнейший ход событий показал, что "тактика", благодаря особому сочетанию исторических условий, стала источником "эволюции". Неизбежное стратегическое отступление революционной партии послужило исходящим пунктом ее перерождения.

Реакция против войны и вместе с тем против тех, которые возглавляли ее, имела безнародный характер. В Англии она направилась против Ллойд-Джорджа и изолировала его политически до конца его жизни. То же самое было во Франции с Клемансо. Разумеется, есть громадная разница в самочувствии народных масс после империалистической войны и гражданской войны. В России рабочие и крестьяне были глубоко проникнуты той мыслью, что дело идет действительно об их нужде и что война есть их война. Удовлетворение победой было очень велико, как и популярность тех, которые содействовали этой войне. Но в то же время была потребность расправиться, чтоб вернуться, наконец, к нормальной жизни, чтобы обеспечить самые простые человеческие потребности. У масс это стремление к миру совсем не направлялось против руководителей гражданской войны: это были как бы две разные сферы. Иное дело государственный и партийный аппарат. Действовало очень много людей, отодвинутых в сторону богом гражданской войны и немало из них были обижены, ущемлены, признаны негодными в эпоху гражданской войны. Всякое ведомство стремилось теперь вернуть себе или отвоевать себе возможно большее влияние за счет военного ведомства. Это проявлялось в области бюджета, распределении коммунистов и не в последнем счете в распределении автомобилей. Многие военные работники не хотели мириться с уменьшением удельного веса военного ведомства в жизни страны, боролись за каждый бюджетный рубль, за каждую единицу в аппарате, за каждый автомобиль. Многие из героев гражданской войны чувствовали себя действительно обиженными, а некоторые были обижены и на деле. В этот период Сталин через свою Рабоче-крестьянскую Инспекцию развил большую деятельность по натравливанию гражданских ведомств на военное. Он подбирал обиженных недовольных военных, как и вообще вытесненных или изгнанных из разных ведомств, чтоб через их посредство скрывать действительные или мнимые слабые стороны в работе разных аппаратов, в особенности военного. В этот момент рабоче-крестьянская инспекция сделала себя в конце концов ненавистной всем и подорвала к себе последнюю тень доверия и уважения.

В военной работе было две стороны: подобрать нужных ра-

ботников, расставить их, установить надзор, извлечь подозрительных, нажать, еще раз нажать, покарать — вся эта работа аппаратного характера была Сталину как нельзя более по плечу, и он справлялся с ней отлично, поскольку его работа не осложнялась какими-либо личными комбинациями. Но в работе была и другая сторона: воодушевить солдат и командиров, пробудить в них их лучшие стороны, внушить им доверие к руководству, — на это Сталин был совершенно не способен. Он был совершенно лишен общения с массой. Нельзя, например, представить его себе выступающим под открытым небом перед полком: для этого у него не было никаких данных. Замечательно, что он, видимо, не пробовал обращаться к солдатам и с письменным словом: по крайней мере, ни одна из таких статей, приказов, воззваний не произведена. Его влияния на фронте было велико, но оно оставалось безличным, бюрократическим и полицейским.

Фронт, несомненно, тянул его к себе. Военный аппарат есть наиболее абсолютный из всех аппаратов. Сидя в штабе, можно было назначать, перемещать, смещать, приказывать, заставлять, миловать и, главное, карать. Потребность во властвовании находила здесь наиболее полное выражение. На возражения и аргументы здесь можно было отвечать безапелляционным приказом. Неспособность непосредственного личного воздействия на массы давала себя знать здесь гораздо менее, чем в событиях революции. В армии массы обезличены и крепко захвачены тисками аппарата: ими можно командовать незримо и независимо от их воли.

Но если фронт привлекал к себе Сталина, то он и отталкивал его. Военный аппарат обеспечивал возможность повелевать; но Сталин не стоял во главе этого аппарата. Сперва он возглавлял лишь одну из двадцати армий; потом стоял во главе одного из пяти или шести фронтов, причем и тут власть ему приходилось делить с командующим и одним или двумя членами Революционного Военного Совета армии или фронта. Уже это разделение власти с другими было невыносимо. Еще труднее было переносить зависимость от высшего командования, которое имело по отношению к Сталину те же права, какие он сам — по отношению к подчиненным ему командирам и комиссарам.

Работа Сталина на фронте насквозь пронизана этим противо-

речием. Он устанавливает суровую дисциплину, твердо держит руку на всех рычагах, не терпит ослушания. В то же время, будучи во главе армии, он систематически побуждал не только к нарушению приказов фронта, но и к полному игнорированию фронтового командования. Стоя во главе Южного или Юго-Западного фронта, он нарушал приказы главного командования.

Конфликты между низшими и высшими инстанциями заложены, так сказать, в природе вещей: армия почти всегда недовольна фронтом, фронт почти всегда будирует против ставки, особенно если дела идут не очень благополучно. Что характеризовало Сталина, это то, что он систематически эксплуатировал эти трения и доводил их до острых конфликтов. Пользуясь своим званием члена грозного большевистского ЦК и своей перепиской с Лениным по прямому проводу, он внушил своим сотрудникам пренебрежительное отношение к вышестоящему командованию. Никогда Ворошилов не решился бы игнорировать распоряжения свыше; другое дело, когда рядом с ним стоял член ЦК, который подбивал его на беззаконие и прикрывал его своим авторитетом. Никогда Егоров, полковник царской армии, не осмелился бы нарушить прямой приказ ставки; прикрытый Сталиным, он с полной готовностью погнался за запретными лаврами, какие сулил захват Львова. Втягивая своих сотрудников в рискованные конфликты, Сталин тесно сплачивал их и ставил в зависимость от себя. Таким путем он достигал ближайшей цели: единоличного господства в армии или на фронте, и подрывал авторитет вышестоящих, в которых он безраздельно видел противников. Соображения об авторитете правительства или командования в целом никогда не останавливали его, раз дело шло о борьбе за его личное положение.

В царские времена законная иерархия командования нарушалась походя великими князьями, которые были одной из язв военного аппарата. Полушутя я говорил Ленину: как бы нам не нажить беды от наших "великих князей", т.е. членов ЦК. Но с другой стороны, обходиться без них было бы совершенно невозможно. Формально член ЦК имел в армии только ту власть, какая принадлежала ему по должности. Но наряду с писаной, существовала неписаная субординация. Каждый член ЦК в армии неизбежно давил на других своим политическим званием; Ста-

лин систематически и сознательно злоупотреблял им. Трудно сказать, многое ли он выигрывал этим.

Дважды его снимали с фронта по прямому постановлению ЦК. Но при новом повороте событий отправляли снова. Авторитета в армии он не приобрел. Сверху возмущались нарушением дисциплины, снизу — грубостью нажима; соседи по фронту опасались связываться с ним. Однако те военные сотрудники, которых он подчинил себе, втянув их в борьбу с центром, остались в дальнейшем тесно связаны с ним. Царицынская группа — Ворошилов, Минин, Рухимович, Щаденко — стала ядром сталинской фракции. В те годы она не играла, правда, никакой политической роли. Но позже, когда подул попутный исторический ветер, царицынцы помогали Сталину устанавливать паруса.

Роль Сталина в гражданской войне лучше всего, пожалуй, измеряется тем фактом, что в конце гражданской войны его авторитет совершенно не вырос. Никому вообще не могло прийти в голову тогда сказать или написать, что Сталин "спас" Южный фронт или сыграл крупную роль на Восточном фронте, или хотя бы удержал от падения Царицын. Во многочисленных документах, воспоминаниях, сборниках, посвященных гражданской войне, имя Сталина либо не упоминается вообще, либо упоминается в перечне других имен. К тому же Польская война наложила на его репутацию, по крайней мере в более осведомленных кругах партии, явное пятно. От участия в кампании против Врангеля он уклонился. Действительно ли по болезни или по другим соображениям — сейчас решить трудно. Во всяком случае из гражданской войны он вышел таким же безвестным и чуждым массам, как и из Октябрьской революции.

С окончанием гражданской войны и введением так называемой "Новой экономической политики" нравы правящего слоя стали меняться более быстрым темпом. В самой бюрократии шло расслоение. Меньшинство по-прежнему жило у власти не многим лучше, чем в годы эмиграции, и не замечало этого. Когда Енукидзе предлагал Ленину какие-нибудь усовершенствования в условиях его личной жизни, Ленин, который жил очень скромно, отделывался одной и той же фразой: "В старых туфлях приятнее".

Не меняла привычного хода жизни моя семья. Бухарин оста-

вался по-прежнему старым студентом. Скромно жил в Ленинграде Зиновьев. Зато быстро приспособлялся к новым нравам Каменев, в котором, рядом с революционером, всегда жил маленький сибарит. Еще быстрее плыл по течению Луначарский, народный комиссар просвещения. Вряд ли и Сталин после Октября значительно изменил условия своей жизни. Но он в тот период почти совсем не входил в поле моего зрения. Да и другие мало присматривались к нему. Только позже, когда он выдвинулся на первое место, мне рассказывали, что в порядке развлечения он, кроме бутылки вина, любил еще на даче резать баранов и стрелять ворон через форточку. Рассказывали даже, что он любил облить керосином муравейник и поджечь. Поручиться за достоверность этих рассказов я не могу. Во всяком случае, в устройстве своего личного быта Сталин в тот период весьма зависел от Енукидзе, который относился к земляку не только без "обожания", но и без симпатии, главным образом из-за его грубости и капризности, т.е. тех черт, которые Ленин счел нужным отметить в своем "Завещании". Низший персонал Кремля, очень ценивший в Енукидзе простоту, приветливость и справедливость, наоборот, крайне недоброжелательно относился к Сталину.

К 1923 году положение начало стабилизироваться. Гражданская война, как и война с Польшей, были в прошлом. Самые ужасные последствия голода были преодолены; НЭП произвел живительное движение в организме народного хозяйства. Переброски коммунистов с одного места на другое, из одной области деятельности в другую стали скорее исключением, чем правилом. Бюрократы получили оседлость и стали более планомерно управлять доверенными им районами или областями хозяйственной и государственной жизни. Распределение членов партии, чиновников, получило более систематический и планомерный характер. Перестали смотреть на назначения как на временное, короткое и почти случайное. Вопрос о назначениях стал больше связываться с вопросом о личной жизни, об условиях жизни семьи, о карьере. Сталин в этот период выступает все больше как организатор, распределитель и воспитатель бюрократии. Он подбирает людей по признаку их враждебности или безразличия по отношению к своим противникам и к тому, кого он считал главным противником, главным препятствием на пути своего

восхождения. Свой собственный административный опыт, главным образом опыт систематической закулисной работы, Сталин обобщает и классифицирует и делает доступным своим ближайшим ставленникам. Он учит их, как организовать свою власть на месте, как подбирать сотрудников, как пользоваться их слабостями, как противопоставлять их друг другу и т.д. Более оседлая и уравновешенная жизнь бюрократии порождает потребность в комфорте. Сталин овладевает этим движением к комфорту, связывая с ним свои собственные виды. Он распределяет наиболее привлекательные выгодные посты. Он определяет размеры выгод, которые бюрократ получает с этих постов. Он подбирает состав контрольных комиссий, внушая им, в одних случаях, необходимость жестокого преследования по адресу инакомыслящих, в другом случае, учит их смотреть сквозь пальцы на непомерно широкий образ жизни верных генеральному секретарю чиновников. Это воспитание можно назвать развращением. Сталин не интересуется далекими преспективами, он не продумывает социальную сущность того процесса, в котором он играет главную роль. Он действует как эмпирик, он подбирает верных людей и награждает их; он помогает им обеспечивать свое привилегированное положение; он требует от них отказа от личных политических целей; он учит их, как создавать себе необходимую власть для влияния в массах и для удержания масс в подчинении. Вряд ли он хоть раз продумывает вопрос о том, что его политика прямо противоположна той борьбе, которая все больше захватывала Ленина в последние годы: борьбе против бюрократизма. Он сам говорит иногда о бюрократизме, но в самых абстрактных и безжизненных терминах. Он имеет в виду невнимание, волокиту, неряшливость канцелярий и пр., но закрывает глаза на формирование целой привилегированной касты, связанной круговой порукой своих интересов и своей все возрастающей отчужденностью от народа. Не подозревая того, Сталин организует новый политический режим. Он подходит к делу только с точки зрения подбора кадров, укрепления аппарата, обеспечения своего личного руководства аппарата, т.е. своей личной властью.* Ему кажется, вероятно, поскольку он вообще интересуется общими вопросами, что утверждение его аппарата придаст твердость государственной власти и обеспечит даль-

нейшее развитие социализма в отдельной стране. Дальше этого его обобщающая мысль не идет. Что кристаллизация нового правящего слоя профессионалов власти, поставленных в привилегированное положение и прикрывающихся идеей социализма перед массами, что формирование этого нового архипривилегированного и архимогущественного правящего класса изменяет социальную ткань государства и в значительной и возрастающей мере социальную ткань общества, от этой мысли Сталин далек, от нее он отмахивается рукой или маузером.

ДОРОГА К ВЛАСТИ

Написанный Бакуниным катехизис революционера представляет собой квинтэссенцию бланкизма с целями анархической революции. "Революционер есть человек обреченный" — эта мысль проникает катехизм, который мог получить столь концентрированную форму в стране без подлинных революционных традиций, без политической культуры, без движения масс, где революционеры были на перечет, лицом к лицу с непосильной задачей, и где они собирались преодолеть непреодолимые трудности при помощи сверхгероизма, сверхдемонической конспирации и предельного самоотвержения. В мрачных почти инфернальных параграфах катехизиса Суварин, вслед за многими другими моралистами, видит ужасающий цинизм; на самом деле тут несравненно больше романтизма и фантастики, которая сама себя хочет убедить в своем реализме. Правда, молодой Нечаев сделал попытку придать бакунинской романтике плоть и кровь, но применявшиеся этим юношей методы террористического материализма были извергнуты революционной средой и слово "нечаевщина" вошло в революционный словарь, как их непримиримое осуждение. Все последующее революционное движение с его неисчислимыми жертвами было бы немыслимо без высокой солидарности и взаимного доверия, взаимной выручки в борьбе, т.е. качеств, которые предполагали высокую революционную мораль. Суварин вслед за некоторыми другими пытается вывести большевистский аморализм из катехизисов Бакунина и практических методов Нечаева. Эту теоретическую попытку нельзя назвать иначе, как исторической клеветой. Русские марксисты готовы были всегда взять и Нечаева под защиту от реакционных филистеров. Что касается осужденных уже в прошлом методов его, то они находились в таком противоречии с потребностями рабочего движения, что самый вопрос о них никогда больше не ставился. Только в советский период

некоторые молодые историки революции пытались установить родство между революционным катехизисом и методами большевизма. В этом сближении можно открыть нечто большее, чем простую историческую аберрацию. По мере того как новая бюрократия обособлялась от масс, она в борьбе за свое самосохранение видела себя все больше вынужденной прибегать к тем методам террористического материализма, которые Бакунин рекомендовал в интересах священной анархии, но от которых он в ужасе отвернулся сам, когда увидел их применение Нечаевым. Если некоторые неосторожные теоретики сталинской школы пытаются через голову большевизма протянуть руку к Нечаеву, то мы и здесь готовы взять тень Нечаева под защиту. Этот неподкупный революционер не принял бы протянутой руки. Методами, которых не может принять массовое движение, Нечаев пытался бороться за освобождение масс, тогда как бюрократия борется за их порабощение. По катехизису Бакунина всякий революционер обречен; по катехизису советской бюрократии обречен всякий, кто борется против ее господства.

Революционный катехизис предписывает отказаться от всякого личного интереса, личного чувства, личной связи, порвать с цивилизованным миром, его законами и условностями. Признавать только одну науку, именно науку разрушения; презирать общественное мнение, ненавидеть установленные нравы и обычаи; быть беспощадным и не ждать пощады к себе, быть готовым умереть, приучиться переносить пытку; задушить в себе всякое чувство родства, дружбы, любви, признательности, чести; не иметь другого удовлетворения, как успех революции; уничтожать все, что препятствует этой цели; ценить товарищей только в зависимости от их пользы для дела, проникать во все круги общества, включая полицию, церковь и двор; эксплуатировать высокопоставленных людей, богатых и влиятельных, подчиняя их себе посредством овладения их секретами, усугублять всеми средствами беды и несчастья, от которых страдает народ, дабы исчерпать его терпение и толкнуть его на восстание. Наконец, соединяться с разбойниками, единственными подлинными революционерами в России.

Суварин, который в катехизисе Бакунина и в методах Нечаева хочет открыть зародыши принципов большевизма, придает

понятию и фигуре "профессионального революционера" огромное значение для понимания аморализма большевиков и их дальнейшего перерождения. Профессионального революционера нужно, однако, сравнивать не с совершенным человеком, вне времени и пространства, а с европейским рабочим-бюрократом (парламентарием, секретарем профсоюза, редактором рабочей газеты). Профессиональный революционер и есть рабочий-бюрократ, только в условиях подполья, нелегальной работы и постоянных преследований. Он так же приспособляется к условиям царизма, как французский социалист к кулуарам парламента. Что касается их морали, то профессиональный революционер во всяком случае должен был быть гораздо глубже проникнут идеей социализма, чтоб идти навстречу лишениям и жертвам, чем парламентский социалист, идея которого открывала заманчивую карьеру. Разумеется, и профессиональный революционер мог руководствоваться, вернее, не мог не руководствоваться личными мотивами, т.е. заботой о добром мнении товарищей, честолюбием, мыслью о грядущих победах. Но такого рода историческое честолюбие, которое почти растворяет в себе личность, во всяком случае выше парламентского карьеризма или тред-юнионистского черствого эгоизма.

Вслед за Дон Левиным Суварин считает революционный катехизис Нечаева основой морали большевиков. Исторический подход подменяется чисто литературным. Бакунин был вдохновителем народнического анархизма. Марксизм вырос в борьбе с этим течением. К этому можно еще прибавить, что методы Нечаева вызвали острую реакцию в самом народничестве.

Суварин открывает главную слабость большевистской партии в том, что она, способная к единодушному действию под руководством гениального вождя, зависела от него полностью, в том числе и от его ошибок, и, следовательно, без него, предоставленная самой себе, неминуемо должна была оказаться несостоятельной. Несмотря на всю свою внешнюю правоту, это рассуждение имеет столь же отвлеченный и безжизненный характер, как и большинство суждений того же автора. Что гениальные люди не рождаются пачками, — несомненно, как и то, что они оказывают исключительное влияние на свою партию и на современников вообще. Такова была судьба Ленина. Средний

уровень большевистской партии был, во всяком случае, не ниже среднего уровня меньшевиков. Если гениальность Ленина выражалась в том, что он прокладывал новые исторические пути, то и люди, которые группировались вокруг него, не могли уступать по своему интеллектуальному и моральному уровню тем, которые топтались в старой колее. Разумеется, каждый большевик не мог заново создавать те формулы и открывать те перспективы, вокруг которых Ленин объединял партию. Авторитет Ленина был, однако, не впитан с молоком матери и не внушен школьными учебниками и церковными проповедями. Каждый большевик от ближайших сотрудников Ленина и до провинциального рабочего должен был на опыте бесчисленных дискуссий, политических событий и действий убеждаться в превосходстве идей и методов Ленина. Вряд ли уместно поэтому говорить об интеллектуальной пассивности. Что партия без Ленина сразу оказалась неизмеримо слабее, чем с Лениным, — бесспорно. Но это вовсе не значит, что партии, созданные или руководимые посредственностями, имеют в этом отношении преимущество. Будем надеяться, что в дальнейшем человечество научится поднимать интеллектуальный уровень всех своих членов до гениальности, но это не причина видеть в отдельных гениях историческое несчастье.

В брошюре "Наши политические задачи", написанной автором этой книги в 1904 году и заключающей в себе резкую критику организационных планов Ленина, имеется, между прочим, следующий прогноз: "Аппарат партии замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат, и, наконец, диктатор замещает Центральный Комитет". Не трудно видеть, что эти строки дают достаточно точное выражение тому процессу перерождения, который большевистская партия претерпела за последние 15 лет. Немудрено, если некоторые историки пытаются воспользоваться этой формулой для доказательства того, что сталинизм был полностью заложен в методах Ленина. На самом деле это не так. Прогноз в моей юношеской брошюре вовсе не отличается той исторической глубиной, какую ему неосновательно приписывают некоторые авторы.

Демократизм и централизм, сведенные к отвлеченным прин-

ципам, могут, подобно законам математики, найти свое применение в самых различных областях. Не трудно чисто логически "предсказать", что ничем не сдерживаемая демократия ведет к анархии или атомизированию, ничем не сдерживаемый централизм — к личной диктатуре. Такие обобщения можной найти не только в брошюре 1904 года, но и несколько раньше, например, у Плутарха и, пожалуй, у Фукидида. Поскольку централист Ленин казался мне чрезмерным, я, естественно, прибег к логическому доведению до абсурда. Но дело шло все же не об абстрактных математических принципах, а о конкретных элементах организации, причем соотношение между этими элементами вовсе не оставалось неподвижным. После периода разброда и местного обособления (1898-1903) стремление к централизации не могло не принимать утрированный и даже карикатурный характер. Сам Ленин говорил, что палку, изогнутую в одну сторону, пришлось перегибать в другую. Его собственная организационная политика вовсе не представляет одной прямой линии. Ему не раз пришлось давать отпор излишнему централизму партии и апеллировать к низам против верхов. В конце концов партия в условиях величайших трудностей, грандиозных сдвигов и потрясений, каковы бы ни были колебания в ту или другую сторону, сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и централизма. Лучшей проверкой этого равновесия явился тот исторический факт, что партия впитала в себя пролетарский авангард, что этот авангард сумел через демократические массовые организации, как профсоюзы, а затем Советы, повести за собой весь класс и даже больше, весь трудящийся народ. Этот великий исторический подвиг был бы невозможен без сочетания самой широкой демократии, которая дает выражение чувствам и мыслям самых широких масс с централизмом, который обеспечивает твердое руководство.

Нарушение этого равновесия явилось не логическим результатом организационных принципов Ленина, а политическим результатом изменившегося соотношения между партией и классом. Партия переродилась социально, став организацией бюрократии. Утрированный централизм явился необходимым средством ее самообороны. Революционный централизм стал бюрократическим централизмом; аппарат, который для разреше-

ния внутренних конфликтов не может и не смеет апеллировать к массе, вынужден искать высшую инстанцию над собой. Так бюрократический централизм неизбежно ведет к личной диктатуре.

В 1898 году, когда партия была формально провозглашена, она заключала в себе по некоторым весьма приблизительным вычислениям не более пятисот членов. Впрочем, самое понятие о членах не отличалось в тот период большой определенностью.

В 1900 году в Мюнхене была основана "Искра". Программное заявление и первая статья были написаны Лениным. Он относился в тот период с величайшим уважением к Плеханову, как и к другим членам группы "Освобождения труда". Тем не менее, ему и в голову не могло прийти просить Плеханова написать руководящую статью. У него было глубокое чувство уверенности, что он сам напишет конкретнее, деловитее, т.е. в большем соответствии с потребностями движения.

Уже в "Искре" Плеханов писал, что в мировом социалистическом движении пробиваются две различные тенденции и кто знает, — спрашивал он, — может быть, революционная борьба XX века приведет к разрыву между социал-демократической горой и социал-демократической жирондой.

На Втором съезде Плеханов выдвинул ряд якобинских положений, которые потрясли чистых демократов. "Благо революции — высший закон", — говорил он. Он допускал возможность такой обстановки, когда пролетариат окажется вынужден ограничить избирательные права имущих классов. Он предвидел возможность того, что пролетариату в революционную эпоху придется разогнать представительное собрание, избранное на основе всеобщего голосования. Наконец, он не отказывался в принципе от смертной казни, считая, что она может понадобиться против царя и его сановников.

Поразительно, что этот человек, дававший такие законченные якобинские прогнозы, оказался сам, когда пришли события, на правом фланге жиронды. Разгадка в том, что революционной теории его мысли не соответствовала революционная воля.

В руках Ленина в начале нынешнего столетия сосредоточилась фактически руководящая организационная работа. Его переписка с Россией, которую он вел то лично, то через посредство Крупской, составляла исключительно важную часть его работы.

Именно в этот период происходит отбор молодых марксистов, превращающихся в профессиональных революционеров. Из них складывается постепенно централизованный нелегальный аппарат, нити от которого протягиваются за границу и сосредоточиваются в руках Ленина. В поле его зрения попадают неизбежно все сколько-нибудь выдающиеся социал-демократы, те работники не местного только, а общегосударственного значения. Ленин переписывается с одними из них лично, других упоминает в своих письмах в третьем лице, некоторых называет в своих статьях, разумеется, под псевдонимами. С этой точки зрения, список революционеров, названных в статьях и письмах Ленина в период первой революции, представляет исключительный интерес. Списки этих лиц вместе с их краткими биографиями даны в приложении к каждому тому сочинений Ленина. В 1903 году мы насчитываем всего четыре-пять таких имен. В 1903-1904 — уже около сорока. Около 60-ти в 1904-1905 году. Затем число революционеров начинает уменьшаться, новых лиц почти нет, зато некоторые имена повторяются все чаще. Это значит, что сложился известный кадр центральных работников, который продолжает держаться в нелегальной организации и после снижения революционной волны. Таким образом, список корреспондентов Ленина вместе с лицами, о которых идет речь в самих корреспонденциях, чрезвычайно поучителен с точки зрения развития революции, большевистской партии, роли самого Ленина в ней, как и роли отдельных лиц, которые войдут затем в историю под именем старых большевиков.

Первая группа, на которую опирается Ленин, состоит из его сверстников, т.е. людей, родившихся около 1870 года. Самым молодым из них является родившийся в 1873 году Мартов, будущий вождь меньшевизма. До 1903 года переписка охватывает преимущественно людей этого поколения (Красиков, Лепешинский, Мещеряков и др.). С 1903 года круг профессиональных революционеров расширяется десятками лиц, родившихся около 1880 года, т.е. ровесников Сталина. Более молодым из них является Каменев, родившийся в 1883 году. Большинство этих лиц участвовали в революционном движении и раньше, некоторые — с конца предшествующего столетия. Но понадобилась волна студенческого движения, рабочих стачек и уличных мани-

фестаций, наконец, годы тюрьмы и ссылки, чтобы превратить чисто местных работников в революционных деятелей национального масштаба.

Особенно могущественный толчок дал в этом направлении 1905 год, когда революционное движение окончательно вышло из подполья и даже протягивало руку к власти. Агитаторы, которые до того отдавали свое время кружкам в десяток—два десятка человек, получили сразу возможность говорить перед тысячами. Авторы прокламаций, печатавшихся на подпольных станках, стали редакторами больших ежедневных газет. Во главе Советов стали революционеры, только накануне вышедшие из тюрьмы, или вернувшиеся из ссылки. Нелегальные клички стали достоянием всей печати, политические репутации создавались в течение нескольких недель. На этой волне поднялось немало случайных фигур, рыцарей на час и даже проходимцев, которые вскоре затем повернули спину рабочему классу. Однако в то же время все сколько-нибудь одаренные представители подполья, агитаторы, журналисты или организаторы, успели в большей или меньшей мере показать свой рост в бурные месяцы 1905 года.

Замечательное дело, что за весь этот период мы ни разу не встречали в переписке и статьях Ленина упоминания о Сталине. Он еще совершенно не входит в поле зрения центральной группы революционных деятелей. Между тем, все остальные члены будущего Политбюро 1917-1926 гг. вступают в этот период в связь с Лениным и между собой.

Если оставить в стороне Богданова и Луначарского, принадлежавших к тому же поколению, что и Ленин, и не игравших в дальнейшем роли, ближайшими сотрудниками Ленина в эпоху первой революции становятся Зиновьев и Каменев, из которых первый моложе Сталина на два года, а второй — почти на четыре.

Мое сотрудничество с Лениным начинается в 1902 году, чтобы через год превратиться во фракционную борьбу. Рыков впервые появляется на арене большевистского Третьего съезда в 1905 году и, как видно из протоколов, проявляет полную независимость по отношению к Ленину.

В 1907 году на трибуне лондонского съезда обращает на себя внимание молодой рабочий М.Томский, родившийся в 1880 го-

ду. В 1908 году Ленин цитирует в центральном органе партии корреспонденцию Томского из Петербурга, причем стремится отметить в своей статье, что Томский всецело прав, тысячу раз прав, "по меткому выражению Томского" и проч.

Представителями Кавказа на Втором съезде партии (1903) были Кнунианц и Зурабов. Что они были не случайными представителями, показала их дальнейшая судьба. Кнунианц был руководителем большевиков в первом Петербургском Совете рабочих депутатов, Зурабов стал меньшевистским депутатом Второй Думы.

О Сталине за весь этот период за пределами Кавказа или, вернее, нескольких мест на Кавказе никто ничего не знает. Правда, и он появляется на Лондонском съезде 1907 года с сомнительным и непризнанным съездом мандатом. Но, в отличие от Томского, Сталин за время съезда не произносит ни слова и, в отличие от Зиновьева, который на этом съезде избирается в Центральный Комитет, Сталин покидает съезд с такой же неизвестностью, как и прибыл на него. Впервые имя Сталина упомянуто Лениным в марте 1910 года в подстрочной ссылке на корреспонденцию из Кавказа в центральном органе партии.

Разумеется, одной этой хронологии совершенно недостаточно для определения удельного веса будущих вождей Октябрьской революции. Но эта хронология далеко не безразлична для характеристики путей развития каждого из них. Начавшиеся около десяти лет тому назад попытки изобразить Сталина, как одного из наиболее выдающихся вождей революционного движения, начиная с конца прошлого столетия, не находят ни малейшей опоры в фактах. Политическое развитие Сталина имело крайне медленный характер. В нем во всяком случае не было тех черт "вундеркинда", которыми хотят его наделить некоторые биографы. В то время, как Зиновьев вошел в Центральный Комитет 26-ти лет, а Рыков на два года раньше, когда ему не было еще 24-х лет, Сталину было 33 года, когда его впервые кооптировали в руководящее учреждение партии.

Муссолини и Гитлер каждый были инициаторами движения, исключительными агитаторами, трибунами. Их политическое возвышение, как фантастично оно ни казалось само по себе,

совершалось на глазах у всех, в неразрывной связи с ростом движения, которое они возглавляли с первых его шагов. Совершенно иной, ни с чем в прошлом не сравнимый характер имело возвышение Сталина. У него как будто нет предыстории. Процесс восхождения совершался где-то за непроницаемыми политическими кулисами. Серая фигура неожиданно отделилась в известный момент от кремлевской стены — и мир впервые узнал Сталина, как готового диктатора. Тем острее тот интерес, с каким мыслящее человечество присматривается к Сталину вот уж десять лет. В особенностях его личности оно ищет ключ к пониманию его судьбы.

Нынешние официальные приравнивания Сталина к Ленину — просто непристойность. Если исходить из размеров личности, то нельзя поставить Сталина на одну доску даже с Муссолини или Гитлером. Как ни скудны "идеи" фашизма, но оба победоносных вождя реакции, итальянской и германской, начинали сначала, проявляли инициативу, поднимали на ноги массы, пролагали новые пути. Ничего этого нельзя сказать о Сталине. Большевистскую партию создал Ленин. Сталин вырос из ее аппарата и неотделим от него. К массам, к событиям, к истории у него нет другого подхода, как через аппарат. Только после того, как обострение социальных противоречий на основе НЭПа, позволило бюрократии подняться над обществом, Сталин стал подниматься над партией. В первый период он сам был застигнут врасплох собственным подъемом. Он ступал неуверенно, озираясь по сторонам, всегда готовый к отступлению. Но его в качестве противовеса мне поддерживали и подталкивали Зиновьев и Каменев, отчасти Рыков, Бухарин, Томский. Никто из них не думал тогда, что Сталин перерастет через их головы. В период "тройки" Зиновьев относился к Сталину осторожно-покровительственно. Каменев — слегка иронически. Помню, Сталин в прениях ЦК употребил однажды слово "ригористический" совсем не по назначению (с ним это случается нередко!); Каменев оглянулся на меня лукавым взглядом, как бы говоря: "Ничего не поделаешь, надо брать его таким, каков он есть". Бухарин считал что "Коба" (старая подпольная кличка Сталина) — человек с характером (о самом Бухарине Ленин публично говорил: "мягче воска"), и что "нам такие нужны, а если он невежествен

и малокультурен, то "мы" ему поможем. На этой идее основан был блок Сталина-Бухарина после распада тройки. Так все условия, и социальные и персональные, содействовали подъему Сталина.

По поводу своего обращения в социализм Сталин говорил: "Я стал марксистом благодаря, так сказать, моей социальной позиции — мой отец был рабочий в обувной фабрике, моя мать также была работницей, — но так же и потому, что я слышал голос возмущения в среде, которая меня окружала, на социальном уровне моих родителей, наконец, вследствие резкой нетерпимости и иезуитской дисциплины, господствовавших в православной семинарии, где я провел несколько лет... Вся моя атмосфера была насыщена ненавистью против царского гнета, и я от всего сердца бросился в революционную борьбу".

Казалось бы, вопрос о том, был ли Джугашвили-отец пролетарием или ремесленником, вряд ли может повлиять на историческую репутацию сына. Маркс вышел из буржуазной среды, Энгельс был фабрикантом, Ленин принадлежал к бюрократической семье. Социальное происхождение может представить значительный биографический интерес, но ничего не прибавляет и не убавляет в значении исторического деятеля. Однако это верно лишь в тех случаях, когда само это значение бесспорно, т.е. когда оно вытекает из исключительных неоспоримых качеств самой личности. Наполеону I не нужны были предки. Наоборот, Наполеон III был жизненно заинтересован в фамильном сходстве со своим мнимым дядей. Биография Сталина строится такими же бюрократическими приемами, как его политическая карьера.

Во всяком случае, привлекать для объяснения жизненного пути сына характеристику отца как фабричного рабочего, значит, вводить в заблуждение. Пролетарское родословие могло бы действительно представить интерес, если бы дело шло о крупной промышленности и современном пролетариате, объединенном опытом классовой борьбы. Ни о чем подобном не было в данном случае и речи. Семья Джугашвили стояла на грани захолустного ремесла и пауперизма. Своими корнями она уходила в крестьянское средневековье. Она продолжала жить в атмосфере традиционной нужды и традиционных суеверий. Вступление на

революционный путь означало для сына не продолжение семейной традиции, а разрыв с нею. Однако и после разрыва эта отвергнутая традиция продолжала жить в нервах и в сознании в виде примитивных культурных навыков, грубости ощущений, узости горизонта. В частности, пренебрежительное отношение к женщине и деспотическое — к детям наложило на Иосифа отпечаток на всю жизнь.

Ретроспективный взгляд на детство Иосифа Джугашвили способно бросить детство Якова Джугашвили, протекавшее в Кремле на глазах моей семьи. Двенадцатилетний Яша походил на отца, каким его представляют ранние снимки, не восходящие, впрочем, раньше 23-х лет; только у сына в лице было, пожалуй, больше мягкости, унаследованной от матери, первой жены Сталина. Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных лет, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили. Яша вынужден был иногда ночевать на площадке лестницы, так как отец не впускал его в дом. С горящими глазами, с серым отливом на щеках, с сильным запахом табака на губах Яша искал нередко убежища в нашей кремлевской квартире. "Мой папа самашедший", — говорил он с резким грузинским акцентом. Мне думается сейчас, что эти сцены воспроизводили, с неизбежными отличиями места и времени, те эпизоды, которые разыгрывались тридцатью пятью годами раньше в Гори, в домике сапожника Виссариона.

Во время пребывания Сталина в тюрьме его друг Аллилуев переехал из Тифлиса в Баку, где работал в качестве машиниста. Аллилуев женился на грузинке. В сентябре 1902 года она родила дочку, которую назвали Надеждой. Сталину в это время было 22 года. После революции Надежда Аллилуева станет женой Сталина. От Аллилуевой у Сталина было двое детей: в 1932 году сыну Василию было 8 лет, дочери Светлане 5 лет.

У Сталина есть еще, кажется, дочь, от какой именно жены, не знаю, во всяком случае не от Аллилуевой, эта дочь замужем за чешским коммунистом Шмералем.

Рассказ о том, будто Иосиф преднамеренно выдал всех участников семинарского кружка, является несомненной клеветой. По словам Иремашвили, Коба посещал бывших членов кружка семинарии, доставляя им нелегальную литературу. Это было бы совершенно невозможно, если бы их исключили по его доносу. Но несомненным фактом являются две записки, выброшенные Кобой из окна батумской тюрьмы с расчетом, что кто-либо из посетителей поднимет и передаст по назначению.

По словам Иремашвили, через несколько дней после 1 мая 1902 года (на самом деле после Батумской манифестации) к к нему ночью явились двое батумских рабочих с запиской от Кобы, в которой заключалась та же просьба: показать в качестве свидетеля, что Коба в дни батумской манифестации находился в Гори. Из этого приходится заключить, что, помимо перехваченной записки, Коба написал другую, дошедшую по назначению.

Цель записки была уменьшить опасность для себя. Но записка представляла опасность для Иремашвили и для Елисабедашвили. По всем обстоятельствам было больше шансов, что записка попадет в руки тюремных надзирателей. Риск был слишком велик. Но Иосиф не остановился перед риском за счет другого. Иремашвили и Елисабедашвили подверглись обыску, о причинах которого тогда вряд ли догадывались.

Из Сольвычегодска он пишет явно компрометирующее письмо в Москву, без всякой практической надобности, единственно повинуясь толчку тщеславия. И здесь он рискует безопасностью других. Письмо, как и должно было опасаться, попадает в руки жандармов. Ни в одном из этих двух случаев не было, разумеется, желания подвести товарищей под удар. Но нельзя говорить также и о случайной ошибке. Нельзя ссылаться на легкомыслие молодости. Коба не был легкомыслен. Осторожность составляла важнейшую черту его характера. Во втором случае он был уже опытным революционером. В обоих случаях бросается в глаза эгоизм, безразличие к судьбе других. Обращает на себя внимание, что в обоих случаях Иосиф до некоторой степени рисковал своей репутацией революционера. Можно уже сейчас с тревогой спросить себя: на какие действия окажется способен этот молодой человек, когда обстоятельства оградят его от риска?

Генри Барбюс после сентиментальной биографии Иисуса Христа написал официальную биографию Сталина. Автор не давал себе труда изучать хотя бы наиболее доступные источники. Он ограничился беглой литературной обработкой фактов и цитат, которые были сообщены ему в Кремле и в некоторых других местах во время его посещения СССР. С точки зрения научной, книжка не имеет никакой цены. Но если она неспособна показать Сталина таким, каким он был и стал, то зато она нередко ясно показывает нам Сталина таким, каким он хочет казаться.

"Его портрет — скульптура, рисунок, фотография — повсюду на советском континенте, как портрет Ленина и рядом с портретом Ленина. Нет угла в предприятии, казарме, канцелярии, на оконной выставке, где он не выделялся бы на красном фоне... Невозможно найти комнат рабочих или интеллигентов, где не было бы изображения Сталина".

"Принципиальная политика единственно правильная", — повторял Сталин вслед за Лениным.

"Великая пружина для двигания общественного прогресса — это вера в массу".

Барбюс и здесь только повторяет то, что ему предложено было повторить. Несокрушимую верность принципам и веру в массу Ленин действительно пронес через всю свою жизнь, несмотря на маневренную гибкость своей политики. В этих обоих отношениях Сталин составляет прямую противоположность Ленину, его отрицание и, если позволено сказать, его поругание. Принципы никогда не были для него ничем иным, кроме прикрытия. Никогда в течение своей жизни он не имел общения с действительными массами, т.е. не с десятками, а с сотнями тысяч миллионов. У него не было органов и ресурсов для такого общения, и из его неспособности "объясняться с массами" и непосредственно влиять на них, вырос его страх перед массами, а затем и вражда к ним. Весь дальнейший тоталитарный режим вырос из страха бюрократии перед массами.

Барбюс продолжает: "Он зарабатывает в месяц несколько сот рублей, которые составляют скромный максимум чиновника в коммунистической партии (у нас это составляло бы нечто вроде полутора или двух тысяч франков)". Здесь показание Барбю-

са является заведомой ложью. Как и у всех высших сановников, существование Сталина обеспечено не несколькими рублями, которые он получает, а теми материальными условиями, которые ему обеспечивает государственный аппарат: автомобили, дачи, секретари и дары природы со всех концов Советского союза. Одни подарки, перечисляемые "Правдой", во много десятков раз превосходят ту сумму, которую называет слишком усердный Барбюс.

Крайне интересны те авторитеты, на которых опирается Барбюс, чтобы дать портрет молодого Сталина. Это прежде всего "Енукидзе, один из первых борцов революционного дела на Кавказе и в настоящее время важный руководитель". Следующим источником является Орахелашвили, который характеризует убедительность пропаганды. "Он умел говорить на языке своей аудитории". Как? Образами, живыми примерами? Орахелашвили тоже будет расстрелян, вслед за Енукидзе.

О работе Сталина в Батуми Барбюсу рассказывал Лакоба, как о "новой странице великой биографии". Лакоба будет расстрелян еще до Енукидзе. Почти все авторитеты, на которых опирается Барбюс: Бубнов, Шумяцкий, Бела Кун и другие — были в дальнейшем либо расстреляны, либо подготовляются к расстрелу. Немудрено: о молодых годах Сталина могли говорить только старые большевики. Между тем именно они, эти соратники Сталина с молодых лет, составляли, как оказалось, сплоченную фалангу изменников и врагов народа. Их восторженные отзывы о Сталине делались ими в тот период, когда над ними уже нависала зловещая судьба.

Еще один источник — книга Берия. История возникновения исследования Берия приблизительно такова. О работе Сталина в молодые годы не имелось никаких публичных источников, несмотря на то, что установить его орбиту по данным партийных и полицейских архивов не представляло бы никакого труда. Вопрос осложнялся тем, что во всех исследованиях и воспоминаниях, посвященных началу нынешнего столетия, имя Сталина совершенно не встречалось. Это обстоятельство вызывало естественно толки и недоумения. Суварин подчеркивает то обстоятельство, что в монографии старого большевика Филиппа Махарадзе о революционной работе на Кавказе имя Сталина упоми-

нается лишь один раз в простом перечне без всяких индивидуальных примеров. Между тем работа Махарадзе появилась уже в 1927 году. Опубликование книги Суварина делало невозможным дальнейшее молчание. Берия было поручено сделать все, что можно, и он начал свое исследование с того, что объявил исторические работы Махарадзе ''недобросовестными''. Одновременно с этим Суварин был включен в список врагов народа и имя его как агента Гестапо было названо в процессе Бухарина-Рыкова.

Разработка истории партии и революции составляет задачу тяжеловесной системы учреждений в Москве, в национальных республиках и в отдельных городах. Целый ряд журналов опубликовал чрезвычайно обильные материалы, часть из которых окажется незаменимой для будущих историков и биографов. Однако работа над историей партии имеет свою собственную политическую историю. В грубых чертах ее можно разбить на три периода. До 1923 года воспоминания, отдельные исследования, подбор материалов отличаются достаточной добросовестностью и достоверностью. У авторов не было ни основания, ни побудительных причин изобретать или обманывать. Из самого текста воспоминаний тех первых годов видна полная свобода от предвзятости и отсутствие всяких личных подчеркиваний и славословий. Вместе с тем, работы этого периода отличаются наибольшей конкретностью и богатым фактическим материалом. Дело идет о действительных человеческих документах.

Второй период открывается со времени болезни и смерти Ленина. ''Тройка'' еще не имеет полного контроля прессы в своих руках, но уже способна оказывать давление на редакторов и авторов. Новые воспоминания и поправки к старым воспоминаниям приобретают все более тенденциозный характер. Политической целью является возвеличение ''старой большевистской гвардии'', т.е. тех ее членов, которых поддерживает тройка.

После разрыва Сталина с Зиновьевым и Каменевым открывается новый, наиболее радикальный, пересмотр партийного прошлого, который через несколько последовательных этапов вступает в стадию прямого обожествления Сталина. Чем дальше от событий, чем более преднамеренный характер получают позднейшие воспоминания, тем меньше в них фактического содер-

жания. Они превращаются в голословные рассуждения на заданную тему и своей сознательной неопределенностью и бессодержательностью напоминают покаяния подсудимых московских театральных судов. Все вместе придает официальной советской историографии характер очень сложный. С этого текста надо смыть или соскоблить, по крайней мере, два-три слоя позднейших византийских начертаний.

В очерках и воспоминаниях о работе на Кавказе в начале нынешнего столетия недостатка нет, как в лагере меньшевиков, так и у большевиков (Махарадзе, Аркомед, Енукидзе, Аллилуев и др).

Ни в каких мемуарах или исследованиях, писанных до 1924, пожалуй, даже до 1926 года, мы не найдем каких-либо следов или отголосков руководящей роли Сталина. Его имя либо вовсе не упоминается, либо называется в ряду с другими именами, среди членов комитета, или среди арестованных. Официальные исторические очерки, включая объемистые учебники по истории партии, решительно ничего не говорят об особой роли Сталина на Кавказе. Даже после того, как в руках генерального секретаря сосредоточивается власть, фигура его не сразу начинает отбрасывать тень прошлого, традиции партии еще слишком живы в старшем поколении. Старые большевики еще на свободе и сохраняют относительную независимость. Даже заведомые пройдохи не смеют еще открыто торговать ложью из страха стать объектом посмешища и презрения.

В биографической литературе мы видим упорное стремление отодвинуть деятельность Сталина назад. Мы наблюдали это по отношению к первому периоду, когда он был превращаем в руководителя организаций Кавказа в тот период, когда он был лишь скромным учеником, скромным по знаниям и влиянию, хотя и не по амбиции. Мы видим систематические попытки провозгласить его членом Центрального Комитета за несколько лет до того, как он им стал. Его пытаются изобразить влиятельной фигурой в годы первой революции. Ему приписывают почти решающую роль в период второй революции. И неправильно объяснять такие попытки одним только византийским сервилизмом биографов. В биографиях явно враждебного характера (а в них нет недостка) роль Сталина до 1923 г. подвергается

почти такому же чудовищному преувеличению, хотя и со знаком минус. Мы наблюдаем здесь тот интересный оптико-психологический феномен, когда человек начинает отбрасывать от себя тень в свое собственное прошлое. Людям, лишенным исторически воспитанного воображения, трудно представить себе, что человек со столь ординарным и серым прошлым мог вдруг подняться на такую высоту.

Прошлая биография Сталина, как она ни скудна, оказалась чрезвычайно подходящей для требований той новой роли, которую ему пришлось сыграть. Он был несомненно старым большевиком, следовательно, был связан с историей партии и ее традициями. Его политика, поэтому, легко могла представиться продолжением и развитием старой политики большевистской партии. Он был как нельзя лучшим прикрытием для термидорианской реакции. Но если он был старым большевиком, то прошлая его деятельность оставалась фактически неизвестной не только народным массам, но и партии. Никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже до 23-24-го годов.

В конце 1925 года Сталин говорит еще о вождях в третьем лице и восстанавливает против них партию. Он вызывает аплодисменты среднего слоя бюрократии, что отказывает вождям в поклонах. В это время он уже был диктатором. Он был диктатором, но не чувствовал себя вождем, никто его вождем не признавал. Он был диктатором не силою своей личности, а силою аппарата, который порвал со старыми вождями.

Так как никто не знал его прошлого, кроме небольшого числа лиц, никто не мог сопоставлять настоящее с прошлым. Широкие массы, наоборот, склонны были прошлое выводить из настоящего. Это дало возможность Сталину при помощи аппарата составлять себе биографию, которая отвечала бы потребностям его новой исторической роли.

Его эмпиризм, несклонность и неспособность к широким обобщениям, облегчали ему поворот психологический. Он сам никогда не видел своей орбиты в целом. Он разрешал задачи по мере того, как они выдвигались ходом его борьбы за власть. Его идеи и методы изменялись незаметно для него самого, по мере изменения обстановки и условий, в которые он был поставлен.

Иностранцам трудно поверить, какими методами создается сейчас биография Сталина. Вдовы старых большевиков, в прошлом игравшие крупную роль в истории партии, вынуждаются давать эти воспоминания.

Главной свидетельницей выступает в этом последнем случае Швейцер, подруга того самого Спандарьяна, который был действительным руководителем туруханской ссылки в вопросах интернационализма. Вдову Спандарьяна заставляют, иначе нельзя выразиться, ограбить память своего бывшего мужа в интересах исторической репутации Сталина. Такое же давление неоднократно производилось и продолжает производиться на Крупскую. Она далеко пошла по пути уступок. Но Крупская оказалась все же несколько стойче, да и память Ленина не так легко обокрасть. Вдова Орджоникидзе написала воспоминания, в которых она говорит о вещах, которых не знала и знать не могла и, что главное, принижает своего бывшего мужа в интересах возвеличения Сталина. Формулы возвеличения у Швейцер, у Зинаиды Орджоникидзе и у многих других одни и те же. Совершенно непростительным представляется этот поход историков на вдов с целью обобрать их бывших мужей, дабы заполнить пробелы биографии Сталина. Ничего похожего по злонамеренности, систематичности, беспощадности, цинизму не было еще в мировой истории.

Вдова Якира, разделявшая с ним 20 лет борьбы, вынуждена была опубликовать или, вернее, допустить опубликования в газетах письма, в котором она проклинала спутника своей жизни, как "бесчестного изменника". Такова эксплуатация вдов.

Изучая внимательно и шаг за шагом постепенное преобразование биографии Сталина, как и всей партии, испытываешь впечатление, будто присутствуешь при формировании мифа. Коллективная ложь приобретает силу естественного исторического процесса. Новая каста привилегированных выскочек нуждается в собственной психологии. Личные притязания Сталина только потому встречают поддержку и освещение в виде вымыслов, что они совпадают с притязанием правящей касты, которая нуждается в полубоге, как увенчании. Статья о благополучно царствующем государе императоре Александре III в старой русской энциклопедии, написанная, очевидно, каким-либо чиновни-

ком придворного ведомства, кажется ныне образцом правдивости по сравнению со статьями советской энциклопедии. В религии сталинизма Сталин занимает место бога со всеми его атрибутами. Но это не христианский бог, который растворяется в Троице. Время тройки Сталин оставил далеко позади. Это, скорее, Аллах — нет Бога, кроме Бога — который наполняет вселенную своей бесконечностью. Он средоточие, в котором все соединяется. Он господь телесный и духовный мира, творец и правитель. Он всемогущ, премудр и предобр, милосерден. Его решения неотмеримы. У него 99 имен.

Крупнейший писатель Алексей Толстой, который носит имя одного из могущественных и независимых писателей страны, этот Алексей Толстой говорит о Сталине:

Ты, ясное солнце народов,
Беззакатное солнце современности
И больше, чем солнце, ибо в солнце нет мудрости...

А в сборнике "Сталин в песнях народов СССР" в "Песне о возвращенном солнце" поется:

Мы солнце свое получили от Сталина,
Мы сытую жизнь получили от Сталина,
Большого, как солнце...
Хорошую жизнь в забураненных тундрах
Мы сделали с ним сообща, заодно,
С сыном Ленина,
Сталиным мудрым.

Надо прямо сказать: эта поэзия переходит в хрюканье.

Сталин решает, какова должна быть архитектура дворца Советов — чудовищного здания, которое своей тяжелой ненужностью, своей брутальной грандиозностью дает выражение брутальному режиму без идей, без преспектив. Сталин просматривает фильмы, чтобы давать не только политические, но и технические указания режиссерам и артистам. Назначение фильмов — прославлять вождя. Так была убита советская кинематография, которая имела такое обещающее начало.

В старых воспоминаниях о революции мы почти не встречаем имени Сталина, даже тогда, когда дело идет о работе местного кавказского масштаба. То же самое и по отношению к партийным съездам. То же повторяется и в отношении петербургского

периода его работы. В старых воспоминаниях, в официальных сборниках, посвященных периоду революционного подъема "Правды" и "Зари" обычно ни слова не говорится о влиянии Сталина на ход работы. Первое издание воспоминаний бывшего депутата Думы Бадаева отводит Сталину в жизни партии, в частности в жизни думской фракции "Правды", гораздо меньшую роль, чем следующее издание, вышедшее в 1932 г.

"На ряде заводов, — пишет Бадаев, — на летучих собраниях выступал тов. Сталин, только что бежавший из Нарыма". Впрочем, это упоминание относится ко второму изданию. В первом издании о выступлении Сталина на заводах не упоминается вовсе.

Официальное издание 1926 г. "Революция и РКП в материалах и документах" говорит: "Русская коллегия ЦК выделила из своей среды исполнительное бюро из четырех лиц: Тимофея, Серго, Кобу и Филиппа". Имя Сталина стоит на третьем месте. (Отметим тут же, что из тройки ближайших сотрудников Сталина по нелегальной работе Тимофей Спандарян умер во время войны, Серго умер в 1937 г. при обстоятельствах, которые считаются очень таинственными и, наконец, Филипп Голощекин — числится в числе исчезнувших).

Что означает все это? Почему в бесспорных и несомненных, т.е. не продиктованных сверху воспоминаниях и исторических очерках и пр. фигура Сталина не упоминается вовсе или упоминается мимоходом, как фигура второго или третьего порядка? Значит ли это, что Сталин представляет действительно заурядную, ничтожную величину или же его не умели заметить? Вопрос заслуживает внимания.

На самом деле секрет состоит в противоречии между его напряженной крепкой волей и наличными духовными ресурсами. Кому дана была возможность столкнуться с волею Сталина в те периоды, тот отмечал его. Одним из первых заметил его Ленин. Сулиашвили, состоявший членом лейпцигской группы большевиков, рассказывает: "От товарища Сталина мы получали вдохновенные письма о Ленине. Письма получал тов.М.Давиташвили. Товарищ Сталин в этих письмах восхищался Лениным... В одном из писем т.Сталин называл Ленина "горным орлом" и восторгался его непримиримой борьбой против меньшевиков.

Мы эти письма переслали Ленину, и скоро получили от него ответ, в котором он Сталина называл "пламенным колхидцем".

Этот рассказ имеет своим назначением хотя бы косвенно подтвердить уже знакомую нам версию о переписке между Лениным и Сталиным в 1903 г. К сожалению, приводя свидетельство Сулиашвили, Берия не называет даты, к которой относится упоминание о "горном орле" и "пламенном колхидце". У самого Берия этот эпизод включен в главу о 1905 г. Упоминание в письме Сталина о "непримиримой борьбе (Ленина) против меньшевизма" ни в каком случае не могло быть сделано в 1903 году.

Ленин назвал Сталина "пламенным колхидцем", опираясь на Пушкина, который назвал Кавказ "пламенной Колхидой". В этом смысле "пламенный колхидец" означает просто описательное название кавказца.

Те, кто судил по обычным повседневным проявлениям о деятельности Сталина не могли не относить его к фигурам второго или третьего плана. Наконец, люди, которые соприкасались с ним в тюрьме или ссылке, т.е. в очень интимной обстановке, где он поворачивался к ним разными сторонами своего характера, эти люди видели, с одной стороны, его значительность, а с другой стороны, никак не могли признать его интеллектуального авторитета. Отсюда двойственность отношения со стороны всех тех, которые близко соприкасались с ним. Понадобились особые исторические условия, где от него не требовалось никакого творчества и его интеллект должен был только суммировать работу коллективного интеллекта целой касты, но где борьба этих каст за свое самосохранение, за упрочнение своих позиций требовала персонификации, требовала напряженной воли к власти, понадобилось такое исключительное сочетание исторических условий, чтобы его интеллектуальные качества при всей своей посредственности получили большое всеобщее признание, помноженное на коэффициент его воли.

У Сталина была достаточно крепкая воля, чтобы противостоять чужим влияниям, тогда, когда он их природу понимал. Но ему часто не хватало этого теоретического понимания. Сталину свойственно презрение к теории. Теория берет действительность больших масштабов. Здравый смысл берет дейст-

вительность в малых масштабах. От того Сталин чрезвычайно чувствителен ко всякой непосредственной опасности, но не способен предвидеть опасность, коренящуюся в больших исторических тенденциях. В этих особенностях его личности и заложена разгадка его дальнейшей судьбы.

По словам Николаевского, Бухарин называл Сталина "гениальным дозировщиком". Это выражение, только без гениальности, я слышал впервые от Каменева. Оно имеет в виду способность Сталина выполнять свой план по частям в рассрочку. Эта возможность предполагает в свою очередь наличие могущественного централизованного аппарата. Задача дозировки состоит в том, чтобы постепенно вовлекать аппарат и общественное мнение страны в иные предприятия, которые, будучи представлены сразу в полном объеме вызвали бы испуг, негодование и даже отпор.

Он был сильнее других наделен волей и честолюбием, но он не был ни умнее других, ни образованнее других, ни красноречивее. Он не обладал теми качествами, которые привлекают симпатии. Зато природа щедро наделила его холодной настойчивостью и практической сметкой. Он никогда не повиновался чувствам, а всегда умел подчинять их расчету. Недоверие к массам, как и к отдельным людям, составляет основу природы Сталина. От того в больших вопросах революции, где все зависит от вмешательства партии, он занимал действительно оппортунистическую позицию. Но в практических действиях узкого масштаба, где решал аппарат, он всегда склонялся к самым решительным действиям. Можно сказать, что он был оппортунистом стратегии и крайним человеком действия и тактики.

Он долго и недоверчиво осматривался, прежде чем примкнуть к чужой инициативе. Революция сразу отодвинула партийный аппарат, революция предъявила особые требования: медлить, выжидать и комбинировать нельзя, нужно давать ответы на запросы масс и принимать решения на месте.

Перед лицом массы он чувствовал себя бессильным, у него не было дара речи. Он был журналистом поневоле. Ему нужно было орудие, машина, аппарат, чтобы действовать на массы. Он чувствовал себя уверенным только у рукоятки партийного аппа-

рата. Мужество мысли было чуждо ему. Зато он был наделен бесстрашием перед лицом опасности. Физические лишения не пугали его. В этом отношении он был подлинным представителем ордена профессиональных революционеров и превосходил многих из их числа.

Нельзя понять Сталина и его позднейший успех, не поняв основной пружины его личности: любовь к власти, честолюбие и зависть, активная, никогда не засыпающая зависть ко всем тем, кто даровитее, сильнее или выше его. С отличающей его хвастливостью Муссолини сказал одному из друзей: "Я никогда еще не встречал никого, кто был бы мне равен". Сталин вряд ли мог бы повторить эту фразу даже самому интимному другу, ибо она прозвучала бы слишком фальшиво и несообразно. В одном только большевистском штабе были люди, превосходившие Сталина во многих отношениях, если не во всех. Во всем за исключением сконцентрированного честолюбия. Ленин очень ценил власть как орудие действия. Но чистое властолюбие, борьба за власть, были ему совершенно чужды. Для Сталина же психологически власть всегда стояла отдельно во всех задачах, которым она должна служить. Воля господства над другими была основной пружиной его личности. И эта воля получала тем более сосредоточенный, не дремлющий, наступательный, активный, ни перед чем не останавливающийся характер, чем чаще Сталину приходилось убеждаться, что ему не хватает многих и многих ресурсов для достижения власти. Всякая особенность характера, достигнув известной силы напряжения, превращается при известных условиях в преимущество.

Сталину нужно всегда насилие над самим собою, чтобы подняться на высоту чужого обобщения, чтобы принять далекую революционную перспективу. Как все эмпирики, он по существу своему скептик, притом цинического склада. Он не верит в большие исторические возможности, способности человека к усовершенствованию, возможности перестройки общества в радикальных направлениях. Глубокая вражда к существующему делает его способным на смелые действия. Эмпиризм или чисто крестьянский консерватизм мысли делают его неспособным долго оставаться на вершинах. Предоставленная самой себе, его

мысль неизбежно сползает вниз. Он фатально занимал во всех вопросах (поскольку был предоставлен самому себе) оппортунистическую позицию. Поскольку же под давлением Ленина и событий он поднимался на высоту революционного обобщения, он удерживался на высоте недолго и в конце концов сползал вниз. Цель, которую он себе поставил, он будет разрешать с большим упорством, с большей настойчивостью, чем подавляющее большинство других людей. Но он не способен поставить себе самостоятельно большую цель и долго держаться ее, поскольку она внушена ему событиями или людьми. Революционное движение окрыляет людей, требует смелости мысли, далекой перспективы. Именно в такие периоды мы наблюдаем Сталина в состоянии растерянности.

Наоборот, реакционные эпохи являются вместе с тем эпохами сползания мысли. Смелая революционная мысль в эпоху реакции может только прокладывать в будущем, подготовлять в сознании небольшого авангарда будущие перспективы, но непосредственного, практического приложения найти не может. С другой стороны, сильная воля, характер сохраняют в эпоху реакции свои преимущества. В партии Сталин выдвигается впервые в годы реакции, после 1907 г. В годы начавшегося подъема он еще продолжает играть незначительную роль, не более значительную, чем подавляющее большинство передовых большевиков. По тем или другим причинам во время войны, которая предвещает и подготовляет грандиозные перемены, Сталин окончательно уходит в себя. Во время революции 1917 г. он играет крайне незаметную роль.

Сталину несомненно свойственно было нечто вроде суеверного страха перед талантом и образованием. Он боялся людей, которые умеют свободно разговаривать с массой или легко и внимательно излагать свои мысли на бумаге. Еще больше он боялся людей, которые имели свои собственные мысли, способны к обобщениям, оперируют фактическим материалом, вообще чувствуют себя по домашнему в области общих идей. Условия России до двадцатых годов нынешнего столетия были таковы, что требовали общих идей литературного или ораторского таланта. Именно поэтому Сталин оставался в тени.

Только после политической ликвидации Бухарина, Рыкова и

Томского, последних сподвижников Ленина в Политбюро, после обновления всего руководящего персонала исторических комиссий и после грозной статьи Сталина "О некоторых вопросах партийной истории", т.е. приблизительно с 1929 года, начинается радикальный пересмотр прошлого и перегруппировка всех его элементов вокруг новой оси. Те самые авторы, которые несколько лет тому назад не упоминали самого имени Сталина, хотя он был уже и тогда генеральным секретарем, теперь, как бы под действием высшей благодати, открывали в самых глубоких подвалах своей памяти новые эпизоды или чаще всего общее ретроспективное убеждение, что за всеми важнейшими фактами революционного движения стоял Сталин.

Бесформенный эмпиризм, дополненный политической двойственностью, служили и направлялись нередко против Сталина в периоды, когда события быстро сменяли друг друга, когда требовалась немедленная ориентировка и когда выжидательное лавирование обрекало на запоздание. В такой период Сталин не мог не оставаться на втором плане, в тени. Так было в период до войны, во время войны 1917 г. и годы гражданской войны. Нужно было, чтобы история изменила свой ритм, чтобы прилив сменился отливом, чтобы тот ход событий, который доводил до крайности все противоречия до последних логических выводов и давал всем конфликтам крайне резкие очертания, чтобы он сменился отливом, который, наоборот, смывал острые углы, притупляя идейные противоречия, придавал политическим формулам расплывчатость и бесформенность. Только в этих новых условиях уклончивая выжидательность, дополненная лавирующим вероломством, могла превратиться в положительную силу.

Послушный полученным им конспектам и инструкциям, Барбюс пытается уподобить Сталина Ленину физически и морально. "Поразительно, как этот молодой человек ненавидел фразы. Стиль Сталина был уже с молодых лет тот же, что и у Ленина". Нельзя сделать на самом деле утверждения более ложного и более грубого в своей ложности. Простота Ленина есть результат простой работы мысли, которая пришла к полной ясности. Простота Сталина вульгарна, основана на устранении самых важных сторон вопроса, не говоря о том, что в этой простоте на каждом шагу чувствуется робость человека, не овладевшего инструментом языка.

В годы первой революции 1905-1907 гг. Сталин выступает как практический руководитель местных экономических и политических боев. Он называет себя в этот период "подмастерьем" революции. И это определение можно принять в том смысле, что он еще полностью остается фигурой провинциального масштаба.

Замечательно, что когда в декабре 1905 года началось решительное наступление реакции и полиция арестовала, сослала и расстреляла весь верхний слой революционеров, Сталин не только не был арестован, но оставался в столице в качестве легального человека: революция не знала его и не интересовалась им.

Угнетенные национальности Закавказья, естественно, порождают в самой буржуазии автономистские и даже сепаратистские тенденции. В Грузии мы видим социалистов-федералистов (их социализм того же типа, что, например, у французских радикал-социалистов), в Армении — дашнаков, в Азербайджане — муссаватистов. В лице этих трех партий молодая туземная буржуазия стремится свою оппозицию против царской бюрократии использовать для того, чтоб подчинить себе рабочих. Можно установить полную историческую аналогию между названными партиями и национально-буржуазными партиями колониальных и полуколониальных стран всего мира. Не только большевизм, но даже меньшевизм развивался на Кавказе в борьбе с партиями буржуазного национализма. Это не помешало Сталину в дальнейшем сделать все для того, чтоб подчинить китайских рабочих Гоминдану, который ничем не отличался от федералистов, дашнаков или муссаватистов Кавказа.

По существу своих воззрений Сталин, как и многие тогдашние большевики, даже в большей мере, чем другие большевики, был в тот период, как и значительно позже, революционным демократом, с отдаленным социалистическим идеалом. Ближайшая революция мыслилась и чувствовалась, как завоевание политических свобод и парламентаризма, т.е. как буржуазная европеизация царской России. Конституция была магическим словом. Либеральный режим должен был создать условия для парламентской партии и легальных профсоюзов. Агитация поддерживалась главным образом примерами того, как борются рабочие в Западной Европе или в Америке. Социализм характеризо-

вался как "конечная цель". На Западе эта конечная цель казалась удаленной на многие десятилетия, если не на столетия. Никто из тогдашних русских социал-демократов не допускал мысли, что в России социалистическая революция может произойти раньше, чем на Западе.

Между стоявшей на очереди буржуазной революцией и между конечной целью социализма раскрывался, таким образом, неопределенно долгий исторический период капиталистического развития, подъема культуры, организации, воспитания рабочих масс, завоевания парламентских позиций, строительства профсоюзов и кооперативов. Достаточно сказать, что член Центрального Комитета большевистской партии, Рожков, писал в 1905 году, что о социализме вопрос встанет лишь тогда, когда подавляющее население страны будет состоять из организованных рабочих. В этом вопросе, который должен был через 14 лет после первого раскола получить решающее значение (1917 год), позиция Сталина в период первой революции и долго после нее совершенно не отличалась от позиции Жордания, Церетели и вообще меньшевиков. Разногласия касались не соотношения между демократией и социализмом, а методов борьбы за демократию. То, что Сталина и многих других привлекло в тот период к большевизму, это не классовая позиция, не интернационализм, а прежде всего и главным образом, решительность в борьбе с царизмом, твердая постановка вопроса о необходимости вооружения и подготовки восстания. Через несколько лет большевики называли себя в легальной печати под цензурными условиями "последовательными демократами". По существу дела это определение гораздо больше соответствует мировоззрению многих тогдашних большевиков типа Сталина, чем название социалистов и марксистов.

На Стокгольмском съезде 1906 года во время выработки аграрной программы революции Сталин отстаивал раздел помещичьих и государственных земель в личную собственность крестьян. Только очень глубокие мотивы могли побудить его отстаивать безнадежную позицию, притом в борьбе не только с меньшевиками, но и с большевиками. Эти мотивы надо искать не в какой-либо общей концепции революции, а в жизненном укладе грузинского крестьянина. В первом самостоятельном вы-

ступлении на государственной арене Сталин обнаруживает себя, как упорный провинциал.

Только социалисты-революционеры проповедовали тождество интересов крестьян и рабочих; практически в этом отождествлении выражалось стремление подчинить пролетариат интересам и взглядам мелкой буржуазии. Марксисты, и прежде всего Ленин, вели против сентиментального народничества непримиримую борьбу. В борьбе против пережитков крепостного режима крестьянин борется вместе с рабочим. "Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе, и поэтому, если условия развития э т о г о общества складываются сколько-нибудь благоприятно (например, промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т.п.), то мелкий товаропроизводитель н е и з б е ж н о поворачивает против пролетария, который борется за социализм" (разрядка Ленина).

В 1906 г. в отчете о Стокгольмском съезде Ленин писал: "Союзник пролетариата до победы буржуазной революции — крестьянская и революционная бюрократия". Только до победы буржуазной революции. Ленин не считал, что крестьянство, как крестьянство, будет союзником пролетариата в социалистической революции. "Иллюзий насчет крестьянского социализма нет ни у кого из социал-демократов", — писал Ленин в том же отчете.

На Стокгольмском съезде победила безжизненная меньшевистская программа муниципализации земли. Но за ними никогда не оставалось последнее слово. Ленин провел свою программу национализации и Сталину пришлось к ней долго приспособляться. Но поистине замечательно, что сейчас же вслед за смертью Ленина он делает попытку передать национализированную землю в собственность крестьян под видом многолетнего "владения" личными участками. И здесь опять-таки — такова сила старых корней! Сталин пытается первый опыт денационализации провести в Грузии. По секретной инструкции Сталина грузинский нарком земледелия подготовил проект передачи земли в подворное владение крестьян. Только протесты Зиновьева, который оказался в курсе заговора, и тревога, поднятая проектом в партийных кругах, заставила Сталина, еще не чувствовавшего себя

твердо на ногах, отказаться от своего замысла. Козлом отпущения оказался, разумеется, злополучный грузинский нарком.

Годы реакции были временем усиленной теоретической работы. В порядке дня, кроме аграрного вопроса и характера революции, стояла философия. Ленин неистово защищал диалектический материализм против Богданова, Луначарского и других сторонников австрийской физики Маха. В 1909 г. вышла книга Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". С этой полемикой связана большая полоса в жизни партии. Интерес Кобы к философским и вообще теоретическим проблемам ни в чем не проявился за годы реакции. Не ясно даже, прочитал ли он философский труд Ленина. В его письмах из ссылки нет ни слова на эту тему. Ни слова о своих занятиях, о теоретических и литературных интересах, что было бы так естественно со стороны ссыльного, если б он жил сколько-нибудь интенсивной умственной жизнью.

Между тем, на основании опубликованных данных, далеко не согласованных между собой, можно сделать вывод, что Сталин в течение всей своей революционной работы провел свыше двух с половиной лет в тюрьме и свыше пяти с половиной лет в ссылке. Всего свыше восьми лет. Несомненно, что значительная часть этого времени должна была уйти на чтение. Так как ссылка разбивалась на короткие периоды, то много времени уходило на устройство и на подготовку к работе. Только последний раз Сталин пробыл в ссылке непрерывно почти четыре года. Во всяком случае за восемь лет вынужденного бездействия можно было бы одолеть большое количество книг.

Поражает еще и то обстоятельство, что от этих восьми лет изолированности не осталось ни одного исследования, ни одной литературной работы. Между тем почти все ссыльные, которые чувствовали какую-либо склонность к теоретической работе, к публицистике, литературе, предавались со страстью работе пером. Факт давно установленный, что тюрьма и ссылка, обрекавшие людей на самоуглубление, чрезвычайно содействовали пробуждению и развитию всякого рода исследовательских и писательских дарований. Если за время ссылки Сталин не написал ни одной работы, ни одной статьи, которая была бы в его

собственных глазах достойна воспроизведения, то один этот факт является самым убедительным доказательством отсутствия у него теоретических интересов и литературного дарования.

Можно сказать, что все гениальные люди истории, все творцы, все новаторы высказывали свое главное слово уже в течение первых двадцати пяти — тридцати лет жизни. Дальше шло только развитие, углубление и применение. У Сталина в первый период его жизни мы не находим ничего, кроме вульгарного повторения готовых формул. В гении Сталин был возведен только после того, как бюрократия, руководимая своим генеральным секретарем, разгромила весь штаб Ленина. Вряд ли нужно доказывать, что человек, не сказавший ни одного нового слова и автоматически поднятый кверху силой бюрократии, когда ему далеко перевалило за сорок, не может быть причислен к гениям.

Бажанов, бывший секретарь Сталина, рассказывает, как мало этот последний интересовался важнейшими государственными вопросами. Его предупреждали: "Он ничего никогда не читает, и если он просматривает в течение года десять или 12 документов, это уже много". Бажанов, по его словам, не хотел верить этому, но после дюжины заседаний в Политбюро, в которых он принимал участие, он убедился, что Сталин не знаком с вопросами, которые стоят в повестке дня. Он был поражен, по собственным словам, обнаружив, что Сталин является лишь малокультурным кавказцем, не знакомым ни с литературой, ни с иностранными языками, мало осведомленный в экономических и финансовых вопросах.

Бажанов рассказывает, как два секретаря Сталина — Бажанов и Товстуха разговаривали однажды в коридоре здания Центрального Комитета. Появляется Сталин. Секретари умолкают. "Товстуха, — говорит Сталин после паузы, — моя мать имела козла, который походил на тебя... Он не носил только очков..." Довольный собою, Сталин уходит в свой кабинет.

Весной 1924 года после одного из пленумов Центрального Комитета, на котором я по болезни не присутствовал, я сказал Смирнову: "Сталин будет диктатором СССР". Смирнов хорошо знал Сталина по прошлой работе и по ссылке, где люди лучше

всего узнают друг друга. Старый большевик И.Н.Смирнов, разгромивший и расстрелявший Колчака, а позже расстрелянный Сталиным вместе с Зиновьевым и Каменевым, возражал мне: "Сталин — кандидат в диктаторы? Да ведь это совсем серый и ничтожный человек. Это посредственность, серое ничтожество!" "Посредственность — да, ничтожество — нет, — ответил я ему. — Историческая диалектика уже подхватила его своим крючком и будет его поднимать вверх. Он нужен им всем: бюрократам, нэпманам, кулакам, выскочкам, пройдохам, всем тем, которые прут из почвы, унавоженной революцией. Он способен возглавить их. Он готов возглавить их, у него есть заслуженная репутация старого революционера. Он даст этим самым прикрытие в глазах страны. У него есть воля и смелость. Он не побоится опереться на них и двинуть их против партии. Он уже начал эту работу. Он подбирает вокруг себя пройдох партии. Конечно, большие события в Европе, Азии и у нас, все это опрокинуто. Но, если все пойдет автоматически дальше, как идет теперь, то Сталин автоматически станет диктатором".

На ту же тему были у меня два с лишним года спустя споры с Каменевым, который, вопреки очевидности, утверждал, что Сталин — "вождь уездного масштаба". В этой саркастической характеристике была, конечно, частица правды, но только частица. Такие свойства интеллекта, как хитрость, вероломство, способность играть на низших свойствах человеческой натуры, развиты у Сталина необычайно и, при сильном характере, представляют могущественные орудия в борьбе. Конечно, не во всякой освободительной борьбе масс нужны такие качества. Но где дело идет об отборе привилегированных, об их сплочении духом касты, об обессиленьи и дисциплинированьи масс, там качества Сталина поистине неоценимы, и они по праву сделали его вождем бюрократической реакции и термидора.

И все же, взятый в целом, Сталин остается посредственностью. Его ум лишен не только блеска и полета, но даже способности к логическому мышлению. Вообще, в лагере сталинизма вы не найдете ни одного даровитого писателя, историка, критика. Это царство наглых посредственностей. Каждая фраза речи Сталина преследует какую-либо практическую цель: но речь в целом никогда не поднимается до логического построения. В этой слабос-

ти — сила Сталина. Бывают исторические эпохи, когда обобщение и предвиденье исключают непосредственные успехи: это эпохи сползания, снижения, реакции. Гельвеций говорил некогда, что каждая общественная эпоха требует своих великих людей, а когда таковых не находит, то она изобретает их. По поводу забытого ныне французского генерала Шенгарнье Маркс писал: "При полном недостатке в великих людях партия порядка естественно была вынуждена приписать недостающую всему ее классу силу одному единственному индивидууму и таким образом раздула его в какое-то чудовище". Чтобы закончить с цитатами, можно применить к Сталину слова, сказанные Фридрихом Энгельсом о Веллингтоне: "Он велик в своем роде, а именно настолько, насколько может быть великим, не переставая быть посредственностью". Индивидуальное "величие" есть в последнем счете — социальная функция.

Если бы Сталин мог с самого начала предвидеть, куда его заведет борьба против "троцкизма", он, вероятно, остановился бы, несмотря на перспективу победы над всеми противниками. Но он ничего не предвидел. Предсказанья противников, насчет того, что он станет вождем Термидора, могильщиком партии и революции, казались ему пустой игрой воображения. Он верил в самодовлеющую силу аппарата, в его способность разрешать все задачи. Он совершенно не понимал выполняемой им исторической функции. Отсутствие творческого воображения, неспособность к обобщению и к предвидению, убили Сталина как революционера. Но те же черты позволили ему авторитетом бывшего революционера прикрыть восхождение термидорианской бюрократии.

Бесчисленные воспоминания, опубликованные в первые десять лет советской власти, совершенно не упоминают имени Сталина. В своих революционных "Силуэтах" не упоминает Сталина Луначарский. В приложениях к первому изданию сочинений Ленина говорится, что Сталин в начале 1912 года включен посредством кооптации в Центральный Комитет. Правда, в более поздних биографических справках говорится, что Сталин был в ы б р а н в ЦК на Пражской конференции. Но в этом случае, как и во всех других, мы больше доверяем первым биографи-

ческим справкам, писавшимся в то время, когда история партии еще не перерабатывалась в плановом порядке. Можно не сомневаться, что в 1912 году Ленин стремился ввести Сталина в Центральный Комитет. Если ему не удалось достигнуть этого на Пражской конференции, то очевидно, потому что многие делегаты совершенно не знали Сталина, а некоторые были, может быть, против него.

Только Центральный Комитет, состоявший из узкого круга лиц, тесно связанных с Лениным, пошел, очевидно, навстречу доводам Ленина: только так и можно объяснить кооптацию Сталина в ЦК сейчас же вслед за Пражской конференцией 18-30 января 1912 г.

Только с 1928 года изменяется характер и тон биографической справки. Прежде всего подчеркивается, что Сталин стал большевиком с первого часа, что совершенно не подтверждается документами. Здесь же мы встречаем уже утверждение, что Сталин был в ы б р а н в Центральный комитет в 1912 году. С этого времени ссылка на Кавказ исчезает бесследно. Эта деталь не лишена интереса. Она показывает, что Сталин поднимается по ступеням партийной иерархии за спиной партии, без ее ведома и участия. Уже в молодые годы Сталин — человек аппарата, кадр, и он поднимается вверх на рычагах аппарата. Его не избирают массы, а кооптируют чиновники.

Ленин ищет каждого повода, чтоб ободрить, отметить успех, похвалить. Так он приветствует передовую статью "Кто победит?", написанную Сталиным и помещенную в № 146 "Правды" 18 октября 1912 года. В письме к товарищу Сталину от 6 декабря Ленин пишет: "Дорогой друг, насчет 9 января крайне важно обдумать и подготовить дело заранее. Заранее должен быть готов листок с призывом к митингам, однодневной стачке и демонстрациям..."

Письма Ленина к редакции "Правды" из-за границы начинаются обыкновенно словами "Дорогой друг". Это обращение используется ныне для характеристики особенно близких, дружеских отношений между Лениным и Сталиным. На самом деле эти слова не заключают в себе ничего личного. Обращение направлялось к членам редакции вообще. Необычный характер обращения: "друг" вместо "товарищ", объясняется тем, что слово

"товарищ" означало прямую принадлежность к партии, тогда как слово "друг" имело по внешности более личный и менее политически обязывающий характер. Все письма Ленина к товарищам по партии за границей начинаются словами "дорогой товарищ"; все его письма, направленные в Россию, начинаются словами "дорогой друг". К тому же приему прибегали и другие эмигранты-революционеры.

В 1913 г. в январе Сталин написал наиболее выдающуюся свою статью, работу по национальному вопросу. В ней были результаты его собственных наблюдений на Кавказе, результаты выводов из практической революционной работы, ряд широких исторических обобщений, которые принадлежали не ему, а Ленину. Сталин усвоил их в литературном смысле, т.е. соединил их с своими собственными выводами, но не ассимилировал их до конца. Это полностью обнаружил советский период, когда задачи администрирования поднялись для него на высоту и определяли собою все остальные стороны политики. Поразительно, что наиболее острые конфликты Сталина с Лениным в последний период жизни последнего возникли именно по национальному вопросу. Принципиальная солидарность, порукой которой являлась статья 1913 г., оказалась в значительной мере фикцией. Принципы никогда не имели власти над Сталиным. В национальном вопросе, пожалуй, меньше, чем в других. Административные задачи возвышались для него всегда над законами истории. Еще в 1905 г. он признавал движение масс только с разрешения Комитета. В годы реакции он защищал подполье потому, что ему необходим был централизованный аппарат. После Февральской революции, когда аппарат вышел из подполья, Сталин утерял различие между меньшевизмом и большевизмом и готовился к объединению с партией Церетели. Наконец, после завоевания партией власти все вопросы, все задачи, все перспективы подчинились потребностям аппарата всех аппаратов, т.е. государства. В качестве народного комиссара национальностей Сталин рассматривал национальные проблемы не с точки зрения законов истории, которым он отдал дань в своей работе в 1913 г., а с точки зрения удобства административного управления. Этим он, естественно, пришел в противоречие с потребнос-

тями наиболее отсталых и угнетенных наций и обеспечил перевес за великорусским бюрократическим империализмом.

Замечательно, что во время этой чистки в национализме оказались виновны все угнетенные национальности; только в Москве, где сосредоточились угнетатели, Сталин не открыл никакого национализма. Между тем еще Ленин в 1923 году, незадолго до второго удара, предостерегал партию от великорусских бюрократических тенденций Сталина. Чтоб грузин стал представителем великорусских тенденций, такие парадоксы в истории бывали не раз. Грузин Джугашвили стал носителем великорусского бюрократического гнета по тем же законам истории, по которым австриец Гитлер дал крайнее завершение духу прусской милитаристской касты.

Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: "Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и проч." Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против "эксцессов" антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. "Не забывайте, что вожди оппозиции — евреи", — таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах. Сам Сталин в виде многозначительной "шутки" сказал Пятакову и Преображенскому: "Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите, тут видать вашу "православную" работу, Троцкий действует потихоньку, а не с топором".

Только в 1917 году, рядом с Лениным и под руководством Ленина, Сталин в первый раз, по собственным словам, научился понимать, что значит быть одним из руководителей рабочего класса в масштабе страны. Впоследствии в своей тифлисской речи Сталин сказал: "Там, в среде русских рабочих, освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех народов, я получил мое третье крещение в революционной борьбе. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров революции. Позвольте мне принести моим русским учителям мою искреннюю товарищескую бла-

годарность и склонить голову пред памятью моего учителя Ленина".

В этой речи не остается и следа от того скороспелого гения, которого будут изображать через несколько лет слишком услужливые биографы, с одобрения самого Сталина, который успеет основательно позабыть свою тифлисскую речь.

Между тем в свое время речь эта не была бескорыстным экскурсом в прошлое. Нет, она имела своей задачей подготовить будущее. Сталину нужно было противопоставить себя теоретикам, ораторам, бывшим эмигрантам, людям, которые, как Зиновьев и Каменев, играли уже национальную роль, тогда как Сталин был еще практическим работником местного масштаба. Из этой медленности своего развития он пытается сделать преимущество, он проходил практическую школу под руководством рабочих, поднимаясь вместе с ними со ступеньки на ступень. Рабочие должны видеть в нем практика и своего человека.

Эта речь, тщательно подготовленная в стиле семинарского красноречия, передает в общем правильно этапы политического развития Сталина. Исходной точкой пути является Тифлис, где произошло соприкосновение с первыми рабочими кружками. Это был период чистого ученичества. Позднейшие открытия Берия о руководящей роли Сталина в Тифлисе должны быть отнесены к числу тех легенд и ненужных преувеличений, которые Сталин сам еще считал необходимым опровергнуть в 1926 г.

Сталин оставляет без упоминания Батумский период своей работы, как лишенный в его собственных глазах особого значения. Если б он остался в собственной памяти руководителем уличной демонстрации, которая потрясла в те годы всю Россию, он не мог бы не упомянуть о батумском этапе в своем революционном восхождении.

Если оставить в стороне случайную встречу без слов в Вене около 1911 г., на квартире Скобелева, будущего министра Временного правительства, — то впервые я соприкоснулся со Сталиным после прибытия из канадского концентрационного лагеря в Петербург, в мае 1917 г. Сталин был тогда для меня лишь одним из членов большевистского штаба, менее заметным, чем ряд других.

На фоне грандиозных митингов, демонстраций, столкновений он политически едва существовал. Но и на совещаниях большевистского штаба он оставался в тени. Его медлительная мысль не поспевала за темпом событий. Не только Зиновьев и Каменев, но и молодой Свердлов, даже Сокольников занимали большее место в прениях, чем Сталин, который весь 1917 год провел в состоянии выжидательности. Позднейшие попытки наемных историков приписать Сталину в 1917 году чуть ли не руководящую роль (через посредство несуществовавшего ''Комитета'' по руководству восстанием) представляют грубейшую историческую подделку.

После высылки Троцкого о центре стали писать с большей настойчивостью. После великой ''чистки'' центр был введен в учебники, в живопись и фильмы. Мифы, как известно, не раз вдохновляли художественное творчество. Но никто до сих пор не сказал, где и когда заседал этот центр, что делал, кому отдавал приказания, почему отсутствовал в самые важные моменты и почему о нем никто никогда ничего конкретного не вспоминал.

Окончательное узаконение призрака в качестве руководителя Октябрьского переворота было дополнено тем, что Сталину была отведена руководящая роль внутри центра. Для этого протокольная запись не давала даже внешних оснований: на первом месте стоит имя Свердлова, а не Сталина. Но в конце концов, это лишь деталь. Большой подлог был бы незаконченным, если б его не дополнить малым подлогом.

В апреле 1917 года Сталин был впервые нормальным порядком выбран в Центральный Комитет партии на Апрельской конференции. Но и теперь он отодвинут на задний план. Только в июле, после того, как Ленину и Зиновьеву пришлось скрыться, а Каменев и Троцкий были арестованы, фигура Сталина рядом с фигурой Бухарина поднимается на партийном съезде.

Шестой съезд был, несомненно, высшей точкой деятельности Сталина за весь 1917 год. Впервые после марта он выступает перед представителями всей партии с важнейшим политическим докладом. Правда, съезд видит в нем только заместителя, ''в отсутствие вождей''.

''На этом съезде, — вспоминал позже Пятницкий, один из ны-

нешних секретарей Коминтерна, — не присутствовали ни Ленин, ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев... Хотя вопрос о программе партии был снят с порядка дня, все же съезд прошел без вождей партии деловито и хорошо"...

В основу работ были положены тезисы Ленина. Докладчиками выступали Бухарин и Сталин. Доклад Сталина недурно отмеряет расстояние, пройденное самим докладчиком вместе со всеми кадрами партии за четыре месяца со времени приезда Ленина. Теоретически неуверенно, но политически уверенно, Сталин пытается перечислить те черты, которые определяют "глубокий характер социалистической, рабочей революции". Единодушие съезда по сравнению с Апрельской конференцией сразу бросается в глаза.

1917 год еще больше, чем 1905 год, становится для Сталина годом острого недомогания. За кулисами он исполняет административные и технические поручения Центрального Комитета. Всегда являлся кто-нибудь, кто публично его поправлял, затмевал, отодвигал, причем в такой роли выступал не только Ленин, но и более молодые, менее влиятельные члены партии, в том числе и новички. Но Сталин не мог выдвигаться качествами, которые были у других, поэтому все его мысли и усилия характера направлялись на закулисную интригу. Сталин тяготился обществом людей с более высоким умственным кругозором.

Он двигается медленно и осторожно, где можно — отмалчивается. Но победы в Петрограде и позже — в Москве убеждают его. Он начинает входить во вкус власти. После завоевания власти Сталин стал чувствовать себя более уверенно, не переставая, однако, оставаться фигурой второго плана. Я заметил вскоре, что Ленин "выдвигает" Сталина. Не очень задерживаясь вниманием на этом факте, я ни на минуту не сомневался, что Лениным руководит не личное пристрастие, а деловые соображения. Постепенно они выяснились мне. Ленин, несомненно, высоко ценил в Сталине некоторые черты: твердость, цепкость, настойчивость, упорство, хитрость и даже беспощадность, как необходимые качества в борьбе. Но Ленин вовсе не считал, что эти данные, хотя бы и в исключительном масштабе, достаточны для руководства партией и государством. Ленин видел в Сталине революцио-

нера, но не политика большого стиля. Самостоятельных идей, политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась в области администрирования и аппаратного маневрирования.

Помню, во время гражданской войны я расспрашивал члена ЦК Серебрякова, который тогда работал вместе со Сталиным в Революционном Военном Совете Южного фронта: не мог бы Серебряков в интересах экономии сил справиться и без Сталина. Серебряков ответил: "Нет, так нажимать, как Сталин, я не умею, это не моя специальность". Способность "нажимать" Ленин в Сталине очень ценил. Сталин чувствовал себя тем увереннее, чем больше рос и креп государственный аппарат "нажимания". И тем больше дух революции отлетал от этого аппарата.

Чтобы как-нибудь объяснить ту неизвестность, в которой оставался Сталин до 1924 года и даже позже, официальные историки повторяют: "Он не искал популярности". Неправда, он напряженно и страстно искал ее, но не умел найти. Эта неспособность всегда сверлила его сознание и толкала его на обходные и кривые пути. В свете нынешнего положения вещей, когда весь аппарат государства и партии превращен в машину славословия вождя, трудно принять всерьез это объяснение. Нет, жажда известности, влияния на самом деле пожирала его. Но в тот период, когда известность можно было получить непосредственно волею самих масс, когда завоевать ее можно было лишь пером, устной речью, теоретическим творчеством — эта известность оставалась для него совершенно недоступной. Нужно было, чтоб известность и популярность привела к образованию аппарата и чтоб этот аппарат сам стал машиной для фабрикации популярности.

На самом деле Сталина не любят даже в ближайшем окружении. Служащие Кремля относились к нему с неприязнью. "Ходит по Кремлю насупленный, как Иван Грозный", — говорила наша кухарка, эстонка. (Жили в Кремле крайне скученно. Большинство работало вне стен Кремля. Заседания кончались во все часы дня. Столовая имеет овальную форму. Тут подают пищу, которая доставляется из ресторана или которую готовит женщина, находящаяся в услужении.)

Это не означает, однако, что не существовало преданных Сталину людей. Наоборот, их было много. Но это была преданность особого рода. Не преданность учеников учителю, который обогатил их мысли, а преданность людей, которых вождь вывел из ничтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение.

Лишенный возможности апеллировать к лучшим чувствам массы, Сталин ищет с нею связи грубостью выражений. Он подлаживается к худшим сторонам массы: невежеству, узости кругозора, примитивности мысли. В то же время грубость служит ему для прикрытия хитрости. Грубость это именно то впечатление, которое складывается у среднего человека, когда он слушает речь Сталина. Именно это впечатление Сталину и нужно, ибо он тщательно контролирует свою грубость и подчиняет ее своей хитрости. Свою страсть он вкладывает не в сильные выражения, а в тщательно подготовленный план, по отношению к которому органическая грубость составляет лишний дополнительный ресурс. Это метод крайне приспособленного человека, у которого при большой и напряженной воле слабые логические ресурсы. "Сталин сделал ошибку", — говорит противник по какому-нибудь конкретному поводу. Вместо анализа этого конкретного повода Сталин отвечает: "Мой противник никогда не делал ничего, кроме ошибок". Суварин пишет биографию Сталина, где на основании неоспоримых фактов вскрывает некоторые неблагоприятные стороны его характера и деятельности. Сталин отвечает: "Суварин является агентом наци". Таков основной метод Сталина, таков его единственный метод.

Почему не издается собрание речей и статей Сталина, полное собрание его сочинений? Можно не сомневаться, что мысль о таком издании возникала у всегда готовых молодых карьеристов не раз. Но Сталин не мог не подавлять такие планы в зародыше. Ничего более опасного для Сталина нельзя себе представить. Девятилетний период духовной школы наложил неизгладимую печать на его личность и на его успехи. Русскому языку он научился на уроках духовной схоластики. Русский язык навсегда остался для него полуиностранным, семинарским, натянутым. Богословие не было для него наукой, для изучения кото-

рой он пользовался русским языком, как и для изучения других наук. Он изучал русский язык вместе с богословием. От этого богословские формы и обороты вошли навсегда в его сознание, как формы и обороты русского языка.

Богословская аргументация всегда имеет формальный характер, и чем дальше, тем меньше она уверена в себе. Она подбирает доводы у авторитетов церкви, классифицирует эти доводы и нумерует их. Семинарист должен был доказательство бытия Божия заучивать в порядке схоластических доводов. Эту манеру изложения Сталин изучал вместе с богословием и русским языком, который остался для него, однако, навсегда чужим языком матери. Иосиф Сталин также плохо владеет русским языком, как Адольф Гитлер — немецким. В оправдание Сталина нужно, однако, сказать, что он лишь в одиннадцатилетнем возрасте познакомился с русским языком. Но мысль его лишена оригинальности, смелости, меткости. Анализ ее стиля обнаруживает крайнюю неуверенность в себе. Может показаться, что эта характеристика совершенно не вяжется с образом Сталина, главной чертой которого является решительность. На самом деле решительность свойственна Сталину только в области действия, когда оно навязывается ему всей совокупностью обстоятельств и когда оно может быть осуществлено через посредство массивного аппарата. В царстве мысли он чувствует себя, как на льду, боится поскользнуться, выбирает уклончивые и неопределенные выражения. Талант обобщения ему не свойственен, его мысль слишком медлительна и эмпирична, его ум неповоротлив и скуден, его заученные образы отдают до сего дня тифлисской семинарией, даже строки, продиктованные подлинной ненавистью. Наш автор не идет дальше вульгарности.

Характерными чертами ораторской речи является не отдельная от логических доводов "часть патетическая", а проникающий через всю речь дух импровизаций, творчества в момент произнесения, обусловленное этой импровизированностью волнение, увлечение непосредственным общением с массой слушателей и возможность подвинуть их к неотложному решению.

Сталин дает нам совсем другие образцы:

"Россия — заряженное ружье с приподнятым курком, могущее разрядиться от малейшего сотрясения. Да, товарищи, не да-

леко то время, когда русская революция поднимет паруса и сотрет с лица земли гнусный трон презренного царя!.." и т.д. Ружье с поднятым курком, которое на всех парусах стирает царя с лица земли — этого нагромождения образов достаточно для характеристики Кобы, как теоретика и как писателя. Годы, увы, не принесут в этой области больших изменений.

"Никогда не был прочь", — пишет Сталин вместо "всегда был не прочь". Текст звучит обычно посредственный, как перевод с иностранного языка. "Что такое Временное правительство?" — спрашивал Сталин и отвечал: "Это — кукла, это — жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал — три опоры контрреволюции".

Литературные ресурсы Сталина остались те же, что в Тифлисе. Временное правительство оказывается одновременно "куклой" и "ширмой". Но по существу оценка верна.

В "Жизни национальностей" за 1920 г., № 39 воспроизводится доклад, сделанный Сталиным в Баку 8 ноября 1920 г. под заглавием "Три года пролетарской революции". Здесь мы встречаем следующие заключительные слова: "Несомненно, что наш путь не из легких, но, несомненно, также, что трудности нас не пугают. Перефразируя некоторые слова Лютера, Россия могла сказать: Здесь я стою на рубеже между старым капиталистическим и новым социалистическим миром, здесь, на этом рубеже, я объединяю усилия пролетариев Запада с усилиями крестьянства Востока для того, чтобы разгромить старый мир. Да поможет мне в этом бог истории".

В первые четыре года советской власти Сталин пишет передовые статьи в "Жизни национальностей", причем число этих статей небольшое с самого начала — литературная производительность Сталина невелика, убывает из года в год. В 1920-1921 годах мы находим каких-либо две-три статьи. В 1922 г. — ни одной статьи. Сталин перешел уже в этот период целиком на аппаратную работу.

В 1929 году Сталин пишет: "Всем организациям и товарищам, приславшим приветствия партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу и подобию своему..." (как грубо!) "...я готов и впредь отдать... всю свою кровь, каплю за каплей..." (а отдавал-то кровь других!).

Недаром сказано, что человек — это стиль. Никто не требует от Сталина качеств писателя, но его стиль вполне выдает природу его мысли. Как только Сталин переходит в область общих идей, его язык становится неопределенным, сбивчивым, термины только приблизительно отвечают понятиям, и одна фраза искусственно связана с другой.

Ленин стал главой могущественной и влиятельной партии, прежде чем ему удалось обратиться к массам с живым словом. Его публичные выступления в 1905 году были малочисленны и прошли незамеченно. Как массовый оратор Ленин появляется на арене только в 1917 году и то на короткий срок, в течение апреля, мая и июля. Он приходит к власти не как оратор, а прежде всего как писатель, инструктор, пропагандист, воспитавший кадры, в том числе и кадры ораторов.

Сталин представляет в этом отношении явление совершенно исключительное. Он не мыслитель, не писатель и не оратор. Он завладел властью до того, как массы научились отличать его фигуру от других во время торжественных шествий по Красной площади. Сталин завладел властью не при помощи личных свойств, а при помощи безличного аппарата. И не он создал аппарат, а аппарат создал его. Этот аппарат со своей силой и со своим авторитетом явился результатом длинной, долгой и героической работы большевистской партии, которая сама выросла из идей. Аппарат был носителем этой идеи, прежде чем он стал самоцелью. Сталин возглавил аппарат с того момента, когда он отрезал пуповину идеи и стал вещью в себе. Ленин создавал аппарат путем постоянного общения с массой если не устным словом, то печатным, если не непосредственно, то через посредство своих учеников. Сталин не создавал аппарата, а овладел им. Разумеется, не всякий может овладеть аппаратом. Для этого нужны были исключительные и особые качества, которые не имеют, однако, ничего общего с качествами исторического инициатора, мыслителя, писателя или оратора. Аппарат вырос в свое время из идей. Сталину нужно было презрительное отношение к идее.

Особенное значение имел для его развития наглядный урок того, как сравнительно небольшая, но единодушная и дисциплинированная партия может через свою повседневную агитацию формировать мысль масс и вести их за собою. Значение "аппа-

рата" предстало перед ним в грандиозных масштабах и гораздо непосредственнее, чем те политические идеи, которые связывали этот аппарат с массами.

Нетрудно представить себе уже теперь, какие изменения политического и идеологического типа должны будут произойти в большевистской бюрократии, когда она окажется у власти. Из тонкой прослойки, находящейся всегда под контролем партии и под непосредственным давлением революционного авангарда, большевистские кадры разбухнут, вовлекая в себя остатки всех других партий и мелкобуржуазную интеллигенцию вообще, превратятся в мощный социальный слой, который сосредоточит в своих руках всю политическую власть и распоряжение богатствами страны. Влияние марксистской доктрины интернационализма будет спадать, поскольку идеи этого типа совершенно не отвечают социальному положению и интересам мощного мелкобуржуазного слоя, который сосредоточил в своих руках постепенно силу и привилегии всех прежних господствующих классов. Зависимость от масс ослабевала, поскольку сами эти массы теряли дорогу и перспективу, впадали в индифферентизм, поскольку бюрократия перестала быть тонкой прослойкой, а находила социальную устойчивость в самой себе. В этом смысле, конечно, можно сказать, что сталинизм вырос из старой большевистской партии, ибо новые формации не падают с неба, а питаются формациями предшествующего периода. Но в старой большевистской партии было три элемента: революционная динамика пролетарского авангарда, централизованные организации и марксистская доктрина. Из всех этих трех элементов сталинизм унаследовал только централизованную организацию, переключив ее из классовой борьбы пролетариата на социальные интересы нового господствующего слоя. Формы, обрядность, фразеология, знамена остались до некоторой степени старые, и эта внешняя шелуха обманывает поверхностные взоры. Существо же изменилось в корне, между сталинизмом и большевизмом пропасть гораздо больше, чем когда бы то ни было была бы между большевизмом и меньшевизмом. Бесспорным образом этот факт доказывается тем, что сталинизм в испанской революции и во французской политике идет рука об руку с самыми

правыми меньшевиками, социал-демократами и буржуазными демократами, а в то же время в СССР оказался вынужден истребить всю большевистскую партию. Только совершенные глупцы, только совсем пустые головы могут думать, что дело идет здесь об эпизодах исторического процесса, а не о полном и окончательном социальном перерождении того, что было некогда большевистской партией.

Печать время от времени возобновляет предположение, что Сталин стремится к международной революции. Нет более ошибочной мысли. Международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней. Внутренняя политика означает для него прежде всего борьбу за самосохранение. Политические проблемы подчинены полицейским. Только в этой области мысль Сталина работает непрерывно и неутомимо.

Как утверждалась репутация Сталина как теоретика?

Молодой профессор коммунистического университета в Тифлисе Гегешиндзе заявил однажды: "Сталин не теоретик". После этого ему пришлось много раз брать назад свое заявление и каяться; это не спасло его, он был смещен, возможно, что попал позже под нож чистки.

Сталин поучает: "Революционный антиимпериалистический блок... может принять, но не всегда (!) обязательно (!) должен принять форму единой рабоче-крестьянской партии, связанной формально (?) единой платформой" (Сталин, "Вопросы Ленинизма", 1928, с.265).

Ленин учил, что союз рабочих и крестьян ни в коем случае и никогда не должен вести к объединению партий. Сталин же делает Ленину одну единственную уступку: хотя блок классов и должен принимать по Сталину "форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, вроде Гоминдана", — но не обязательно всегда. Спасибо и на том.

Роль Сталина как "теоретика" почему-то не явствует и из партийных протоколов: "Заседание 18/5 октября 1917 г. ...Для подготовки к съезду проекта программы намечена комиссия: Ленин, Бухарин, Троцкий, Каменев, Сокольников, Коллонтай". Странное дело, а как же забыли про теоретика Сталина? Через четыре месяца снова встает вопрос о программе: "Заседание

6 февраля (24 января) 1918 г. Для выработки программы решено образовать комиссию, в которую выбраны Бухарин, Сокольников и Ленин". Троцкий был в это время в Бресте. Но как же так — в программную комиссию не включен теоретик Сталин? Явное упущение редактора Савельева: надо было включить.

В заседании ЦК 24 января (6 февраля) 1918 г. выбрана была комиссия для выработки программы партии в составе Бухарина, Ленина и Сокольникова. Сталин находился в Петрограде, но в комиссию не был включен.

Еще в 1924 году "Правда" сообщала: "Есть указание на постепенное организационное оформление национально-освободительного движения в К о р е е, выливающееся в форму создания рабоче-крестьянской партии". ("Правда", 2 марта 1924 года, № 51). А тем временем Сталин поучал коммунистов Востока: "От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти... к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, вроде Гоминдан... (Сталин, "Вопросы ленинизма", 1928, с.264). Следовавшие затем "оговорочки" о самостоятельности компартии, — очевидно по типу "самостоятельности" пророка Ионы во чреве кита, - служат только для маскировки.

"Правда" от 3 марта 1929 г. посвящена десятилетию Коминтерна. Сталин совершенно не упоминается в этой статье. В тот период еще органически немыслимо было приписывать ему роль "вождя мирового пролетариата".

Нам рассказывали о дискуссиях в политической тюрьме с участием Сталина. Мы знаем об участии Сталина в дискуссии Стокгольмского съезда. Но вообще те случаи, где он выступал в прениях наравне с другими участниками, редки. Сталин воздерживался от какого бы то ни было участия в товарищеских прениях, отделываясь односложными замечаниями. Не чувствуя себя в силах парировать полемические удары, лишенный находчивости, он избегал подставляться. Никто не слышал его в прениях с меньшевиками или с социалистами-революционерами в течение 1917 года. И однако же более позднее время, когда он получил возможность выступать, не боясь возражений, показало,

что он любит себя послушать. Он не выступал не потому, что у него не было склонности выступать, а потому что он опасался подставлять себя под удар. На партийных совещаниях он выступал в качестве докладчика, когда за ним было обеспечено заключительное слово и когда он чувствовал за собой опору всего Центрального Комитета и мог, следовательно, не бояться оппонентов. Во время дискуссии о профессиональных союзах, он выступил против меня один раз в условиях крайне характерных для его манеры. Докладчиком был Лозовский, от имени ВЦСПС. Я был содокладчик, и в качестве такового имел заключительное слово до Лозовского. Сталин сговорился с Лозовским на счет того, чтоб тот уступил ему свое заключительное слово. Он не делал, таким образом, доклада и не дал мне возможность возразить ему. Зато после меня он имел возможность говорить и возразить. Это было не вполне лояльно, но протестовать не было у меня основания. Вся эта сцена ярко врезалась в мою память, страна жила накануне перехода к НЭПу. Шли восстания. Стоял голод, стоял холод. Сзади была какая-то сизая мгла. Большинство лиц осунувшихся, большинство кашляли. Угрюмое настроение. Сталин стоял перед аудиторией в длинной солдатской шинели до пяток...

Говорил он медленно и осторожно. Но под этим как бы апатичным голосом слышалась сдерживаемая страшная злоба, к которой гармонировали желтоватые белки глаз. Вся фигура показалась мне в первый раз зловещей и, пожалуй, и не мне одному. Речь мало касалась темы и не отвечала на аргументы. Зато она заключала в себе ряд осторожных инсинуаций, которые большинству оставались непонятны, да они и предназначены были для кадров, для людей аппарата.

Сталин как бы инструктировал их, как надо выступать перед массами, где нет верхов партии и где можно говорить, не стесняясь.

Я вспоминаю, впрочем, эпизод, где Сталин вышел из себя. Это происходило, кажется, на заседании Советской делегации Коммунистического Интернационала. Речь шла об интриге, которую Сталин подводил под Зиновьева, как председателя Коммунистического Интернационала. Сталин, как всегда требовал искрен-

ности и сокрушенно говорил, что у оппозиции нет искренности. Надо сказать, что разговоры Сталина об искренности, его любимая тема, всегда выводили оппозицию из себя. Да и сторонникам Сталина не всегда было по себе. Каменев крикнул какое-то резкое замечание, вроде "лицемер". Сталин ответил грубым ругательством, завязалась подлинная перебранка. Каменев стоял бледный и взволнованный, сцена была очень тяжелая.

Был и другой эпизод, когда Сталин под давлением оппозиции увидел себя вынужденным огласить перед широкой аудиторией запретный текст ленинского завещания. Сталин редко выходит из себя, редко повышает голос или употребляет жестикуляцию. только по грубости выражений, по цинизму обвинений, да еще и по глухому тембру голоса можно подметить душащую его злобу. Таким именно тоном он читал завещание Ленина. В отместку он прочитал некоторые старые документы, которые могли повредить членам оппозиции. Он читал с намеренными искажениями, предназначенными для протокола. Его прерывали, поправляли, уличали. На возгласы с мест он не находил ответа. Полемическая находчивость не свойственна его неповоротливому уму. В конце концов он совершенно потерял равновесие и, приподнявшись на цыпочках, форсируя свой голос, с поднятой вверх рукой стал хрипло кричать бешеные обвинения и угрозы, вызвавшие оторопь во всем зале. Ни раньше, ни позже я не видел его в таком состоянии исступления.

Непримиримость Сталина не имеет ничего общего с непримиримостью Ленина. У Ленина настойчивость и непримиримость вытекали из большой исторической перспективы. Они, эти качества, направлялись на большие проблемы, личные конфликты вытекали только из этих больших проблем. И как только Ленин обеспечивал политическое торжество своих идей, он проявлял величайшую уступчивость, величайший оппортунизм в области личных отношений. Наоборот, общие идеи всегда были для Сталина только приправой, украшением, дополнением некоторых эмпирических непосредственных целей. Именно в осуществлении этих практических целей, всегда пропитанных личным началом, он проявлял величайшую непримиримость, перешедшую впоследствии в прямое зверство. С другой стороны, он очень

легко отрекался от самых основных идей и принципов большевизма, если зто оказывалось ему выгодно для достижения тех или других ближайших практических целей. Весь его переход от революционного марксизма, от большевизма к самому крайнему бюрократическому оппортунизму оказался возможен и осуществлен только в виде сильного ряда такого рода отказа от того или другого принципа или новое истолкование принципа в интересах очередной практической задачи. Дело шло не о ренегации, не о прямом единовременном отказе от программы, а постепенном змпирическом сползании с одной позиции на другую, прямо противоположную. То, что характеризовало Ленина, как и его учителя Маркса, зто интеллектуальная честность, в спасительную ложь они никогда не верили. Нужно быть в согласии с фактами и с их развитием, таково основное требование революционной политики. Они относились враждебно ко всякой идейной неряшливости и ко всякой незаконченности в области анализа. Британский полумарксист Гайндман испытал однажды зту черту Маркса в споре с ним по поводу американского экономиста Генри Джорджа. Гайндман защищал Г.Джорджа перед Марксом такими доводами, что де "Джорд научит большему своих вдалбливанием ошибки, чем другие люди научат полным изложением истины".

"Маркс, — пишет Гайндман, — и слышать не хочет о допустимости подобных доводов. Р а с п р о с т р а н е н и е о ш и б к и н и к о г д а н е м о г л о б ы т ь п о л е з н о н а р о д у, т а к о в о б ы л о е г о м н е н и е. Оставлять ошибку неопровергнутой, значит, поощрять интеллѐктуальную нечестность. На десятерых, которые пойдут дальше Джорджа, придется, может быть, сотня таких, которые останутся со взглядами Джорджа, а зта опасность слишком велика, чтобы рисковать ею".

В 1911 г. Ленин в "Звезде" (№ 31, 9 декабря/26 ноября 1911) приводил зтот зпизод. "Так говорил Маркс", — писал он с двумя восклицательными знаками. В зтом отношении Сталин представлял прямую противоположность не только основоположнику марксизма, но и вообще марксистскому типу мышления.

Двойственность проходит через всю политику Сталина. Фазу зтой двойственности составляет эмпирическая нерасчлененная мысль, которая никогда не доводит своих выводов до конца и

сохраняет за собой возможность соглашаться с той и с другой стороной. Этот органический оппортунизм мыслей Сталин делает сознательным орудием в борьбе. Свою неспособность к последовательному и систематическому мышлению Сталин превращает в орудие политической интриги. Он не додумывает и не договаривает свои мысли до конца. У него нет потребности к систематической оценке обстановки. Он не торопится. Он выжидает. Он полусоглашается с одними и другими, пока не созревает обстановка для окончательного решения или не вынуждает его занять позицию.

Мы видим Сталина тем же в вопросе о строительстве Красной армии. Он повторяет свой маневр в Октябре, как и целую серию предшествующих маневров. Формально он с Лениным и постольку с Троцким. На деле он полностью с оппозицией. Он руководит ею, подбирает обиженных, распространяет через своих агентов наиболее отравленные слухи, он, наконец, опираясь на опыт фронта, систематически пытается оказать давление на Ленина. Он не решается выступить против военной политики открыто, пока Ленин стоит на ее защите.

Если оставить в стороне кавказский период, который запечатлен больше в ретроспективных воспоминаниях, малонадежных, то мы знаем Сталина в четыре периода. Во-первых, когда в 1910-1911 гг. в период самой острой борьбы внутри партии Сталин, ища дверь в Центральный Комитет в письме за границу солидаризировался с примиренцами против Ленина. Во-вторых, когда он в редакции "Правды" поддерживает примиренцев против Ленина и доводит свою двойную игру до острого конфликта с Лениным. Мы помним также, как снисходительно Сталин отнесся в 1915 г. к Каменеву и его поведению на суде. Где Ленин видел поведение, недостойное революционного социал-демократа, там Сталин голосовал за резолюцию, которая в общем и целом одобряла поведение Каменева и депутатов на суде. В-третьих, в Сибири, где он лавирует между Лениным и интернационалистами-примиренцами. Эта его позиция особенно ярко проявилась в марте 1917 г., когда он, заявляя о своей солидарности с Лениным, стоял за объединение с меньшевиками. Наконец, в октябрьский период, в момент несоизмеримо более важный, чем

когда-либо, мы видим Сталина в составе большинства ЦК и в то же время в качестве защитника правой оппозиции Каменева и Зиновьева. Он не видел оснований "лезть на стену". Разногласия Зиновьева и Каменева с Лениным казались ему второстепенными. В общем и целом, он был согласен с обеими сторонами. Дело шло о массах, о неизвестных величинах. Сталин не спешил сжигать мосты к позиции Зиновьева и Каменева. Беседовский писал: "Сталин — маньяк интриги. Он обожает создание закулисных темных интриг и комбинаций, — и лучшие моменты его жизни связаны с титанической борьбой против Ленина и Троцкого".

По словам того же Беседовского "цареубийство было делом Сталина. Ленин и Троцкий стояли за то, чтобы держать царскую семью в Петербурге, а Сталин, опасаясь, что пока жив Николай II, он будет притягивать белогвардейцев и пр." 12 июля 1918 года Сталин сговорился со Свердловым, обычным председателем съезда Советов. 14-го июля он посвятил в свой план Голощекина, который 15 июля шифрованной телеграммой известил комиссара Белобородова, который вел наблюдение за царской семьей, о намерениях Сталина и Свердлова. 16-го июля Белобородов телеграфировал в Москву, что через три дня Екатеринбург должен пасть. Голощекин повидал Свердлова, Свердлов — Сталина. Положив в карман донесение Белобородова, Сталин сказал: "Царь ни коим образом не должен быть выдан белогвардейцам". "Эти слова были равносильны смертному приговору", — пишет Беседовский.

Среди молодых революционеров царской эпохи был известный процент таких, которые на допросах держали себя без достаточного мужества. В зависимости от их дальнейшего поведения партия либо изгоняла их навсегда, или снова принимала их в свои ряды. В 1923 г. Сталин в качестве генерального секретаря сосредоточивал все материалы в своих руках, и они остались у него лучшим орудием против сотен старых революционеров. Угрозами разоблачения, компрометации или исключения из партии Сталин добивался от этих лиц рабского послушания и доводил их шаг за шагом до полной деморализации.

Сталин не мог подчинить себе людей более высокого склада.

В Курейке он замыкался и членораздельно отвечал на вопросы, потому что не располагал ресурсами для господства над людьми, которые были по крайней мере равны ему, а в некоторых отношениях и выше его. Он поэтому направлял свое внимание на людей примитивного склада, низкой культуры, сильной воли и слабого интеллекта. В тюрьме он тяготел к уголовным. Ленин впоследствии говорил, что Сталин умеет разговаривать с башибузуками. Чтобы справиться с людьми, превосходившими его, он подбирал аппарат из людей, которые подчинялись ему. Не было такого средства, перед которым он бы остановился. В Центральном Комитете при разного рода ответственных назначениях приходилось давать характеристику людей. Сталин пользовался высказыванием отдельных лиц ЦК, чтоб сообщить это заинтересованному, восстановить его против противника и привязать к себе. Эти приемы развернулись постепенно в целую систему. Эта система стала могущественной с того времени, как Сталин стал господствовать в организационном бюро ЦК. У всех других, начиная с Ленина, были другие задачи, более, казалось, важные, сложные и во всяком случае более притягательные. Оргбюро представляло организационную кухню партии.

После смерти Ленина Сталин сейчас же удалил старых секретарей бюро, которые хорошо знали отношения внутри Политбюро, и в частности, отношение Ленина к Сталину. Старая революционерка Лассер, глубоко преданная Ленину, была заменена молодым человеком новой школы Бажановым. Выбор оказался не очень счастливым. Бажанов скоро порвал с партией, бежал за границу и разоблачил все, что он успел узнать за время своего короткого пребывания в Политбюро, прибавив к этому свои догадки и вымыслы.

Без инициативы Зиновьева Сталин едва ли стал бы генеральным секретарем. Зиновьев хотел использовать эпизодическую дискуссию о профессиональных союзах зимой 1920-1921 г. для дальнейшей борьбы против меня. Сталин казался ему, и не без основания, наиболее подходящим человеком для закулисной работы.

Сталин ведет в этот период переговоры с представителями тех различных национальных организаций, которые признали власть Совета Народных Комиссаров и выражали желание уста-

новить с ним правильные отношения. В большинстве своем это были враждебные или полувраждебные организации, которые лавировали до поры до времени, стараясь извлечь для себя выгоды из смены режима. В этих переговорах с мусульманами и белорусами Сталин был как нельзя более на месте. Он лавировал против лавирующих, отвечал хитростью на хитрость и вообще не давал себя одурачить. Именно это качество ценил в нем Ленин.

Когда на 11-м съезде (март 1921) Зиновьев и его ближайшие друзья проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, с задней мыслью использовать его враждебное отношение ко мне, Ленин в тесном кругу возражая против назначения Сталина генеральным секретарем, произнес свою знаменитую фразу: "Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда" Какие пророческие слова!

Победила, однако, на съезде руководимая Зиновьевым петроградская делегация. Победа далась ей тем легче, что Ленин не принял боя. Он не довел сопротивление кандидатуре Сталина до конца только потому, что пост секретаря имел в тогдашних условиях совершенно подчиненное значение. Своему предупреждению сам он не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой.

Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года. Пять месяцев он томился, наполовину отстраненный врачами от постоянной работы, в борьбе и тревоге с подтачивавшим его недугом. В мае 1922 года Ленина поражает первый удар. После заболевания Ленина тот же Зиновьев взял на себя инициативу открытой борьбы против меня. Он рассчитывал, что тяжеловесный Сталин останется его начальником штаба. Генеральный секретарь продвигался в те дни очень осторожно. Массы его не знали совершенно. Авторитетом он пользовался только у части партийного аппарата, но и там его не любили. В 1924 году Сталин сильно колебался. Зиновьев толкал его вперед. Для политического прикрытия своей закулисной работы Сталин нуждался в Зиновьеве и Каменеве: на этом основана была механика "тройки". Наибольшую горячность проявлял неизменно Зиновьев: он на буксире тянул за собой своего будущего палача.

В 1926 г., когда Зиновьев и Каменев после трех с лишним лет совместного со Сталиным заговора против меня перешли в оппозицию к аппарату, они сделали мне ряд очень поучительных сообщений и предупреждений.

— Вы думаете, — говорил Каменев, — что Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам по поводу вашей критики? Ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить, сперва морально, а потом, если можно, и физически. Оклеветать, организовать провокацию, подкинуть военный заговор, подстроить террористический акт. Поверьте мне, это не гипотеза; в тройке приходилось быть откровенными друг с другом, хотя личные отношения и тогда уже не раз грозили взрывом. Сталин ведет борьбу совсем в другой плоскости, чем вы. Вы не знаете этого азиата...

Сам Каменев хорошо знал Сталина. Оба они начали в свои молодые годы, в начале столетия, революционную работу в кавказской организации, были вместе в ссылке, вместе вернулись в Петербург в марте 1917 г., вместе придали центральному органу партии оппортунистическое направление, которое держалось до приезда Ленина.

Приезд Ленина помешал Сталину довести свою политику до конца, т.е. до разгрома пролетариата и революции. Впоследствии Сталин в очень двусмысленных выражениях признавал неправильность своей позиции в 1917 г. Но научился ли он чему-нибудь из этого большого опыта? Решительно ничему, отвечает нам на это опыт китайской революции. Власть Гоминдана Сталин рассматривал не как диктатуру буржуазии, а как власть междуклассового аппарата, в который надо проникать и врастать, чтоб радикализировать власть. Доказательством такого реформистски-демократического понимания природы государства является вся политика Сталина в отношении Гоминдана. Из бесчисленного количества речей, статей и резолюций, одна другой постыдней, приведем здесь только одну цитату, непосредственно характеризующую сталинское понимание природы государства:

"Несомненно, — писал Сталин во время северного похода Чан-Кай-Ши, — что в новых освобожденных провинциях будет создаваться новая власть по типу кантонской власти... И вот задача коммунистов и вообще (?) революционеров Китая состоит

в том, чтобы п р о н и к а т ь в а п п а р а т н о в о й в л а с т и, сближать этот аппарат с крестьянскими массами и помогать крестьянским массам ч е р е з э т о т а п п а р а т удовлетворить свои насущные требования..." ("О перспективах революции в Китае", с.52, разрядка моя).

Власть есть "аппарат", в который надо проникать, который надо сближать, через который надо действовать. Одно только не сказано: аппаратом к а к о г о к л а с с а является данная власть? Между тем только с этого вопроса и начинается марксизм. Для марксиста ясно, что пролетариату бессмысленно стремиться проникать в аппарат буржуазной диктатуры и что крестьянство ни в каком случае не может "через этот аппарат удовлетворить свои насущные потребности". В приведенных словах Сталина повторяющих претворение и развитие его взглядов 1917 года, дано наиболее законченное выражение мелкобуржуазно-демократического понимания природы государства.

Когда Бухарин говорил о врастании кулака в социализм через "аппарат" советского государства, то он только подходил к той же сталинской формуле с другого конца. Если сам Сталин не давал этой формулировки, то политика его проникнута ею насквозь.

Марксистское определение государства как машины классового угнетения, признаваемое по традиции на словах, во всех важных и критических случаях заменяется демократическим понятием государства как аппарата классового сотрудничества. Именно такое материально-опустошенное понимание государства составляет источник сталинской религии аппарата.

23 апреля 1920 года московская организация партии праздновала пятидесятилетие Ленина. Праздник был очень скромный, интимный, причем Ленин появился только на короткое время, решительно отказавшись слушать хвалебные речи, которые произносились в его честь. Среди десятка ораторов был и Сталин. Темой своей речи он, совершенно неожиданно для всех, выбрал ошибки Ленина — тему, малоподходящую к юбилейному торжеству, но очень характерную для Сталина. Его собственные ошибки в 1917 году были еще слишком свежи в памяти; и он чувствовал внутреннюю потребность напомнить партии, что и

Ленин не безгрешен. Речь, в высшей степени нескладная и угловатая, исходила из "скромности" Ленина, из его готовности признавать свои ошибки.

Что руководило Сталиным — трудно сказать. Во всяком случае, речь показалась всем настолько несообразной, что в "Правде" и в "Известиях" на следующий день, 24 апреля, было сказано только: "Товарищ Сталин сообщил несколько эпизодов из прошлой совместной дореволюционной работы". И только.

К 50-летию Ленина Сталин написал общую статью "Ленин как организатор и вождь РКП". Статья интересна тем, что показывает, чему именно Сталин учился и хотел учиться у Ленина. Теоретическая и литературная ценность статьи очень невелика. Достаточно сказать, что статья открывается с такого утверждения: "В то время как на Западе, во Франции, в Германии, рабочая партия вышла из профессиональных союзов в условиях существования союзов и партий... в России, наоборот, образование пролетарской партии происходило при жесточайшем абсолютизме..." Партия вышла из профессиональных союзов Великобритании. Неверно будто она вышла из профессиональных союзов во Франции. Чудовищно утверждение, будто она вышла из профессиональных союзов в Германии. Наоборот, в Германии партия строила профессиональные союзы. Одна эта фраза показывает, что история европейского рабочего движения оставалась для Сталина в 1920 г., как остается и ныне, книгой за семью печатями.

Интерес статьи в том, что Сталин на первое место не только в заглавии, но и во всей своей концепции ставит Ленина как организатора и лишь на второе место как политического вождя. "Величайшая заслуга т.Ленина", которую Сталин ставит на первое место, это "его бешеная атака против организационной распущенности меньшевиков". Достоинство организационного плана Ленина состояло в том, что он "мастерски обобщал организационный опыт лучших практиков". "Только в результате такой организационной политики могла создать себе партия то внутреннее единство и поразительную сплоченность, обладая которыми она безболезненно вышла из июльского кризиса при Керенском и вынесла на своих плечах Октябрьское восстание, без потрясений пережила кризис брестского периода, организовала победу над Антантой и пр. ..."

Только после этого Сталин говорит: "Но организационные достоинства РКП представляют лишь одну сторону дела". Дальше он говорит о политическом содержании работы партии, об ее программе и тактике. Вряд ли будет преувеличением сказать, что никакой другой марксист, особенно русский марксист, не построил бы так оценку Ленина.

Организационные вопросы являются не фундаментами политики, а выводом, кристаллизацией теории, программы и тактики. Однако Сталин не случайно в основу кладет организационный рычаг. Вторая часть статьи, касающаяся программы и политики, является для него в сущности орнаментом над организационным фундаментом.

В этой статье интересно и то, что Сталин едва ли не в последний раз более или менее правильно формулировал еще совершенно свежие тогда взгляды большевизма на роль пролетарской партии в условиях буржуазно-демократической революции нашей эпохи. Издеваясь над меньшевиками, Сталин писал, что для них, плохо переваривших историю старых революций, "пролетариат не может быть гегемоном русской революции; руководство должно быть предоставлено русской буржуазии, той самой, которая против революции; крестьянство так же должно быть предоставлено попечению буржуазии, а пролетариату следует оставаться в положении крайне левой оппозиции. Эти пошлые перепевы плохоньких либералов выставлялись меньшевиками как последнее слово подлинного марксизма!.."

Замечательно, что уже чрезе три года Сталин применил слово в слово, буква в букву эту концепцию меньшевиков по отношению к Китайской буржуазно-демократической революции, а затем с несравненно большим цинизмом в Испанской революции в 1931-1939 гг. Такой чудовищный поворот был бы совершенно невозможен, если бы Сталин в свое время действительно усвоил и продумал до конца ленинскую концепцию революции. Но этого не было. Сталин усвоил в примитивном виде только ленинскую концепцию централизованного аппарата. Когда он овладел этим аппаратом, теоретические предпосылки оказались для него по существу безразличными и он, согласно всей своей натуре, своему прошлому, своему социальному происхождению, своему воспитанию, естественно, тяготел к мелкобуржу-

азной концепции, к оппортунизму, к соглашательству. Если в 1917 г. ему не удалось осуществить объединение с меньшевиками, Ленин помешал ему, то в Китайской революции он полностью осуществил под знаменем большевизма меньшевистскую концепцию, но он применял ее при помощи мер организационного доверия, т.е. при помощи того самого аппаратного централизма, в котором он видел сущность большевизма. С еще большей законченностью, поистине убийственной, та же политика была осуществлена в Испанской революции.

Если, таким образом, статья Сталина о Ленине, переиздававшаяся с того времени бесчисленное количество раз на всех языках, крайне упрощенно, односторонне характеризует Ленина, то зато она дает ключ для всей политики Сталина.

В статье "Ленин как организатор и вождь РКП" есть интересные строки, в известном смысле автобиографические: "Не редко наши товарищи (не только меньшевики) обвиняли т.Ленина в чрезмерной склонности к полемике и расколу, в непримиримой борьбе с примиренцами и пр. Несомненно, и то и другое имело место в свое время..." В 1920 г. Сталин все еще считается несклонным к чрезмерной полемике и к расколу, как он считал в 1913 г. В дальнейших строках он оправдывает Ленина, не снимая, однако, обвинения в преувеличениях, чрезмерности, оправдывая тем свою позицию в 1913 г.

У Сталина выходит, что он расходился с Лениным только в тех случаях, когда... Ленин был неправ: отказ от лозунга Советов после июля 1917 года, и подготовка Октябрьского восстания. Сталин нашел в позднейшие годы Ленина, как средневековые схоласты нашли Аристотеля, или католики — Фому Аквинского. Ленин ему нужен был как опора для собственной слишком эмпирической и потому неуверенной в себе мысли.

В своей статье, говоря о "плане Ленина" в 1905-1914-1917 гг. Сталин пишет: "Достоинство этого плана состояло в том, что он, прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе зародыш натуры пролетариата". Эта мысль, несомненно, правильна. Непримиримая классовая позиция большевистской партии исключала возможность демократической диктатуры,

которая не имела опоры в социальных условиях и неизбежно вела к диктатуре пролетариата. В этом смысле правильно. Но это правильное указание разрушает в корне позицию и толкование, будто концепция большевиков включала в себя не в зародыше, а в развернутом виде, не только социалистическую революцию, но и построение социализма в отдельной стране. Отношения Ленина со Сталиным официально характеризуются, как тесная дружба. На самом деле эти две фигуры были отделены не только десятью годами, но и размерами личности. О дружбе между ними не могло быть и речи. Ленин, несомненно, стал ценить Сталина как смелого и решительного практического организатора в годы реакции (1907—1913), со времени кавказских экспроприаций. Если в годы революции Сталину не хватало качеств вождя, то в годы реакции он зато обнаружил качества упорного профессионального революционера. Он принадлежал не к тем многочисленным тысячам, которые в тот период дезертировали из партии, а к тем немногим сотням, которые оставались в ее рядах.

Но в годы советского режима Сталин все больше отталкивал Ленина своей грубостью и нелояльностью.

На 11 съезде Ленин еще делает попытку взять Сталина под защиту. Боясь дальнейшего развития своей болезни, он всячески избегает конфликтов. Он надеется еще урегулировать руководство при помощи соглашения, в частности, своего собственного соглашения со Сталиным. Отсюда его ответ Преображенскому: "Сталин занят кучей дел".

С другой стороны, Сталин с тех пор, как он соприкоснулся с Лениным, т.е. особенно после октябрьского переворота, не выходил из состояния глухой, беспомощной, но тем более раздраженной оппозиции к нему. При его завистливом честолюбии он не мог не чувствовать на каждом шагу подавляющий интеллектуальный и моральный перевес Ленина. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамильярности отношений. Но он отталкивал меня теми же чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков,

не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию миросозерцанием. По некоторым разрозненным его замечаниям, которые мне в свое время казались случайными, но вряд ли были такими на деле, Сталин пытался найти во мне поддержку против невыносимого для него контроля со стороны Ленина. При каждой такой его попытке я делал инстинктивный шаг назад и проходил мимо. Думаю, что в этом надо искать источник холодной, на первых порах трусливой и насквозь вероломной вражды ко мне Сталина. Он систематически подбирал вокруг себя людей, схожих с ним по типу, либо простаков, стремившихся жить не мудрствуя лукаво, либо, наконец, обиженных. И тех, и других, и третьих было немало.

После первого приступа болезни Ленин возвращается к работе 2 октября 1922 г. В первые недели Ленин делает попытку согласовать свою работу с секретариатом. В национальном вопросе он пытается даже поддержать авторитет Сталина и Орджоникидзе против грузинской оппозиции. 21 октября 1922 г. он резкой телеграммой отвечает на чрезвычайно горячий в южном стиле написанный протест оппозиции против Орджоникидзе и Сталина.

С теми и другими колебаниями эти отношения тянулись до болезни Ленина, когда они превратились в прямую борьбу и закончились полным разрывом: накануне второго удара Ленин написал Сталину коротенькое письмо о прекращении с ним всяких личных и товарищеских отношений.

Наиболее верных соратников, первых своих соратников, Сталин нашел в Орджоникидзе и Дзержинском. Оба они находились в своем роде под опалой Ленина. Орджоникидзе при несомненной воле, мужестве и твердости характера был человеком по существу малокультурным и не способным к контролю над собой. Пока он был революционером, его мужество, решительное самоотвержение перевешивали. Но когда он стал высоким чиновником, то на первое место выступили необузданность и грубость. Ленин, который очень тепло относился к нему в прошлом, все больше отстранялся от него. Орджоникидзе чувствовал это. Дело закончилось тем, что Ленин предложил исключить Орджоникидзе на год, два из партии за злоупотребление властью.

Между Лениным и Дзержинским также произошло охлаждение. Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его. Но его качеств не всегда хватало для тех задач, которые ложились на него. Он был неизменным членом ЦК, но в эпоху Ленина не могло быть и речи о включении его в Политбюро. В 1921 или, может быть, 1922 году Дзержинский, крайне самолюбивый, жаловался мне с нотой покорности к судьбе в голосе, что Ленин не считает его политической фигурой. Я старался, разумеется, как мог, рассеять это впечатление. "Он не считает меня организатором, государственным человеком", — настаивал Дзержинский. — "Из чего вы это заключаете?" — "Он упорно отказывается принять мой доклад как народного комиссара путей сообщения". Ленин, видимо, не был в восторге от работы Дзержинского на этом посту.

Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова. Он привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью, но не своим методом. Для приведения в порядок путей сообщения этого было явно недостаточно. В 1922 году Орджоникидзе и Дзержинский чувствовали себя неудовлетворенными и в значительной мере обиженными. Сталин немедленно подобрал обоих.

Ленин иногда говорил, что в этой мелкобуржуазной стране, в этой партии с подавляющим большинством непроверенных членов при низкой культуре, старая гвардия большевизма, воспитанная на марксистской доктрине и интернациональном опыте, держится только благодаря огромному авторитету, завоеванному в Октябрьской революции, и благодаря несокрушимому единству своих рядов. Позже Ленин внимательно критиковал и комментировал слова Устрялова о том, что старое поколение выбывает из строя в силу естественных причин и открывает, таким образом, возможность новым социальным тенденциям. Слова Ленина, сказанные во время его болезни, Зиновьев однажды сформулировал частным образом в следующей парадоксальной форме: "Наша марксистская партия при отсутствии мировой революции держится на честном слове". То исключительное внимание, которое Ленин проявлял к здоровью и жизненным

условиям каждого старого большевика, диктовалось не только чувствами товарищества по отношению к старым соратникам, но и чисто политической заботой по сохранению важнейшего партийного капитала. Он многое предвидел. Но ему не могло прийти в голову, что этот капитал будет планомерно разрушен Сталиным, одним из соратников Ленина.

При подготовке 12 съезда партии, во время болезни Ленина, Сталин оставался в партии совершенно неизвестной величиной. Щекотливым вопросом был вопрос о том, кто сделает вступительный политический доклад, который с основания большевистской партии, составлял естественную обязанность Ленина. За два месяца до съезда стало очевидно, что Ленин, даже если и оправится, не сможет делать вступительного доклада. Политбюро обсуждало вопрос по подготовке съезда и докладов. "Политический доклад сделает т.Троцкий", — сказал первым Сталин. Я не хотел этого, так как мне казалось, что это равносильно тому, как если бы я ставил свою кандидатуру на роль заместителя Ленина, который боролся в это время с тяжкой болезнью. Я ответил приблизительно так: "У нас теперь интерим. Будем надеяться, что Ленин поднимется. А пока доклад должен сделать по должности генеральный секретарь. Это не даст никаких поводов к толкованию. К тому же у нас есть с вами серьезные разногласия по хозяйственным вопросам, и здесь я в меньшинстве". — "А вдруг никаких разногласий не окажется?" — спросил Сталин, давая понять, что он готов далеко идти на уступки, т.е. заключить гнилой компромисс. В диалог вступил Калинин: "Какие разногласия?, — спросил он. — На Политбюро всегда проходят ваши предложения". Я продолжал настаивать на докладе Сталина. "Ни в каком случае, — отвечал он с демонстративной скромностью, — партия этого не поймет, доклад должен делать наиболее популярный член ЦК".

Авторитет руководства, личный авторитет Ленина, все это составляло авторитет Центрального Комитета. Принцип личного вождизма совершенно не был известен партии. Она выделяла в руководстве отдельные наиболее популярные фигуры, окружала их доверием и восхищением, но привыкла знать, что руковод-

ство исходит из Центрального Комитета. Эта традиция сыграла в руках тройки огромную роль, она противопоставила Центральный Комитет личному авторитету. Об этом рассказывает Бармин: "Каковы бы ни были наши колебания и сомнения, чувство верности партии в конце концов одерживало верх над критической мыслью".

Здесь, естественно, встает вопрос о роли авторитета в политической партии, в том числе и в революции. Во всякого рода маленьких сектах, где имеются свои дешевые башки, можно нередко слышать отрицание авторитарного принципа, противопоставление ему абстрактного принципа демократии. Что революционная партия может быть только демократическая, т.е. решать по большинству голосов, этот вопрос не подлежит даже обсуждению. Но это вовсе не исключает роли авторитета, в котором выражается опыт и выводы прошлых столкновений, трений, боев и поражений. Авторитеты создаются с такой же железной неизбежность, как и формируется самое сознание партии. Проверенные опытом авторитетные вожди означают огромную экономию сил для партии, ибо в случаях сомнения, колебания, неясности их слово вызывает удвоенное и удесятеренное внимание к себе и рассеивает многие недоразумения и ошибки без трений, без потери времени. Наконец, в условиях, когда необходимо немедленное действие, без предварительного обращения к партии, без обсуждения и голосования, только такого рода авторитетные вожди имеют возможность в критический момент взять на себя ответственность за решение, от которого иногда зависит судьба партии. Такую смелость дает им уверенность в том, что партия, оценив после опыта обстановку и условия, одобрит их инициативу.

Тем не менее, несомненен и тот факт, что авторитет вождей создает не только экономию в процессе партийного мышления и борьбы, но и тормозит нередко критическую мысль партии, создает априорное доверие к тем руководящим органам, откуда исходит авторитетный голос. При известных условиях привычка партии к авторитетному руководству может повернуться своим острием к самой партии. Выход отсюда, разумеется, не в голом отрицании авторитета, ибо процесс, который мы анализируем, есть по самой сути своей органический процесс и заключает в себе неизбежные жизненные противоречия, которые можно

преодолеть только такими действиями, которые, в свою очередь, выдвинут новые авторитеты.

В конце концов, этот процесс знаменателен не только для революционной борьбы; мы наблюдаем его в той или другой степени во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в науке. Дарвин поднял естествознание на новую высоту, но его влияние имело не отрицательные последствия, хотя бы, скажем, в виде попыток механического перенесения законов борьбы за существование и пр. в область социальных явлений.

Все это показывает лишь, что в вопросе о роли авторитета в революционной политике необходимо подходить не рационалистически, а диалектически. Бывают условия, при которых авторитет играет огромную прогрессивную роль и способен обеспечить победу или, по крайней мере, чрезвычайно ускорить и облегчить ее. Но воспитанное этой победой, грандиозностью ее, доверие к руководству как таковому, может при неблагоприятных условиях стать тормозом дальнейшего развития. Совершенно смешны, несерьезны резонеры, которые хотят иметь розу без шипов, революцию без эксцессов и без опасностей реакции, авторитетное руководство без опасности злоупотребления авторитетов и т.д. Превентивных средств против противоречий развития не существует.

С вопросом об авторитете руководства, о незыблемости этого авторитета тесно связан был вопрос о единстве партии, разрыв в которой мог произвести кризис режима в пользу контрреволюции. "Этот аргумент, — пишет Бармин, — служил без конца против всех оппозиций и в конце концов сыграл решающую роль в гибели последних сотрудников борьбы Ленина".

Тот же Бармин совершенно правильно говорит, что борьба между теорией перманентной революции и теорией построения социализма в отдельной стране отражала два состояния сознания: "одно активного революционализма, другое — отступления на домашние позиции после поражения".

Бармин рассказывает, как он взялся в годы гражданской войны за изучение восточных языков, чтобы стать в Азии революционным агитатором и организатором. "Но события замедлились и вместо того, чтобы подготовлять тайную революционную борьбу, полную опасности и интереса, я оказался занят под-

готовкой консульской карьеры... Вместо того, чтобы быть агитатором или организатором восстания, я буду чиновником".

Несомненно, что Сталину свойственна личная физическая жестокость, то, что называется обычно садизмом. Во время заключения в бакинской тюрьме сожитель Сталина по камере предался однажды мечтам о революции. "Крови тебе захотелось?" — спросил неожиданно Сталин, который тогда еще назывался Коба. Он вынул спрятанный за голенищем сапога нож, высоко поднял штанину и нанес себе глубокий порез: "Вот тебе кровь".

У себя на даче, ужа став высоким советским сановником, он развлекался тем, что резал лично баранов. Каменев рассказывал, что, выезжая по субботам в Зубаловку на отдых, Сталин прогуливался по лесу и все время забавлялся стрельбой, пугая местное население. Или еще он очень любил обливать керосином муравьиные кучи и поджигать их. Таких рассказов о нем, исходящих от непосредственных наблюдателей, существует очень много. Но людей с такими склонностями на свете немало. Понадобились особые исторические условия, чтобы эти темные инстинкты природы нашли столь чудовищное развитие.

Сталин систематически развращал аппарат. В ответ аппарат разнуздывал своего вождя. Те черты, которые позволили Сталину организовать величайшие в человеческой истории подлоги и судебные убийства, были, конечно, заложены в его природе. Но понадобились годы тоталитарного всемогущества, чтобы придать этим преступным чертам поистине апокалиптические размеры.

Несомненно, что с тех пор, как он оказался на вершине власти, им владеет неуверенность, ему вообще несвойственная, но все усиливающаяся. Он сам слишком хорошо знает свое прошлое, несоответствие между амбицией и личными ресурсами, ту третьестепенную роль, которую он играл во все ответственные критические периоды и собственное его возвышение кажется ему, не может не представляться ему результатом не только собственных упорных усилий, но и какого-то странного случая, почти исторической лотереи. Самая необходимость в этих гиперболических похвалах, в постоянном нагромождении лести есть безошибочный признак неуверенности в себе. В повседневной

жизни в течение лет он мерил себя в соприкосновении с другими людьми, он не мог не чувствовать их перевеса над собой во многих отношениях, а иногда и во всех. Та легкость, с какой он справился со своими противниками, могла в течение известного короткого периода создать у него преувеличенное представление о собственной силе, но в конце концов должна была при встрече с новыми затруднениями казаться ему необъяснимой и загадочной. На лицах всех представителей старого поколения большевиков он видел или чувствовал ироническую улыбку. Здесь — одна из причин его ненависти к старой большевистской гвардии. Он живет с опасением, не появится ли какой-либо новый, неожиданный комплекс обстоятельств со знаком минус, который сбросит его вниз.

С известного момента его возвышения обнаруживается загадочный и тревожный автоматизм. Невозможно, однако, ограничиваться общей фразой о том, что его "подняла" к власти революция, ибо в те годы, когда революция была революцией, Сталин оставался в глубокой тени. Если назвать его наследником революции, в том смысле, в каком это определение укрепилось за первым Бонапартом, то загадкой остается: какие именно черты его личности дали ему право на эту роль? В Наполеоне серым был только его походный сюртук; вся остальная фигура поражает и сейчас богатством красок. Наоборот, вся фигура Сталина окрашена в серый цвет. Если что поражает в его писаниях и речах, то ординарность содержания и банальность формы. Кажется, что истории не за что было уцепиться в этой фигуре, чтоб поднять ее вверх.

Главная черта Сталина — осторожность. Будучи лично человеком не трусливым, он в больших вопросах проявляет крайнюю робость. Достаточно напомнить, что в день Октябрьского переворота он вовсе сошел со сцены. Он не появлялся в штабе восстания и не принимал в событиях того большого дня никакого участия, это видно из точных официальных протоколов Центрального Комитета. Не потому, что он боялся личного риска, а потому, что он не верил в успех восстания и хотел оставить за собой свободные руки для того, чтобы отойти в сторону и обвинить других. Такова его позиция перед большими событиями всегда и вообще. Он принимает участие тогда, когда нельзя не

принять участия и когда успех обеспечен объективной обстановкой.

Хитрость Сталина, по существу, очень груба и рассчитана на примитивную мысль. Эта хитрость не могла бы быть победоносной без стоящего за нею аппарата, который связан не доверием к хитрости, а материальными интересами. Если рассматривать, например, московские процессы в целом, то они поражают грубостью замысла и выполнения. С одной стороны, из тысяч людей многие устранены, ликвидированы, сосланы в качестве возможных враждебных свидетелей. Очевидно, у организатора всего предприятия была надежда заткнуть все дыры и щели, создать герметическую или, говоря более новым термином, тоталитарную обстановку для самого гигантского подлога мировой истории. Истребление возможных свидетелей составляло в течение долгого периода важнейшую часть государственной деятельности Сталина. Однако свидетельская замена дипломатического корпуса, грандиозное по размерам и по жестокости, произведена была под этим же углом зрения. Тем не менее она ничего не предотвратила. Из заграничной агентуры дипломатической, как и полицейской, выдвинулось несколько фигур исключительного значения: Игнатий Рейсс, Кривицкий, Бармин, Раскольников и некоторые другие. Их показания свели на нет всю работу по истреблению дипломатического корпуса.

Конструкция подлога отличалась чрезвычайной грубостью, расчетом на непосредственный эффект и не выдержала сколько-нибудь внимательного прикосновения фактов.

Сталин не умен в подлинном смысле слова. Все низшие стороны интеллекта (хитрость, выдержка, осторожность, способность играть на худших сторонах человеческой души) развиты в нем чудовищно. Чтобы создать такой аппарат, нужно было знание человека и его потайных пружин, знание не универсальное, а особое, знание человека с худших сторон и умение играть на этих худших сторонах. Нужно было желание играть на них, настойчивость, неутомимость желания, продиктованная сильной волей и неудержимым, непреодолимым честолюбием. Нужна была полная свобода от принципов и нужно было отсутствие исторического воображения. Сталин умеет неизмеримо лучше

использовать дурные стороны людей, чем их творческие качества. Он циник и апеллирует к цинизму. Он может быть назван самым великим деморализатором в истории.

Именно эти стороны характера — при определенных исторических условиях — обеспечили Сталину его нынешнее положение. При исключительном, поистине дьявольском честолюбии и столь же исключительной воле он отличался общей посредственностью умственных качеств. Из этого основного противоречия — флегматичности натуры— выросла осторожность, вкрадчивость, хитрость, получившие в свою очередь сверхестественное развитие. Мы имеем здесь ту сверхкомпенсацию, которая нередко в биологическом мире заполняет органическую слабость. Отсюда же из этого противоречия, которое через всю его жизнь проходило взялась и зависть — внутренняя не заживающая рана — и ее молочная сестра — мстительность.

Осетины известны своей мстительностью. У них сохранялись еще, по крайней мере, в годы юности Сталина, обычаи кровавой мести из рода в род. Сталин перенес этот обычай в сферы высокой политики. Говорят, у хеврусов существовал такой обычай кровавой мести. Если хеврусы хотели кому-либо мстить, они бросали на могилу родственников своих врагов дохлую кошку. Сталин, когда пришел к власти, все свои обиды, огорчения, ненависти и привязанности перенес с маленького масштаба провинции на грандиозные масштабы страны. Он ничего не забыл. Его память есть прежде всего злопамятство. Он создал свой пятилетний и даже десятилетний план мести (процессы).

Его отношение к людям было неизменно окрашено недоброжелательством и завистью. Он уже с этого времени стал отмечать тех, которые намеренно или по невниманию наступали ему на ноги. Его честолюбие переплеталось с мстительностью. Уже в духовной семинарии, он в борьбе с монахами, в борьбе с соперниками среди воспитанников научился подмечать слабые стороны людей, чтобы бить противника в слабые места. В среде южан-кавказцев, быстро воспламеняющихся, но и быстро остывающих, восприимчивых, нередко мягких и сентиментальных, он научился сознавать свои преимущества — осторожность, хитрость и холодную выдержку.

Мстительность есть наряду с честолюбием величайшая пружи-

на действий Сталина. Даже в заключении советско-германского пакта, в условиях, как он был подготовлен, видно желание отомстить. Союз с Гитлером давал Сталину удовлетворение того чувства, которое господствует у него над всеми другими: чувства мести. Вести переговоры с наци во время присутствия в Москве дружественных военных миссий Франции и Англии, обмануть Лондон и Париж, возвестить неожиданно пакт с Гитлером — во всем этом ясно видно желание унизить правительство Англии, отомстить Англии за те унижения, которым оно подвергло Кремль в период, когда Чемберлен развивал свой неудачный роман с Гитлером.

Даже тот факт, что советские войска вошли 20 сентября 1939 года в Лемберг (Львов), вошел, несомненно, в сознание Сталина вместе с той наудачей, которую Сталин потерпел 19 лет тому назад.

Честолюбие Сталина ожесточилось после ряда неудач и долгого ожидания. Он открыто ставит свою кандидатуру на первое место в партии и государстве с 1929 г., когда он читает впервые на Четырнадцатом съезде политический доклад. Ему 47 лет. На съезде во время доклада он имеет вид экзаменующегося новичка. Он делает грубые ошибки, о которых шушукаются в кулуарах. Но аппарат уже безраздельно в его руках. Он диктатор. Страна этого не знает. Аппарату поручается сообщить ей об этом.

Поразительное дело. К моему секретариату Сталин относился почти с ужасом и с невыразимой ненавистью. Ему казалось, что если я пишу, полемизирую, возражаю, то благодаря содействию преданного секретариата, что если у меня отнять этот маленький аппарат, то я окажусь за границей совершенно бессилен. Всех моих секретарей постигла трагическая судьба. Глазмана довели уже в 1924 г. до самоубийства. Инженер Бутов в 1928 г. ответил голодовкой в тюрьме на требование дать против меня какие-либо показания. Он голодал 60 дней и умер. Сермукс и Познанский оставались во время моей высылки за границу в ссылке, затем попали в одну из суровых тюрем и с того времени исчезли из оборота.

Честолюбие Сталина приняло некультурные, азиатскиее формы, помноженные на европейскую технику. Ему нужно, чтоб печать каждый день отпечатывала его портреты, говорила о нем,

печатала его имя жирным шрифтом, причем даже чиновники телеграфа знают, что нельзя принимать на имя Сталина телеграмм, в которых он не называется отцом народов или великим и гениальным учителем. Роман, опера, кинематограф, скульптура, сельскохозяйственная выставка — все это должно вращаться вокруг Сталина, как вокруг оси. Литература и искусство сталинской эпохи войдут навсегда в историю как образцы непревзойденного византизма.

Великие люди всегда больше того, что они совершили. О Сталине этого ни в коем случае нельзя сказать. Если его оторвать от его дела, то от него не останется ничего. Нужно было, чтоб тот или иной вопрос затронул лично его; тогда он способен был сделать все заключения, тогда у него появлялась изощренная проницательность и своего рода смелость мысли. Там же, где речь шла о больших исторических задачах, отражавших движение классов, он оставался удивительно нечуток, безразличен, брал формулы крайне абстрактно (эмпирики склонны к такому абстрактному подходу).

Память — зеркало интеллигента и даже характера в целом. Хорошей и плохой памяти нет. Есть память хорошая в одном отношении, плохая — в другом. Она отражает духовный интерес, общее направление способностей, умственный склад. Память имеет волевой характер. Память Сталина эмпирична. Он очень плохо передает содержание идей, логических систем, теоретических дискуссий. Но он запоминает все, что выгодно или невыгодно для него. Его память есть прежде всего злопамятство.

Правда, Пестковский пишет еще и о терпимости Сталина:

"Я работал бок о бок со Сталиным около 20 месяцев, и все это время я принимал участие в разных оппозициях... Тем не менее Сталин относился ко мне с величайшим терпением. ...Вследствие моей ложной линии он не давал мне руководства работой среди восточных национальностей. Это руководство он сохранил за собой, а я работал среди национальностей запада".

Слова о величайшем терпении или, вернее, терпимости Сталина звучат несколько неожиданно в свете позднейших событий. Нужно отметить, что в тот период вообще считалось недопустимым смещать или перемещать членов партии только потому, что они находятся в оппозиции.

Мы проследили его деятельность на протяжении политического периода, с необходимой полнотой, останавливаясь даже на деталях. Он начал эволюционный период с приспособления к буржуазному общественному мнению. Он пассивно отступил перед Лениным, который выражл непреодолимый, исторический натиск массы. Он приспособлялся к политике Ленина без инициативы и без внутренней уверенности. В самые критические периоды он выполнял работу, которую мог бы выполнить с таким же успехом, всякий другой член большевистского штаба. В критические дни и наиболее критические часы вообще нельзя найти следов Сталина. Если бы он исчез на второй день после победы большевиков, история бы вообще не запомнила его имени. В этом выводе, читатель согласится с нами, нет никакой предвзятости, он основан на самом тщательном и объективном анализе фактов. В характере Сталина были, разумеется, исключительные черты уже и тогда. Но они при отсутствии других необходимых качеств не находили себе выражения. Он казался, или в известном смысле был, серой посредственностью. Нужны были новые исключительные условия, чтоб дать исключительным чертам его характера исключительное выражение. Эти исключительные условия создал государственный аппарат в эпоху политической реакции. Политическая реакция наступила после величайшего напряжения, переворота и гражданской войны. Те черты, которые проходят через всю жизнь Сталина: упорство характера, хитрость, узость кругозора, беспощадность в отношении к противникам — позволили ему стать сперва полусознательным, затем сознательным орудием новой советской аристократии, и они побудили эту аристократию увидеть, признать в Сталине своего вождя.

Бюрократия стремилась скинуть с себя суровый контроль. Она уважала Ленина, но слишком чувствовала на себе его пуританскую руку. Она искала вождя по образу и подобию своему, первого среди равных. О Сталине они говорили (Серебряков): "Сталина мы не боимся. Если начнет зазнаваться — снимем его". Перелом в жизненных условиях бюрократии наступил со времени последней болезни Ленина и начала кампании против "троцкизма". Во всякой политической борьбе большого масштаба можно, в конце концов, открыть вопрос о бифштексе. Перспек-

тиве "перманентной революции" бюрократия противопоставляла перспективу личного благополучия и комфорта. В Кремле и за стенами Кремля шла серия секретных банкетов. Политическая цель их была сплотить против меня "старую гвардию".

В 1923 г., — пишет Бармин, — Центральный Комитет партии предоставил 20 мест офицерам, закончившим академию в новом доме отдыха в Марьине. "Когда я в первый раз вошел в большую столовую со сверкающими кристаллами под люстрами, буфетом, отягощенным фруктами, где голоса и смех распространяли отголосок радости, я не мог думать ни о чем, кроме размера лишений через которые мы прошли в последние годы". Это был, несомненно, со стороны Центрального Комитета первый шаг для предоставления исключительных привилегий наиболее важным группам бюрократии, прежде всего командному составу. По существу дела это был политический подкуп, важное орудие в той кампании, которая открывалась против главы военного ведомства.

Организация банкетов "старой гвардии" ложилась в значительной мере на Енукидзе. Теперь уж не ограничивались скромным кахетинским. С этого времени и начинается, собственно, то "бытовое разложение", которое было поставлено в вину Енукидзе тринадцать лет спустя. Самого Авеля вряд ли приглашали на интимные банкеты, где завязывались и скреплялись узлы заговора. Да он и сам не стремился к этому, хотя, вообще говоря, до банкетов был не прочь. Борьба, которая открылась против меня, была ему совсем не по душе, и он проявлял это, чем мог.

Енукидзе жил в том же Кавалерском корпусе, что и мы. Старый холостяк, он занимал небольшую квартирку, в которой в старые времена помещался какой-либо второстепенный чиновник. Мы часто встречались с ним в коридоре. Он ходил грузный, постаревший, с виноватым видом. С моей женой, со мной, с нашими мальчиками он, в отличие от других "посвященных", здоровался с двойной приветливостью. Но политически Енукидзе шел по линии наименьшего сопротивления. Он равнялся по Калинину. А "глава государства" начинал понимать, что сила ныне не в массах, а в бюрократии и что бюрократия — против "перманентной революции", за банкеты, за "счастливую жизнь", за Сталина.

Сам Калинин к этому времени успел стать другим человеком. Не то, чтоб он очень пополнил свои знания или углубил свои политические взгляды; но он приобрел рутину "государственного человека, выработал особый стиль хитрого простака, перестал робеть перед профессорами, артистами и, особенно, артистками. Мало посвященный в закулисную сторону жизни Кремля, я узнал о новом образе жизни Калинина с большим запозданием и притом из совершенно неожиданного источника. В одном из советских юмористических журналов появилась, кажется, в 1925 г. карикатура, изображавшая — трудно поверить! — главу государства в очень интимной обстановке. Сходство не оставляло места никаким сомнениям. К тому же в тексте, очень разнузданном по стилю, Калинин назван был инициалами, М.И. Я не верил своим глазам. "Что это такое?" — спрашивал я некоторых близких ко мне людей, в том числе Серебрякова (расстрелян в феврале 1937 г.). "Это Сталин дает последнее предупреждение Калинину". "Но по какому поводу? Конечно, не потому, что оберегает его нравственность. Должно быть, Калинин в чем-то упирается?" Действительно, Калинин, слишком хорошо знавший недавнее прошлое, долго не хотел признать Сталина вождем. Иначе сказать, боялся связывать с ним свою судьбу. "Этот конь, — говорил он в тесном кругу, — завезет когда-нибудь нашу телегу в канаву". Лишь постепенно, кряхтя и упираясь, он повернулся против меня, затем — против Зиновьева, и, наконец, еще с большим сопротивлением — против Рыкова, Бухарина и Томского, с которыми он был теснее всего связан своими умеренными тенденциями. Енукидзе проделывал ту же эволюцию, вслед за Калининым, только более в тени, и несомненно с более глубокими внутренними переживаниями. По всему своему характеру, главной чертой которого была мягкая приспособляемость, Енукидзе не мог не оказаться в лагере термидора. Но он не был карьеристом и еще менее негодяем. Ему было трудно оторваться от старых традиций и еще труднее повернуться против тех людей, которых он привык уважать. В критические моменты Енукидзе не только не проявлял наступательного энтузиазма, но, наоборот, жаловался, ворчал, упирался. Сталин знал об этом слишком хорошо и не раз делал Енукидзе предостережения. Я знал об этом, так сказать, из первых рук. Хотя и десять лет то-

му назад система доноса уже отравляла не только политическую жизнь, но и личные отношения, однако, тогда еще сохранялись многочисленные оазисы взаимного доверия. Енукидзе был очень дружен с Серебряковым, в свое время видным деятелем левой оппозиции, и нередко изливал перед ним свою душу. "Чего же он /Сталин/ еще хочет? — жаловал Енукидзе. — Я делаю все, чего от меня требуют, но ему все мало. Он хочет, чтобы я считал его гением..." (А в воспоминаниях 1929 г. очевидна попытка выдать Сталина за "гения".)

Чтобы крепче связать Енукидзе, Сталин ввел его в Центральную Контрольную Комиссию, которая призвана была наблюдать за партийной моралью. Предвидел ли Сталин, что сам Енукидзе будет привлечен за нарушение партийной морали? Такие противоречия, во всяком случае, никогда не останавливали его. Достаточно сказать, что старый большевик Рудзутак, арестованный по такому же обвинению, был в течение нескольких лет председателем Центральной Контрольной Комиссии, т.е. чем-то вроде первосвященника пратийной и советской морали. Через систему сообщающихся сосудов я знал в последние годы моей московской жизни, что у Сталина есть особый архив, в котором собраны документы, улики, порочащие слухи против всех без исключения видных советских деятелей. В 1929 г. во время открытого разрыва с правыми членами Политбюро, Бухариным, Рыковым и Томским, Сталину удалось удержать на своей стороне Калинина и Ворошилова только угрозой порочащих разоблачений. Так, по крайней мере, писали мне друзья в Константинополь.

Как только Сталин сосредоточил в своих руках партийные пружины в армии, он поспешил перевести Ворошилова из Северо-Кавказского военного округа в Москву, на место Муралова. Так он получил в Москве наиболее преданного ему военного командующего. Смерть Фрунзе открыла Ворошилову пост народного комиссара по военным делам. В 1925 г. работала еще комиссия по выработке устава строевой службы, назначенная мною в лице председателя Тухачевского и членов Якира, Уборевича, Примакова и Эльдемана. Это был цвет командного состава. Все они впоследствии были расстреляны.

Сталин всячески заигрывает перед армией, но он смертельно боится ее. В преддверии новой великой войны он открыл истре-

бительный поход против советского командного состава — факт небывалый в человеческой истории. Союз с Гитлером продиктован страхом — перед Гитлером и перед народом.

Гитлер создал свою собственную программу. Какое место "идеи" Гитлера занимают в истории человечества, — вопрос другой. Путь Сталина иной. Коммунистическую партию создали идеи Ленина. Эта партия завоевала власть. Аппарат этой партии сосредоточил власть в своих руках.

Я смотрю на фотографический снимок, на котором Сталин и Риббентроп пожимают друг другу руки. На лице Риббентропа больше уверенности. На лице Сталина за улыбкой кроется неуверенность и сконфуженность провинциала, который не знает иностранных языков и теряется при столкновениях с людьми, которым он не сможет приказывать, которые его не боятся.

Несомненно, что мысль о чистке в большевистской партии пришла Сталину в голову в связи с чисткой, учиненной Гитлером в 1934 г. И вообще, Сталин, лишенный творческого воображения, изобретательности, окруженный крайне серыми людьми, явно подражает Гитлеру, который импонирует ему своей изобретательностью и смелостью.

Вопрос о преемнике несомненно сильно занимает кремлевские круги. Первым кандидатом является по официальному положению Молотов. У него есть упрямство, ограниченность и трудолюбие. Последним качеством он отличается от Сталина, который ленив. Честолюбие Молотова исходит из его происхождения: оно стало разворачиваться после того, как он неожиданно для себя на буксире Сталина поднялся на большую высоту. Он пишет как старший канцелярист и так же говорит; к тому же он сильно заикается. Но он успел выработать большую административную рутину и знает, как играть на клавиатуре аппарата. (Вспоминается момент, осенью 1923 года, когда Сталин сильно колебался в отношении не в меру усердного Молотова: "Ну, чего тут говорить о Молотове, уберем его".)

В качестве кандидата в наместники называли также за границей ленинградского наместника Сталина, Жданова. Это новый человек без традиций сталинской школы, т.е. из категории административных ловкачей. Его речи, как и статьи, носят черты

банальности и хитрости. Если Сталин создал аппарат, то нельзя от него ждать собственной мысли. Если Сталин создан аппаратом, то Жданов создан Сталиным.

Вряд ли кто серьезно думает о Ворошилове, как о преемнике Сталина. Старый большевик, член Политбюро и глава армии, Ворошилов представляет все же декоративную фигуру, как и Калинин. Оба они усвоили обороты речи и жесты, отвечающие более или менее их положению. Ворошилов решительнее и тверже, Калинин гибче и хитрее. Оба лишены политической физиономии и в верхнем слое аппарата не пользуются авторитетом.

Нельзя так же видеть преемника и в Лазаре Кагановиче, который имеет главные качества сталинской школы: решительность, ограниченность, хитрость. Но в его лице, пожалуй, банальность нынешнего Политбюро находит свое законченное и вульгарное выражение. Вскоре после загадочной смерти Аллилуевой* Сталин женился на сестре Кагановича, в связи с чем последнему прочили высокую будущность. Брак, видимо, не продержался долго, по крайней мере, о нем ничего впоследствии не было слышно. Каганович за последние годы скорее спустился по лестнице иерархии на одну или две ступеньки. К тому же он еврей, что не согласуется с нынешним курсом Кремля. Но как ни интересен вопрос о преемнике, мы можем оставить его без рассмотрения. Нигде, ни в какой книге не сказано, что у Сталина будет преемник, и нигде не сказано, что Сталин доживет свою жизнь в качестве диктатора. История может изъять самый вопрос о преемнике с порядка дня.

* В самый разгар сплошной коллективизации, голода в деревне, массовых расстрелов, когда Сталин находился почти в полном политическом одиночестве, Аллилуева, видимо, под влиянием отца, настаивала на необходимости перемены политики в деревне. Кроме того, мать Аллилуевой, тесно связанная с деревней, постоянно рассказывала ей о тех ужасах, которые творятся в деревне. Аллилуева рассказывала об этом Сталину, который запретил ей встречаться со своей матерью и принимать ее в Кремле. Аллилуева встречалась с ней в городе, и настроения ее все укреплялись. Однажды на вечеринке, не то у Ворошилова, не то у Горького, Аллилуева осмелилась выступить против Сталина, и он ее публично обложил по матушке. Придя домой, она покончила самоубийством.

В Советском Союзе существует правящая иерархия, строго централизованная и совершенно независимая от так называемых Советов и народа. Подбор идет сверху вниз. Сталин имеет в своих руках власть абсолютного самодержца. Он подбирает себе Центральный Комитет партии, который он затем истребляет в промежутке между двумя съездами партии. То же происходит с членами партии между двумя съездами Советов. Съезды созываются тогда, когда Сталину и его клике необходимо санкционировать совершившийся факт. Бюрократия располагает огромными доходами не столько в денежном, сколько в натуральном виде: прекрасные здания, автомобили, дачи, лучшие предметы употребления со всех концов страны. Верхний слой бюрократии живет так, как крупная буржуазия капиталистических стран, провинциальная бюрократия и низшие слои столичной живут, как мелкая буржуазия. Бюрократия создает вокруг себя опору в виде рабочей аристократии; т.к. герои труда, орденоносцы и пр. все они пользуются привилегиями за свою верность бюрократии, центральной или местной. Все они пользуются заслуженной ненавистью народа.

Подавляющее большинство нынешней миллионной партии имеет смутное понятие о том, чем была партия в первый период революции, не говоря уже о дореволюционном подполье. Достаточно сказать, что 75-80% членов партии вступили в нее лишь после 1923 г. Число членов партии с дореволюционным стажем ниже 1%. Начиная с 1923 г., партия искусственно растворялась в полусырой массе, призванной играть роль послушного материала в руках профессионалов аппарата. Это разводнение революционного ядра партии явилось необходимой предпосылкой аппаратных побед над "троцкизмом".

ТЕРМИДОР

Для понимания русского термидора чрезвычайно важна партия как политический фактор, имеющий необъемлющие организации. Ничего похожего на большевистскую партию не было на арене французской революции. В эпоху Термидора во Франции были различные социальные группы, пользующиеся политическими группировками, которые выступали одна против другой во имя определенных социальных интересов. Термидорианцы громят якобинцев под именем террористов. Золотая молодежь поддерживает термидорианцев справа, угрожая и им самим. В России все эти процессы, конфликты и союзы прикрываются именем единой партии.

Ярче и убедительнее всего роль партии, раздувшейся до миллиона членов, обнаружилась в процессе так называемых чисток. Внешним образом одна и та же партия празднует победы; в начале советской власти и через 10 лет применяет одни и те же методы во имя одних и тех же целей: сохранения своей политической чистоты и своего единства. На самом деле роль партии и роль чисток переменилась радикально. В первый период советской власти старая революционная партия очищалась от карьеристов; сообразно с этим комитеты создавались из старых революционных рабочих. Выбрасывались за борт искатели приключений, карьеристы или просто мошенники, пытавшиеся в довольно большом числе прилипнуть к власти. Чистки последних лет, наоборот, направлены полностью и целиком против старой революционной партии. Организаторами чисток являются наиболее бюрократические и по своему типу наиболее низкопробные элементы партии. Жертвами чистки являются наиболее верные, преданные революционным традициям элементы и прежде всего ее старшие революционные поколения. Если в первый период пролетарская партия очищалась от худших элементов ее и буржуазии, то сейчас мелкобуржуазная бюрократия очищается от

подлинно-революционных пролетарских элементов. Социальный смысл чисток изменился в корне, но эта перемена прикрывается единой партией. Во Франции мы видели в соответственных условиях запоздалые движения мелкобуржуазных и рабочих предместий против верхов мелкой буржуазии, против средней буржуазии, представленной термидорианцами при помощи банд золотой молодежи. Даже эти банды золотой молодежи включены ныне в партию или в комсомол. Это полевые отряды, набранные из сынков буржуазии, из привилегированных молодых людей, готовых на самые решительные действия, чтобы отстоять свое привилегированное положение или положение своих родителей. Достаточно указать на то, что во главе комсомола в течение ряда лет стоял Косарев, который был признан морально разложившимся субъектом, злоупотреблявшим в личных целях своим высоким положением. Весь его аппарат состоял из людей того же типа. Это и есть золотая молодежь русского термидора. Она включена непосредственно в партию, и это маскирует ее социальную функцию как полевого отряда привилегированных против трудящихся и угнетенных.

Внутри партии создались особые ударные ядра, из карьеристов, проворовавшихся, из развращенных сынков бюрократии, из бесстыдных и циничных элементов, искавших личной мести и пр. Это и была золотая молодежь под фирмой комсомола или партии. На партийных собраниях эти ударные группы устраивали кошачий концерт оппозиционному оратору, срывали частные собрания оппозиции, занимались на собрании партии доносами и обличениями или просто коллективными ругательствами. В распоряжении этой золотой молодежи находились автомобили бюрократии, перебрасывавшие их с одного собрания на другое. Личные обиды, не оправдавшиеся карьерные мечты, все всплыло наверх, все искало реванша под знаменем борьбы за позицию.

Якобинцев предавали суду во всех городах Франции. Наиболее непокорных истребляли в тюрьмах, на них нападала золотая молодежь, многие были в масках и избивали заключенных. Сталинской бюрократии не было бы никакого труда организовать гнев народа. Но она в этом не нуждалась, наоборот, видела в таких хотя бы и заказанных сверху самочинных действиях опас-

ность для порядка. Избиение в тюрьмах, убийства, все это термидорианцы Кремля, могли совершать в строго-плановом порядке через ГПУ и его отряды. Те силы, на которые опирались французские термидорианцы, здесь были попросту включены в партию и в государственный механизм. Это было возможно благодаря тоталитарному характеру режима, который распоряжался всеми материальными средствами и силами нации.

Что характерно для термидора, это не только прямая измена многих якобинцев, но и крайний упадок духа у тех, которые внутренне оставались верны своему званию. Изолированные, чувствуя могущественные встречные движения и теряя уверенность в своих старых методах и идеях, якобинцы принимали покровительственную окраску, отмалчивались в критические моменты; и в Конвенте депутаты-якобинцы голосовали ногами, по советскому выражению, стремились уклониться от прямого своего мнения, когда Конвент принимал реакционное решение. По отношению к священникам многие термидорианцы оставались столь же враждебными, как и санкюлоты, их долго еше преследовали так же, как и до 9 термидора. Внешние якобинские обрядности вообще сохранялись. Календарь оставался революционный, церкви оставались посвященными верховному существу или даже разуму.

Якобинцы держались главным образом давлением улицы на Конвент. Термидорианцы, т.е. перебежчики-якобинцы, стремились к тому же методу, только с противоположного конца. Они начали организовывать хорошо одетых сынков буржуазии. Эта золотая молодежь или просто "молодые люди", как их благосклонно называла консервативная пресса, стали важным фактором в национальной лолитике. По мере того как якобинцы изгонялись из всех административных постов "молодые люди" занимали их места. Золотая молодежь не только нападала дубинами на якобинские клубы, но и делала активные всегда безуспешные попытки завоевать санкюлотов в лредместьях.

Советская золотая молодежь кричала: долой троцкизм, да здравствует ленинский Центральный Комитет, совершенно так же, как золотая молодежь термидора кричала: долой якобинцев, да здравствует Конвент. Термидорианский Конвент и не имел почти собственных сил, если не считать некоторых воору-

женных отрядов. Рельными силами в стране были якобинцы и открытая буржуазная реакция. Между санкюлотами и золотой молодежью шла открытая борьба, переходившая моментами в гражданскую войну. Термидорианцы опирались поочередно на тех и на других, давая, однако, заведомый перевес реакции.

"Помимо того, что сопротивление большинства Конвента слабело под давлением золотой молодежи, — пишет французский историк Лефевр, — оно еще расшатывалось светской жизнью, которая снова расцветала в салонах..." Эта светская жизнь получила большое политическое влияние. Период борьбы с троцкизмом был вместе с тем временем расцвета всякого рода секретных и полусекретных салонов и вообще своего рода светской жизни. Лефевр пишет: "Именно в салонах новые богачи, созданные революцией и нажравшиеся, благодаря спекуляции на бумажных деньгах, на национальных имуществах и военных поставках, начали смешиваться со старой буржуазией или с дворянами, чтобы образовать новую буржуазию, которая господствовала в 19-м столетии... Это был часто разношерстный мир, который группировался так же охотно среди какой-нибудь важной дамы, как и среди модных артисток... Так после всех великих испытаний, одни возвращались к привилегии, тогда как другие поглощались в бешенство удовольствия. Танцы особенно процветали... На политику салоны имели большое влияние. Туда стремились привлекать депутатов..."

Можно ли сердиться на это? Многие якобинцы и полуякобинцы чувствовали, что все члены тела у них как бы окоченели от слишком долгого периода лишений и воздержаний. Они стремились расправить члены. Большинство конвентов, чтоб доказать чистоту своих республиканских взглядов, постановило праздновать день "справедливой кары последнего короля французов". В ответ на это правая предложила и провела постановление праздновать день 9 термидора.

Эпоха террора простирается с 31 мая 1793 г., когда монтаньяры с помощью восстания, вызванного ими в Париже, изгнали из Конвента партию жирондистов, — до термидора, 27 июля 1794 г., т.е. до падения Робеспьера. Нет сомнения, что Робеспьер искренно желал иметь палачей с чистыми руками; и это желание

было одним из поводов к его ниспровержению. Но то была одна из иллюзий ученика "добродетельного Жан-Жака Руссо". Моральный кодекс Робеспьера был основан на "цинизме" или "патриотизме", т.е. на "подавлении всего, что ведет к концентрации человеческих страстей в мерзости личного я".

Самочинные проявления реакции пугали термидорианский центр, потому что за этими союзниками справа чуялось дыхание роялизма. Французский термидор, начатый якобинцами левого крыла, в конце концов превратился в реакцию против якобинцев в целом. Имя террористов, монтаньяров, якобинцев — стало поносным. В провинции срубали деревья свободы и попирали ногами трехцветную кокарду. В советской республике это было немыслимо. Тоталитарная партия включала в себя все элементы, необходимые для реакции, мобилизовала их под официальным знаменем революции. Партия не терпела никакой конкуренции даже в борьбе со своими врагами. Борьба против троцкистов не превратилась в борьбу против большевиков, потому что партия поглотила эту борьбу целиком, поставила ей известные пределы и вела ее якобы от имени большевизма.

Эпоха термидора характеризуется обыкновенно, как эпоха разнузданных нравов. Точно так же характеризуют и Советский Союз, особенно буржуазные моралисты. На самом деле в обоих случаях вели дело с предвзятым грубым преувеличением. Несомненно, в среде термидорианцев выскочки из бывших якобинцев, быстро богатевших, порвавших со своими идеалами, породнившихся или сблизившихся с буржуазией, нравы и, в частности, нравы женщин были весьма далеки от культанизма. Но это касалось, в сущности, низкого слоя. Широкие французские массы, не говоря уже о крестьянстве, но даже и массы мелкой и средней буржуазии, жили, в общем, унаследованными от прошлого нравами. То же самое приходится сказать и о Советском Союзе. "Распущенность нравов", которую изображали буржуазные моралисты, осталась преимущественно среди бюрократии. Причем на верхах этой бюрократии, где нравы были нисколько не лучше, находились наиболее строгие и беспощадные цензоры нравов по отношению к низшим слоям бюрократии, особенно к ее молодому поколению, которое компрометировало отцов в глазах народных масс. Таков источник той полосы бультанизма,

строгости нравов, культа семьи, который характеризует сталинскую бюрократию за последнее пятилетие.

Закон 4 Невоза 3-го года (24 декабря 1794 года) уничтожил максимум и регламентацию. Термидорианцы стремились явно обнаружить, идя навстречу буржуазно-общественному мнению, что они, по выражению Поаси дан Ля, отнюдь не хотят делать из Франции "монашеский орден". Реакционная молва термидора имеет свои внутренние головы. Массы примиряются с реакцией и со своим бессилием не сразу, предместья снова бросаются в центр. Санкюлоты пытаются приостановить реакцию и продолжить революцию. Так возникают дни Жерминаля и дни Прериаля. Но каждая такая новая попытка только убедительнее показывает массам их бессилие. Как продолжить революцию? В каком направлении? Что делать сейчас? Кем заменить сегодняшних хозяев положения? Вокруг активных санкюлотов образуется все более широкий полюс безразличия. Его размерами определяется глубина реакции.

Орбита советского термидора была еще более сложной. Недовольство масс прокладывало себе пути внутрь партии. Революционное крыло не хотело сдаваться. Вспышки оппозиции следуют одна за другой: 1923-1924 году, в 1926 году, в 1927 году. Как ни значительны по объему, не говоря уже о содержании, эти оппозиционные вспышки, они остаются по существу конвульсиями умирающей революции. Самой широкой и многозначительной была оппозиционная волна накануне юбилея революции в октябре-ноябре 1927 года. Тысячи, десятки тысяч рабочих прошли в Москве, в Ленинграде, отчасти в провинции через тайные и полутайные собрания, где выступали ораторы оппозиции. На этих собраниях еще жила атмосфера Октября. Однако более широкие массы не откликнулись. Эти собрания стали только прологом разгрома оппозиции.

Дни Прериаля имели решающее значение. Правительство подавило возмущение вооруженной силой и, таким образом, как бы сломило пружину революции. В первый раз с 1789 года армия ответила на призыв власти, чтоб расправиться с народом. Официальное отделение армии от народа закончило революцию и привело к победе Бонапарта.

Осенью 1927 года вооруженные силы ГПУ были применены,

хотя пока еще и без кровопролития, для ареста, роспуска революционных собраний, обысков у коммунистов, членов партии и пр. Нельзя забывать, что ГПУ принадлежало к партии, вышло из ее рядов, заключало в себе тысячи большевиков, прошедших через подполье и через гражданскую войну. Только теперь, в 1927 году, ГПУ окончательно превращалось в инструмент бюрократии против народа и против партии.

Во время празднования 7 ноября 1927 г. распространился слух, что оппозиция попытается манифестировать на улицах. ГПУ и милиция, т.е. полиция, еще не вмешивалась пока в эту борьбу, так как Сталин не решался пока апеллировать к ней. Группы, сформированные районными комитетами, были достаточны для этой задачи. 7 ноября в квартире одного из членов Центрального Комитета — оппозиционера, который вывесил на своем балконе портреты Ленина, Троцкого и Зиновьева, оппозиционеры подверглись разгрому.

На первый взгляд кажется, что термидорианцы не располагали внешней силой, отдельной от партии, как термидорианцы Франции в лице золотой молодежи. Но это была только внешняя видимость. Партия давно стала сложным социальным конгломератом.

Со времени учреждения второго комитета общественного спасения начинается переход власти, с одной стороны, к эбертистам, с другой — к Робеспьеру. Дантон недостаточно противодействовал этому переходу, часто находясь в отсутствии из Парижа и слишком рассчитывая на свою популярность. Термидор имел под собою социальную основу. Дело шло о хлебе, мясе, квартире, избытке, если возможно — роскоши. Буржуазное якобинское равенство, принявшее форму регламентации максимума, стесняло развитие буржуазного хозяйства и рост буржуазного благополучия. Термидорианцы в этом пункте отдавали себе совершенно ясный отчет в том, чего хотели. В выработанной ими декларации прав они исключили существенный параграф: "Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах". Тем, кто предлагал оставить этот важнейший якобинский параграф, термидорианцы отвечали, что он является двусмысленным и потому опасным: люди равны, конечно, в правах, но не в способностях и не в собственности. Термидор был непосредствен-

ным протестом против спартанских нравов и против стремления к равенству, которое лежит в их основе.

Тот же социальный мотив мы встречаем в советском термидоре. Дело идет прежде всего, чтобы сбросить с себя спартанские ограничения первого периода революции и дело идет о том, чтобы оправдать подрастающие привилегии бюрократии. Не могло быть, однако, и речи о введении либерального экономического режима. Уступки в этом направлении имели временный характер и длились гораздо меньшее время, чем предполагали инициаторы и прежде всего Сталин. Либеральный режим на основе частной собственности означает сосредоточение богатств в руках буржуазии, ее верхних слоев. Привилегии бюрократии вовсе не вытекают из автоматической работы сработанных экономических отношений. Бюрократия присваивает себе ту часть национального дохода, которую может обеспечить своей силой, или своим авторитетом, или своим прямым вторжением в экономические отношения. По отношению к прибавочному продукту нации бюрократия и мелкая буржуазия являются прямыми конкурентами. Однако обладание прибавочным продуктом открывает дорогу к власти, поэтому бюрократия вдвойне должна была глядеть ревнивым оком за процессом обогащения верхних слоев деревни и городской мелкой буржуазии. Борьба между бюрократией и мелкой буржуазией за прибавочный продукт народного труда и составляла основу политической борьбы между сталинцами и так называемыми правыми.

Полицейские рапорты по поводу настроений в массах, свидетельствуют, что праздник 10 августа, т.е. республиканской революции, прошел в безразличии и что в толпе говорили: ''Депутаты радуются сегодня, революция выгодна только им одним''. Депутаты конвента стали объектом общей ненависти. О них говорили, как о расхитителях народного достояния, их широкий образ жизни выделялся особенно сильно на фоне общей нужды. В бедных кварталах говорилось, что в конце концов лучше было жить в период Робеспьера, когда Конвент заботился о нуждающихся, теперь они пьют, едят, обогащаются за счет народа. Когда террористы и якобинцы были раздавлены, возник или, вернее, обнаружился, вспыхнул конфликт между термидорианцами республиканцами и конституционными роялистами, ко-

торые играли большую роль в Учредительном и Законодательном собраниях.

Политика термидорианского ядра состояла в лавировании между роялистами, эмигрантами, с одной стороны, и террористами и их соседями — с другой. Законодательные и административные меры вели то направо, то налево. Однако в провинции опора термидорианцев и их хвост был гораздо реакционнее и явно тяготел к роялистам. Террористы, чувствовавшие, что почва ускользает из-под ног, зорко глядели в сторону правящей термидорианской клики, ловя каждый поворот влево, и стремясь подхватить и поддержать его. Термидорианцы, открывшие ворота реакции, пытались теперь изо всех сил закрыть эти ворота, пользовались поддержкой задушенных и ослабленных якобинцев. Конвент прекратил свое существование 4-го брюмера 4-го года (26 октября 1795 г.).

"В пользу термидорианцев, — пишет наш автор, — можно, однако, привести тот факт, что они были в подавляющем большинстве честные люди и, что для руководства ими не хватало людей первого плана. Они отбивались от непреодолимых трудностей, тогда как эшафот и проскрипция душили их вождей".

Термидорианскую буржуазию характеризовала ненависть к монтаньярам, ибо вожди их были выходцами из среды, ставшей во главе санкюлотов. Буржуазия и с ней термидорианцы, боялись больше всего нового взрыва народного движения. Именно в этот период формируется полностью классовое сознание французской буржуазии. Она ненавидит якобинцев, полуякобинцев бешенной ненавистью, как изменников ее наиболее священным интересам, как перебежчиков, ренегатов, правящей касты.

Источник ненависти советской бюрократии к троцкизму имеет тот же социальный характер. Это люди того же слоя, той же правящей среды, той же привилегированной бюрократии, которые покидают ряды для того, чтобы связать свою судьбу с судьбою санкюлотов, обездоленных пролетариев, деревенской бедноты. Разница, однако, та, что французская буржуазия сформировалась уже до великой революции. Она впервые проявила свои политические черты и методы в Учредительном собрании. Но ей пришлось пройти через период Конвента и якобинской диктатуры, чтобы справиться со своими врагами, а в период

термидора она восстановила свою историческую традицию. В целом ряде областей термидорианцы оказались прямыми продолжателями якобинцев. Они продолжали сопротивляться против восстановления феодальной собственности, королевской власти. Они оставались противниками догматической церкви и прежде всего католицизма. Они покровительствовали всякого рода научным изобретениям, открытиям, создавали технические учреждения, продолжали подготовку метрической системы, развивали народное просвещение и т.д. Другими словами, они восстановляли, организовывали все завоевания революции, которые шли на пользу буржуазному капиталистическому хозяйству или буржуазии. С другой стороны, они вели непримиримую социальную борьбу против тех тенденций якобинской революции, которые тяготели к социальному равенству, тем самым подкапывая под буржуазию, лишая ее возможности стать тем, чем она стала в течение 19-го столетия. Несмотря на то что в целом ряде областей термидорианцы являлись приемниками и продолжателями дела якобинцев, в самом основном — классовом характере их социальной тенденции — они представляли прямую противоположность якобинцам.

В конце концов термидорианцы оказались вынуждены 18 фруктидора произвести государственный переворот, попирая на этот раз открыто свою собственную конституцию, и восстановить диктатуру вместо законного режима. Так как они не могли больше апеллировать к народу, то они совершили переворот при помощи армии и таким образом пришли в конце концов к превращению революционной диктатуры в диктатуру военную.

О новых богачах эпохи термидора Лефевр говорит, что они были, но значительно уступали богачам 18 века. В отношении интеллектуальной культуры и морали у них не было никакого уважения по отношению к научным и историческим исследованиям, и они были совершенно чужды революции.

В глазах простаков, теория и практика "третьего периода", как бы опровергала теорию о термидорианском периоде русской революции. На самом деле она подтверждала ее. Сущность термидора имела, имеет, не могла не иметь социальный характер. Она означала кристаллизацию новых привилегированных слоев, создание нового субстрата для экономически господству-

ющего класса. Претендентов на такую роль было два: мелкая буржуазия и сама бюрократия. Они шли рука об руку для того, чтобы разбить сопротивление пролетарского авангарда. Когда зта задача была выполнена, между ними открылась неизмеримая борьба. Бюрократия испугалась своей изолированности, своего развития с пролетариатом. Одними своими силами раздавить кулака, вообще мелкую буржуазию, выросшую и продолжавшую расти на основах НЭПа, бюрократия не могла, ей необходима была помощь пролетариата. Отсюда ее напряженная попытка выдать свою борьбу с мелкой буржуазией за прибавочный продукт и за власть как борьбу пролетариата против попыток капиталистических реставраций.

Здесь аналогия с французским термидором прекращается, ибо вступают в силу новые социальные основы Советского Союза. Охранить национализацию средств производства и земли, есть для бюрократии закон жизни и смерти, ибо зто социальные источники ее господствующей роли. В зтом относительно прогрессивная роль, которую она выполняет в своей варварской, группированной, конвульсивной борьбе против кулака. Провести зту борьбу и довести ее до конца, бюрократия могла только при поддержке пролетариата. Лучшим доказательством того, что она добилась этой поддержки, явились повальные капитуляции представителей левой оппозиции. Борьба с кулаком, борьба с правым крылом, борьба с оппортунизмом — официальные лозунги тогдашнего периода — казались рабочим и многим представителям левой оппозиции, как возрождение Диктатуры Пролетариата и Социалистической Революции. Мы тогда же предупреждали: вопрос идет не только о том, что делается, но и о том кто делает. При наличии советской демократии, т.е. самоуправления трудящихся, борьба с кулаком никогда не приняла б столь конвульсивных, панических и зверских форм и привела бы к общему подъему хозяйственного и культурного уровня масс на основе индустриализации. Борьба бюрократии с кулаком означала их единоборство на спине трудящихся и так как каждый из противников не доверял массам, боялся масс, то борьба приняла крайне конвульсивный кровавый характер. Благодаря поддержке пролетариата, она закончилась победой бюрократии, но ни в каком случае не повышением удельного веса пролетариата в политической жизни страны.

В чем состояла историческая миссия термидора во Франции? После того как якобинцы, т.е. низы, плебс, сокрушили — устой феодального общества, термидор должен был очистить место для господства буржуазии, отстранив от власти санкюлотов, т.е. городские низы. На смену феодальному обществу могла прийти только буржуазия. Но разгромить феодальное общество до конца, могли только трудящиеся низы. Без якобинской диктатуры феодальное общество не было бы сметено. Без термидора буржуазия не вступила бы во владение наследством революции. Термидорианцы отождествляли себя с буржуазией. Никакого другого режима, кроме буржуазного, они не мыслили.

Руссо учил, что политическая демократия несовместима с чрезмерным экономическим неравенством. Этим учением были проникнуты якобинцы, представители низов мелкой буржуазии. Законодательство якобинской диктатуры особенно закон о максимуме, или о заготовках по твердым ценам, говоря советским языком, означали насильственное сдерживание социальной дискриминации, концентрации капитала, формирование крупной буржуазии.

Политически задача термидорианцев состояла в том, чтоб изобразить переворот 9-го термидора как мелкий эпизод, как отсечение злокачественных элементов, как сохранение основного ядра якобинцев и как продолжение старой политики. Нападение велось не на якобинцев, а на террористов, по крайней мере в первый период термидора. Террористы играли в политическом словаре термидора ту же роль, какую в словаре сталинцев играло имя троцкистов. Напомним, кстати, что по логике вещей термидорианская кампания закончилась обвинением троцкистов в террористических актах.

На самом деле все органы власти претерпели в отношении личного состава коренные изменения. Этот процесс очень быстро распространился на провинцию. Местная администрация везде очищалась от террористов, которые смешались с более умеренными элементами. Сдвиг шел слева направо, однако благодаря относительной медлительности чистки, якобинцы оставались еще долгое время влиятельными в административных органах.

Удар по левым чрезвычайно и сразу разнуздал правых, т.е. сторонников капиталистического развития. 2 фруктидора (19 августа) Зюше, тот самый, который внес обвинительный акт или обвинительный декрет против Робеспьера, характеризовал в Конвенте успехи реакции, требовал снова ареста подозрительных и заявил, что необходимо "сохранить террор в порядке дня". М.Е. де ля Тушь опубликовал 9 фруктидора памфлет, приобретший большую популярность: "Хвост Робеспьера". Не поразительно ли, что выражение "троцкистское охвостье" приобрело право гражданства в советской литературе.

Диктатура якобинцев в лице Комитета общественного спасения продержалась всего около года. Эта диктатура имела настоящие опоры в Конвенте, который был гораздо умереннее революционных клубов и секций. Здесь классическое противоречие между динамикой революции и ее парламентским отражением. В революции в борьбе сил участвуют наиболее активные элементы классов. Остальные — нейтральные, выжидательные отсталые, как бы сами списывают себя со счетов. Во время выборов участвуют гораздо более широкие слои, в том числе и значительная часть полупассивных и полуиндифферентных. Парламентские представители в эпоху революции имеют неизмеримо более умеренный выжидательный характер, чем революционные группировки. Монтаньяры внутри Конвента опирались не на Конвент для управления народом, а на революционные элементы народа внутри Конвента, для того чтобы подчинить себе весь Конвент.

В термидорианский период одним из исключительно важных приемов Сталина была эксплуатация опасности войны и его заботы о мире. В июльской декларации 1926 года, подписанной тт.Каменевым и Зиновьевым, говорится: "Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима. Опасность войны вы эксплуатируете сейчас для травли оппозиции и для подготовки ее разгрома".

В 1926 г. Ворошилов писал (за него писали другие) о Красной Армии, как об "оплоте мира". Главная задача правитель-

ства — охранение народа "от возможных повторений тех бедствий, которые испытывали рабоче-крестьянские массы в годы гражданской войны и империалистической интервенции..." Миролюбие правительства выражается в том, что вооруженные силы Советов — "относительно самые малочисленные во всем мире". Все это было рассчитано на усталость народа и жажду мира.

Все группы, слои, элементы, которые были раздроблены, рассеяны, изолированы и деморализованы в революцию, чувствуют теперь прилив сил и поворачиваются лицом к промежуточным элементам, как бы говоря: мы вас предупреждали и мы были правы. В свою очередь, мелкобуржуазные массы, увлеченные натиском революции, захваченные пробужденными ею надеждами быстрее всего переживают разочарование и начинают отходить от революционного класса в сторону его противников и врагов. В самом революционном классе пробуждаются центробежные силы. В рамках господствующего класса развертываются в смягчённом виде тенденции, которые наблюдаются в рамках всего общества. Середняки, неактивные элементы временно увлеченные революцией, теперь начинают колебаться и изолируют авангарды; наоборот, наиболее реакционные элементы, которые совершенно исчезли с поля с момента революционного прилива, теперь поднимают голову и обращаются с теми же примерно словами, с какими представители разбитых классов обращаются к мелкой буржуазии: мы это предсказывали, революция обманула вас.

Однако это только одна сторона процесса. Остается еще анализировать процесс формирования новых привилегированных слоев. Однако вернемся назад. Основную предпосылку контрреволюции составляет несоответствие между политической властью, завоеванной новым классом, и теми экономическими возможностями, которыми он располагает. Завоевав власть, пролетариат получил полную возможность национализовать все средства производства. Но эти средства производства, вследствие отсталости страны и в результате империалистской и гражданской войны отличались крайне низким

характером. Национализация средств производства открывала возможность роста производительных сил; но сама по себе она ни сегодня , ни завтра, ни через год, ни через пять лет, ни через десять лет не способна была обеспечить, удовлетворить и самых основных потребностей народных масс. На другой день после того, как народ стал хозяином тех средств производства, он оказался неизмеримо беднее, чем накануне войны и даже накануне революции. Политическое насилие — а революция есть политическое насилие — не могло в области хозяйства дальше дать ничего. Тут нужен был долгий, упорный, самоотверженный и систематический труд, на новых социальных основах наложенных революцией. Праздник окончился, начинались серые, холодные и голодные будни. Разочарование в этих условиях были неизбежны. Даже наиболее сознательные и твердые рабочие, которые давали себе достаточно ясный отчет в объективной логике вещей, т.е. что нужда масс является не результатом революции, а неизбежной ступенью на пути к лучшему будущему, даже эти рабочие не могли не остыть. Даже если нужда была одинакова для всех, то сознание ее непреодолимости в течение ближайших лет не могло не вызвать известный упадок духа и политический индифферентизм. И самое понимание того, что чисто политическими мерами нельзя поднять сразу производительные силы, не может не порождать настроение политического индифферентизма. На самом деле нужда не дана для всех. Из революции вырастает новый привилегированный слой. Он воплощает в себе революцию, он защищает ее.

Поскольку термидорианская реакция открывала двери эмигрантам, роялистам, бывшим феодалам и церкви, термидорианцы не раз совершали поворот влево и искали даже поддержки у якобинцев для того, чтобы отстоять свои социальные и политические позиции. Но все это относилось к области безотеческих маневров. Существо мидии термидора состояло в том, чтоб открыть буржуазии возможность войти во владения наследством революции. Французский термидор был поэтому исторической необходимостью в самом широком смысле слова: он открывал ворота новой эпохе буржуазного господства 19 столетию, в течение которого буржуазия преобразовала Европу и мир.

В чем состояла историческая миссия советского термидора?

На этот вопрос ответить гораздо труднее, ибо процессы не завершены и будущее Европы и мира в течение ближайших десятилетий остается нерешенным. Русский термидор открыл бы, несомненно, эру буржуазного господства, если бы это господство не оказалось пережившим себя во всем мире. Во всяком случае, борьба против равенства, установление глубочайших социальных различий, чрезвычайно обесценивает сознание масс, национализацию средств производства и земли, основные социалистические завоевания революции. Обесценивая эти завоевания, бюрократия тем самым подготовляет к возможности восстановления частной собственности на средства производства. Но здесь разница. Частная собственность на средства производства в конце 18 века была фактором могущественного прогрессивного значения. Ей предстояло еще только завоевать полностью Европу и весь мир. Частная собственность нашего времени есть величайшие оковы развития производительных сил.

Сказанное дает толчок нашей мысли для определения условий и предпосылок реакции и победоносной контрреволюции. Реакция или контрреволюция есть ответ на новое противоречие, созданное революцией, которая взялась радикально разрешить эти противоречия. В чем состоит новое противоречие? В несоответствии между политической силой нового господствующего класса и его экономическими возможностями. Если старый строй себя пережил, то это не значит еще, что есть налицо все элементы для осуществления нового строя. Развитие вовсе не совершается так разумно и гармонично. Новый господствующий класс не может совершить полностью то, что он собирался решить в борьбе за власть. В более субъективных терминах: руководящая революционная партия не способна выполнить то, что намеревалась сделать и то, что обещала массам.

Даже если бы революционный класс овладел старыми средствами производства старой власти мирно по плану и стал в спокойной обстановке перестраивать общество, и в этом случае оказалось бы что элементы старого общества недостаточны и далеко не пригодны для постройки нового общества. Нет ничего. Сама перестройка представляет собою глубокий кризис, связанный с медленным повышением и даже со временным снижением уровня хозяйства, а следовательно, и уровня жизни масс.

Сопровождаемая гражданской войной, разрушениями, перестройка совершается под ударами врага и еще более снижает уровень хозяйства и придает всему социальному кризису катастрофический характер. Положительные результаты революции отодвигаются, тем самым, вдаль.

То, что характеризует эпоху революционного подъема, это рост противоречий, антагонизма, борьбы, растерянности в среде старых господствующих классов и слоев, а с другой стороны, рост сплоченности вокруг главного революционного класса всех классов и слоев, которые надеются улучшить свое положение при новом режиме. Эпоха реакций характеризуется противоположными чертами. Среди тех классов, которые подняты к власти или приближены к ней, обнаруживаются неудовлетворенность, распри, антагонизмы, и вообще центробежные тенденции. Наоборот, ранее господствовавшие классы, отброшенные классы тяготеют друг к другу, стремясь отомстить за обиды и вернуть себе полностью или хотя бы отчасти утраченные позиции.

В эпоху термидора не только буржуазные республиканцы, конституционные монархисты первого периода революции, но и сторонники старого режима поддерживали якобинских перебежчиков, которые возглавили термидорианский переворот. Роялисты еще не смели открыто показывать свою голову. Конституционные монархисты могли только мечтать о короле. Даже буржуазные республиканцы, стремившиеся к полному господству конкуренции, свободы оборота, могли лишь осторожно приближаться к своей цели. Всем им нужно было авторитетное прикрытие из рядов господствующей революционной партии. Они нашли такое прикрытие.

Массы устали, массы не ожидали от новых потрясений серьезных изменений своей судьбы. Но если допустить даже, что массы готовы были подняться, нужна была партия, нужна была организация, способная их поднять. Этого не было в эпоху французского термидора. Якобинцы растворились в государственном аппарате. Этого не было и в эпоху советского термидора. Единая партия запрещением фракций внутри ее делала бюрократию распорядительницей всех технических средств и приемов для массы: типографских машин, радио, помещений для собраний, здания вообще, площадей, наконец.

Несомненно также, что большевики, как в свое время якобинцы, приучились в массе своей к пассивному повиновению. Кто рассматривает исторический и, в частности, революционный процесс, как преподавание в классной комнате, тот может сказать, что большевики сами виноваты в своей предшествующей политике, так как подготовили свое поражение со стороны термидорианцев. Это верно и не верно. Централизация власти была необходимым условием спасения революции. Борьба против мелкобуржуазной распущенности, против всех видов вокалицизма была необходимым условием постройки нового государства. С другой стороны, централизация неизбежно обеспечивает перевес руководства над местной и групповой инициативой. Надо к этому прибавить еще и особые качества руководства в отдаленной степени подготовленного, дальнозоркого и умелого, какое дала массам партия большевиков. Во всех важных вопросах ход событий подтверждал правоту большевистского руководства и чрезвычайно повышал его авторитет. К моменту болезни, а затем и смерти Ленина, этот авторитет стоял чрезвычайно высоко. Можно, конечно, по этому поводу назвать немало дешевых тирад, против авторитетов вообще. Но счастье состояло в гениальности руководства. И все на свете имеет две стороны. И всякое великое преимущество имеет тенденцию превратиться в свою противоположность. Так было и с преимуществами руководства большевистской партии.

Низвержение диктатуры Робеспьера должно было по замыслу или по обещанию смениться либеральным режимом. Но это оказалось не так просто. Либеральный режим возможен в том случае, если продукты свободно обмениваются на рынке и государству не приходится вторгаться в основную сферу человеческих отношений. Где продуктов мало, где государство вынуждено вторгаться со своей регламентацией и пр., там оно неизбежно вынуждено применять силу для того, чтобы заставить заинтересованных подвергаться ограничениям, направленным против их интереса. Термидорианцы делали усилия пойти навстречу интересам производителей, прежде всего крестьян, в результате этого сопротивление крестьян принудительным государственным заготовкам только возросло. Замечательно, что совершенно

аналогичное явление наблюдалось в Советском Союзе. Годы 1924-25, 26 и 27-й были годами расширения либерального режима по отношению к деревне. Однако уступки русских термидорианцев не только не располагали крестьянина к добровольной сдаче своих излишков, а наоборот, пробуждали в нем уверенность в том, что государство заколебалось и что необходимо дальше нажать, чтобы добиться полной свободы оборота.

Все, что совершалось неблагоприятного в период термидора, приписывалось неизменно якобинцам и террористам. Они отвечали за всякое волнение рабочих, за всякое сопротивление крестьян, за пожары, взрывы и пр.

Термидор характеризуется особенно на первых своих этапах чрезвычайной боязнью масс. Он проводит свои контрзаконы в области хозяйства, в области политики по частям.

Главное содержание термидора состояло в том, что он восстановил свободу торговли. При наличии частной собственности, которую упрочила революция, свобода торговли, естественно, означала рост буржуазии, углубление социальных противоречий. Если якобинская диктатура необходима была для того, чтобы радикально покончить с феодальным обществом и отстоять права нового общества на существование от внешних врагов, то режим термидора имел своей задачей создать необходимые условия развития нового, т.е. буржуазного общества. Отмена максимума во имя свободы торговли и означала утверждение буржуазной собственности в ее правах. При несомненных чертах сходства и в этом отношении советский термидор, глубоко, однако, отличался по своему содержанию от своего французского прототипа. Свобода торговли, или так называемой Новой Экономической Политики, была установлена в 1921 году, во всяком случае до наступления термидора. Правда, восстановление свободной торговли воспринималось и понималось всеми в том числе и правящей партией, как отступление перед буржуазными отношениями, буржуазными традициями и аппетитами.А этом смысле элемент термидора заключался в НЭПе. Но власть оставалась в тех же руках, которые руководили Октябрьской революцией. Свобода торговли была заранее ограничена властью такими пределами, которые не нарушали и не подкапывали основного режима, т.е. прежде всего национализации средств произ-

водства. Вот почему было бы неправильно относить начало термидора к введению НЭПа. НЭП подготовил, несомненно, серьезные элементы будущего термидора. Он возродил и оживил мелкую буржуазию города и деревни, повысил ее аппетиты и ее требовательность.

Каждый борющийся класс имеет свою политическую бюрократию. Но отношение этой бюрократии различно в разных классах. Буржуазии, как господствующему классу, легче всего, разумеется, сформировать свою интеллигенцию и свою политическую бюрократию. Интеллигенция по самому своему существу буржуазна, ибо может возникнуть только благодаря экономически господствующему положению буржуазии, отчасти благодаря экономическим преимуществам известных слоев мелкой буржуазии. Интеллигенция выделяет из себя политический персонал, который в подавляющем большинстве насквозь пропитан буржуазными идеями. По своей повседневной жизни интеллигенция, в том числе и профессиональная политическая бюрократия, неразрывно связана с верхами средней буржуазии. Условия повседневной жизни, связи, круг знакомств имеют в большинстве случаев решающее влияние на ход мыслей. Буржуазная интеллигенция, естественно, живет в буржуазной атмосфере, тем самым только закрепляется ее связь с хозяином буржуазии.

На противоположном полюсе находится крестьянство, особенно его низшие слои. Разбросанное на большой территории, крестьянство не способно дать свою собственную интеллигенцию, свою собственную политическую бюрократию и свою собственную партию. Правда, из среды крестьян, особенно верхних слоев, является очень большое количество интеллигенции. Но она немедленно же устремляется в города, наиболее даровитые сосредоточиваются в столице. Они находят новую сферу в отношении знакомств, связей и социальной зависимости. Таким образом, крестьянская по своему происхождению интеллигенция неизбежно попадает в капиталистическое пленение. Так называемые крестьянские партии являются по сущности буржуазными партиями для эксплуатации крестьян.

Положение пролетариата иное, этот класс сосредоточен на заводах в больших городах. По уровню своему он значительно возвышается над крестьянством. Интеллигенция, выходящая из ря-

дов пролетариата, не порывает с ним связь, находится в городах и рабочие находятся под ее влиянием.

Революция отодвигает, разрушает, разбивает старый государственный аппарат, в этом ее сущность. Массы заполняют собою арену. Они решают, они действуют по-своему законодательствуют, они судят. Суть революции состоит в том, что масса является сама своим собственным исполнительным органом.

Когда массы оставляют общественную арену, уходят к себе в свои кварталы, прячутся по домам, растерянные, разочарованные, усталые, тогда образуется пустота. Эту пустоту заполняет новый бюрократический аппарат. Вот почему в эпоху победоносной реакции аппарат, военно-полицейская машина играет такую громадную роль, какая была неизвестна старому режиму.

Несмотря на неизмеримо более глубокий характер Октябрьской революции, армия советского термидора объединила по существу все, что оставалось от прежних господствующих партий и их идеологических представителей. Бывшие помещики, капиталисты, адвокаты, их сыновья, поскольку они не бежали за границу, включились в государственный аппарат, а кое-кто и в партию. Неизмеримо в большем числе включились и в государственный, и в партийный аппарат члены бывших буржуазных партий: меньшевики и социалисты-революционеры. К ним надо прибавить огромное число людей обывательского типа, которые оставались в бурную эпоху революции и гражданской войны в стороне, а теперь, убедившись в крепости советского государства, стремились приобщиться к нему на ответственные должности, если не в центре, то на местах.

Вся эта огромная и разношерстная армия была естественной опорой термидора. Бывшие социалисты-революционеры, конечно, готовы были всячески поддержать интересы мужика от посягательств мерзких индустриализаторов, главным образом и меньшевики считали, что надо дать больше простора и свободы мелкой буржуазии, политическими выразителями которой они являлись. Представители крупной буржуазии и помещиков, поскольку они сохранились в стране и в государственном аппарате, естественно ухватились за крестьянина, как за якорь спасения. Они не могли надеяться на какие-либо непосредственные

успехи и ясно понимали, что им необходимо пройти через период защиты крестьянства. Все это была армия термидора. Ни одна из этих групп, однако, не могла открыто поднять голову. Всем им необходим был защитный цвет правящей партии и традиционного большевизма. Борьба против перманентной революции означала для них борьбу против увековечения тех обид, которые они претерпели. Естественно, если они охотно приняли в качестве вождей тех из большевиков, которые повернулись против перманентной революции.

Хозяйство оживилось, появился небольшой избыток. Он, естественно, сосредоточился в городах, притом в распоряжении правящего слоя. Оживились театры, рестораны, всякие другие увеселительные заведения. Сотни тысяч людей разных профессий, которые в трагические и суровые годы гражданской войны были повергнуты в небытие, теперь ожили, расправили члены и приняли участие в восстановлении нормальной жизни. Все они были на стороне противников перманентной революции. Все они хотели покоя, роста и укрепления крестьянства и роста увеселительных заведений в городах.

Трудно, да и нет надобности подвергать теоретической оценке тот поток литературы против троцкизма, который, несмотря на недостаток бумаги, в буквальном смысле слова заливает Советский Союз. Сталин сам никогда не переиздавал в последствии того, что он писал и говорил, примерно с 1923 до 1929 гг., до такой степени все это противоречиво и полностью опровергнуто всем тем, что Сталин говорил и делал в течение последнего десятилетия. Воспроизводить здесь, хотя бы и в выдержках, этот политический хлам было бы совершенно излишне. Достаточно для нашей задачи выделить те важнейшие новые идеи, которые постепенно выкристаллизовались, выросли и получили решающее значение по мере того, как инициаторы борьбы против троцкизма прощупывали отклик в рядах руководящего советского слоя. Таких руководящих идей было три, причем они лишь постепенно дополняли и отчасти сменяли друг друга. Тройка начала с защиты интересов крестьян против программы индустриализации, которую в интересах полемики называли "сверхиндустриализацией". Ход рассуждения был таков: быст-

рая индустриализация возможна только за счет крестьян, поэтому надо двигаться вперед черепашьим шагом, вопросы темпа индустриализации не имеют значения и пр. На самом деле бюрократия не хотела тревожить те слои населения, которые начали накоплять, т.е. верхи нэповской мелкой буржуазии. Это был ее первый серьезный союзник в борьбе против троцкизма.

На втором этапе, в течение 1924 г., выдвигается борьба против теории перманентной революции. Политическое содержание этой борьбы сводилось к тому, что мы заинтересованы не в международной революции, а в собственной безопасности для развития нашего хозяйства. Бюрократия все больше боялась ставить свои позиции в зависимости от риска, связанного с международной революционной политикой. Борьба против перманентной революции, лишенная сама по себе какой бы то ни было теоретической ценности, служила выражением этому консервативному национальному уклону. Содержание идей раскрывалось лишь постепенно. Из борьбы против перманентной революции выросла теория социализма в отдельной стране. Только тогда Зиновьев и Каменев поняли смысл той борьбы, в которой они сами участвовали, которая подготовила и дала идеологическое вооружение термидора.

Третьей руководящей идеей бюрократии в борьбе против троцкизма была борьба против уравниловки, т.е. против равенства. Теоретическая сторона этой борьбы имеет характер курьеза. В письме Маркса по поводу Готтской программы германской социал-демократии Сталин нашел фразу о том, что в первый период социализма сохранится еще неравенство или, как он выражался, буржуазное право в области распределения продуктов. Маркс имел в виду не создание нового неравенства, а лишь постепенное, т.е. не мгновенное отмирание старого неравенства в области заработной платы. Неправильно истолкованная цитата была превращена в декларацию прав и привилегий бюрократа. Не для того бюрократия отделила судьбу Советского Союза от судьбы международного пролетариата, чтобы позволить сравнять себя в смысле благосостояния и власти с массами рабочего класса. Социализм в отдельной стране имел для нее смысл лишь поскольку он обеспечивал ей господство и довольство. Отсюда бешеная и неистовая борьба против уравнения.

В пьесе советского драматурга Афиногенова "Страх", 1931 года, один из героев говорит: "Общим стимулом поведения 80% всех обследуемых является страх", остальные 20% обследуемых это выдвиженцы, им нечего бояться, они хозяева страны. Сам Афиногенов попал в опалу. Самым могущественным орудием в руках Сталина явилось обвинение против оппозиции в том, что она хочет ввести немедленное равенство. 20% выдвиженцев услышали в нем голос своего вождя, а 80% испуганных не посмели поднять голос.

Еще 31 октября 1920 г. особый приказ под заглавием "Больше равенства!" гласил: "Не ставя себе невыполнимой задачи немедленного устранения всех и всяких преимуществ в армии, систематически стремиться к тому, чтобы эти преимущества были сведены к действительно необходимому минимуму. Устранить в возможно короткий срок все те преимущества, которые отнюдь не вытекают из потребности военного дела и неизбежно оскорбляют чувства равенства и товарищества в красноармейцах".

В 1925 г. в словах бюрократии вопрос о равенстве приобретает исключительное значение. В литературе он поднят был статьей Зиновьева "Философия эпохи". В этой статье Зиновьев выдвигает, что сейчас широкие массы трудящихся охвачены одним стремлением: больше равенства. Статья послужила яблоком раздора в среде правящей тогда бюрократической группы. Теснейшая братия Сталина объявила, что положение Зиновьева в корне противоречит марксизму, т.к. при социалистическом строе, по учению Маркса и Ленина, полного равенства быть не может: здесь еще господствует принцип, каждый получает в зависимости от выполненного им труда. Совершенно правильно, что Маркс признавал неизбежность этого буржуазного, как он подчеркивал, принципа в первый период социалистического общества, когда оно еще не достигло достаточной высоты, чтобы иметь возможность удовлетворять все потребности своих граждан. Зиновьев вовсе и не думал оспаривать этот тезис, необходимость диффиренцированной заработной платы для разных категорий труда была ясна ему. Он считал, что крайние полюсы этой таблицы должны быть ближе; и в первую голову его осторожная критика направлялась против привилегированного положения и

излишеств бюрократии. Чего, конечно, ни Маркс, ни Ленин не предусмотрели, что бюрократия прятала свои материальные интересы за интересы прилежного крестьянина и квалифицированного рабочего. Она изобразила дело так, будто левая оппозиция покушается на лучшую оплату квалифицированного труда. Это был маневр того же типа, который обычно в ходу, когда крупные капиталисты и помещики прячут свои корыстные интересы за мнимую заботу об интересах мелких ремесленников, торговцев и крестьян. Надо признать, что это был мастерский маневр. Сталин опирался здесь на аппетиты очень широкого и все более привилегированного слоя чиновников, которые впервые со всей ясностью увидели в нем своего признанного вождя. Снова равенство было объявлено, как это ни чудовищно, мелкобуржуазным предрассудком. Было объявлено, что оппозиция покушается на марксизм, на заветы Ленина, на заработок более прилежного квалифицированного рабочего, на скромные доходы усердного крестьянина, на марксизм, на наши дачи, на наши автомобили, на наши благоприобретенные права. "За что боролись" — эта ироническая фраза приобрела в тот период большую популярность.

Равенство было объявлено мелкобуржуазным предрассудком. Сталин выступил на защиту неравенства, на защиту права верхов бюрократии — жизни крупных буржуа, а средний слой бюрократии — жизни средних буржуа и т.д.Остальные разногласия, проблемы, вопросы организации сразу отступили на десятый план. Каждый бюрократ знал из-за чего идет борьба и тянул за собою свою канцелярию, ибо все, несмотря на резкую иерархию, поднимались над массой.

Гражданская война, как и война с Польшей, были в прошлом, самые ужасные последствия голода были преодолены, Новая Экономическая Политика произвела живительное движение в народном хозяйстве. Сталин в этот период выступает все больше как организатор и воспитатель бюрократии, главное: как распределитель земных благ. Он подбирает людей по признаку их враждебности по отношению к противникам. Он учит своих ставленников на местах, как организовать власть, как подбирать сотрудников, как пользоваться их слабостями, как противопоставлять их друг другу.

Более оседлая и уравновешенная жизнь бюрократии порождает потребность к комфорту. Сталин, сам продолжающий жить сравнительно скромно, по крайней мере с наружной стороны, овладевает этим движением к комфорту, он распределяет наиболее выгодные посты, он подбирает верных людей, награждает их, он помогает им увеличивать свое привилегированное положение. Каждый вопрос интересует его прежде всего с точки зрения подбора кадров, одушевление аппарата, обеспечения своего личного руководства. Так, не порывая формально с прошлым, он из революционера рабочей партии становится вождем нового привилегированного слоя.

В более слабом виде и в более мягких формах та же реакция против войны происходила и в буржуазных демократических странах. Ллойд Джордж в Англии, Клемансо во Франции, несмотря на официальные признания, оказались политически изолированными. Вильсон в Соединенных Штатах утратил популярность. Сталин, роль которого в гражданской войне была второстепенной, стал теперь в первом ряду тех, которые устали от гражданской войны, от ее испытаний и терроризма и требовали перехода на мирное положение. Тем самым возродилась и оживилась классовая борьба между верхними слоями мелкой буржуазии и рабочими. Государственная власть выступала в качестве регулятора этой классовой борьбы и тем самым улучшала независимость от рабочих организаций. Такова основа термидорианского перерождения государственного аппарата. Вернее, не основа, а исходная причина и первая глава этого перерождения.

Борьба против троцкизма велась под углом зрения защиты интересов крестьянства, как самостоятельных производителей и продавцов. Во имя ограждения интересов крестьянства, как мелкой буржуазии, произведен был сдвиг государственной власти путем нейтрализации и устранения наиболее последовательного революционного пролетарского крыла. Первыми мерами после политической победы над троцкизмом были законы, легализировавшие аренду земли и применение наемной рабочей силы в сельском хозяйстве. Обе эти меры шли неизмеримо дальше первоначальных замыслов НЭПа. В то же время, что особенно важно, они сопровождались сдвигом власти слева направо. Революционно-пролетарская партия делала уступки крестьянству, не-

обходимые для сохранения пролетарской диктатуры. В термидоре не могло быть об этом и речи, поскольку изменялся политический состав власти в целях большого приспособления к крестьянству и увеличения уступок.

Каковы условия реакции и контрреволюции? Мы много, и по разным поводам занимались вопросом о том, каковы условия революции, и победоносной революции в частности. Гораздо меньше нам приходилось исследовать вопрос о том, каковы условия контрреволюции и реакции, как термидорианской реакции, как вступления в контрреволюцию. Совершенно очевидно, что обе эти проблемы тесно связаны одна с другой. Во время контрреволюции фильм как бы начинает развертываться в обратном порядке. Он никогда не доходит до конца. Часть завоеваний революции всегда сохраняется.

В революции отличают лозунг, против которого она совершается; класс который совершает ее; наконец, промежуточные классы и слои, которые либо остаются нейтральными, либо вовлекаются в водоворот событий на стороне одного из основных классов. Революция может быть победоносной тогда, когда революционному классу удается увлечь за собой большинство промежуточных слоев и тем стать выразителем большинства нации. Классы как социально, так и идейно, не однородны. В пролетариате всегда можно отличить его головной отряд, промежуточные и средние слои и, наконец, отсталый и даже реакционный арьергард. Революция делается возможной тогда, когда авангард пролетариата, организованный в партию увлекает за собой подавляющее большинство класса, изолируя и обращая в ничтожество его уязвленные и деморализованные элементы.

Пролетариат в большинстве своем объединяется, таким образом, вокруг своего революционного головного отряда, увлекает за собою значительную часть промежуточных, недовольных, угнетенных классов, низы мелкой буржуазии, нейтрализует другую ее часть и своим натиском вносит распад в переживший себя класс, сламывает сопротивление армии, увлекает значительную ее часть на свою сторону, нейтрализует другую часть и изолирует наиболее реакционные полки. Такова общая формула пролетарской революции.

Разумеется основой революции является определенное состояние хозяйства, его кризис, противоречие между противниками, производительными силами и формулами собственности, отсюда противоречия между классом, который является носителем прогресса хозяйства, роста производительных сил, классом, который отстаивает старые, реакционные, пережившие себя формы собственности. Это экономическая предпосылка революции. Но на этой объективной основе должна сложиться определенная группировка, определенные политические отношения, определенные состояния сознания в отношениях между классами. Эти процессы имеют психологический характер. В последнем счете они, разумеется, обусловливаются объективным социальным кризисом. Но они имеют свою внутреннюю логику и динамику. Именно эта динамика сознания, воли, готовности к борьбе и, наоборот, растерянности, упадка, малодушия, эта динамика и определяет непосредственно ход и исход революции.

Сказанное дает толчок нашей мысли для определения условий и предпосылок реакции и победоносной контрреволюции. Реакция или контрреволюция есть ответ на новое противоречие, созданное революцией, которая взялась радикально разрешить старые противоречия.

Июнь 1934 года был первым этапом реакции против переворота наци. Значительное число вождей, отражая настроение масс, принимало социальную демагогию Гитлера, если не вполне серьезно, то до известной степени. Они считали необходимой вторую революцию. Под давлением своих капиталистических союзников и патронов Гитлер отправил значительное количество этих подлинных наци 30 июня 1934 года на тот свет. Как же можно говорить, что национал-социалистическая революция не имела своей реакции?

Значительное расширение свободы товарооборота в 1925 году было наиболее ярким выражением термидора как отмена максимума много лет тому назад. Однако за этим сходством нельзя упускать из глаз основное различие: именно национализацию производства и социализацию земли в руках государства. Без этих условий НЭП, особенно его расширение в 1925 году, разумеется, привел бы к развитию буржуазных отношений. Рас-

ширение НЭПа означало конфликт между двумя системами хозяйства. На первых своих шагах этот конфликт упрочивал позиции бюрократии, повышая ее самостоятельность, прежде всего самостоятельность от пролетариата. Но было ясно заранее, что дальнейшее развитие и расширение товарного обращения и укрепление позиций мелкой буржуазии должно ребром поставить вопрос, формулированный Лениным: кто кого? Решение этого вопроса в огромной степени зависело от бюрократии, которая успела получить к этому времени огромную долю самостоятельности. По условиям своей жизни, по своему консерватизму, по своим политическим симпатиям, бюрократия в огромной массе своей тяготела к новой мелкой буржуазии. Однако экономическими корнями своими бюрократия сидела в новых условиях собственности. Рост буржуазных отношений угрожал не только социалистическим основам собственности, но и социальному фундаменту самой бюрократии. Она могла бы отказаться в пользу мелкой буржуазии от социалистических перспектив развития. Она ни в каком случае не готова была отказаться в пользу новой мелкой буржуазии от своих собственных прав и привилегий. Так подготовлялся острейший конфликт между бюрократией и кулаком.

Частные предприятия, несомненно, проявили немало энергии в деле развращения советского аппарата при помощи подкупов и всяких других поблажек. Но все же не это было главной причиной раздражения бюрократии против частных предпринимателей, в частности концессионеров. Некоторые из них работали лучше, с большей инициативой, добивались лучшего качества продукции, хотя и при высокой цене. Даже государственные учреждения предпочитали покупать продукты у акционеров. Цель, которую ставил Ленин при введении концессии, состояла именно в том, чтобы не дать государственным монополиям затмить сознание своей неприкосновенности. Но именно этого ленивая бюрократия не хотела. Под видом непримиримой борьбы за социалистическую промышленность она на самом деле боролась за свое монопольное право безмятежно, без помех и конкуренций распоряжаться государственным хозяйством. Так постепенно были убиты концессии смешанного общества и другие частные предприятия. Сталин являлся руководителем этого течения, как всегда защищая интересы бюрократии.

Борьба против сверхиндустриализации ведется очень осторожно в 1922, открыто и бурно — в 1923 году. Борьба против перманентной революции начинается открыто с 1924 года и длится затем в разной форме и с разными толкованиями в течение всех последующих лет. Борьба против равенства начинается с конца 25-го года и становится, в сущности, осью социальной программы бюрократии. Борьба против сверхиндустриализации ведется прямо и непосредственно в интересах кулака. Черепаший шаг темпа развития промышленности нужен для того, чтобы дать кулаку безболезненно врасти в социализм. Эта философия является одинаково философией правого крыла, как и сталинского центра. Теория социализма в отдельной стране функционирует в этот период, как блок бюрократии и мелко-сельской и городской буржуазии. Борьба против равенства еще более сплачивает бюрократию не только с верхами рабочего класса, но и особенно с мелкой буржуазией деревни и города. Неравенство есть социальная основа, источник и смысл существования этих союзников. Таким образом, экономические и политические международные интересы объединяют бюрократию и мелкую буржуазию с 1923 по 1928 год. В этот период термидор имеет наиболее яркие черты сходства со своим французским прототипом. За этот период кулаку разрешено было арендовать землю у бедняка и нанимать бедняка в качестве рабочего. Сталин готовился сдавать землю в частные владения сроком до 40 лет. Бюрократия очень далеко шла в сторону интересов и притязаний своего союзника. Но к 1927 году окончательно обнаружилось то, что грамотный экономист знал и раньше, что притязания буржуазного союзника по своему существу беспредельны. Кулак хотел землю в полную собственность. Кулак хотел иметь право свободного распоряжения всем своим урожаем. Кулак стремился создать себе контрагентов в городе в виде свободного торговца или свободного промышленника. Кулак не хотел терпеть принудительных поставок и твердых цен. Кулак вместе с мелким торговцем, вместе с мелким промышленником стремился к полной реставрации капитализма. Этим самым открывалась непримиримая борьба за прибавочный продукт национального труда. Кто будет им распоряжатся в ближайшем будущем: новая буржуазия или советская бюрократия? Кто распоряжается

прибавочным продуктом, тот и распоряжается государственной властью. Таким образом, между мелкой буржуазией, которая помогла бюрократии раздавить сопротивление рабочих масс и выражавшей их взгляд левой оппозиции, и между бюрократией, которая помогла мелкой буржуазии подняться над массами деревни, открылась прямая борьба за власть и доходы.

Совершенно очевидно, что бюрократия не для того разгромила пролетарский авангард, порвала сети международной революции и провозгласила философию неравенства, чтоб капитулировать перед буржуазией и превратиться в ее слугу или просто быть отброшенной от государственного кормила. Бюрократия смертельно испугалась последствий своей шестилетней политики. Так возник резкий поворот против кулака, против нэпмана.

Открывается третий период, борьба против правых. В глазах простаков теория и политика третьего периода как бы развивала предыдущие два.

Главная идея Сталина еще в апреле 1927 года состояла в том, что к вопросу о темпе нашего хозяйственного развития незачем припутывать международный фактор. На этом и построена теория социализма в отдельной стране. Теперь Сталин доказывает правым, что, отвлекаясь от внешней обстановки, можно было "вести дело более медленным темпом", но дело в том, что "нельзя отвлекаться от внешней обстановки".

Это простой плагиат у Преображенского на эту самую тему, который сказал: если отвлечься, то можно; но отвлекаться нельзя.

Сталин проповедовал, что извне нам угрожает только интервенция. Мы ему разъясняли, что, кроме военной интервенции, существует интервенция дешевых цен. Это называлось маловерием или пессимизмом. Теперь Сталин говорит об ускоренной индустриализации: "либо мы этого добьемся, либо нас затрут". Этим самым он с запозданием годика на четыре подбирается ощупью к вопросу о сравнительных коэффициентах нашего развития и капиталистического. Вопрос об изучении этих сравнительных показателей был поставлен нами теоретически в 1924 году, а практически в 1925 году, в НТО и особом совещании по качеству продукции. Что сделано с того времени?

От философии черепашьего темпа Сталин перешел к максимализму: "Необходимо догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран". В такой общей постановке этот максимализм бессодержателен. Догоним и перегоним не скоро. За это время западный пролетариат успеет нас догнать политически, а значит, и экономически. Тогда он и экономически возьмет нас на буксир. Не надо так храбро перепрыгивать через ступени... на словах. Для ближайшего периода практическая задача состоит в том, чтобы наши цены и наши душевые нормы производственного и личного потребления приближались к ценам и нормам передовых капиталистических стран, а не отставали от них.

Нынешний темп развития промышленности Сталин считает правильным темпом. Вообще, под непогрешимым руководством совершается только то, что должно совершится. Между тем прирост продукции на 20% считался в 1925 году вредной фантазией или троцкизмом. В книжке "К капитализму или к социализму" я с величайшей осторожностью намечал такого рода темп после завершения восстановительного периода. В официальных учреждениях брался темп гораздо более низкий. А Политбюро одергивало ВСНХ за сверхиндустриализаторство. Нынешний темп развития промышленности вырос не в порядке правильного предвиденья и понимания динамики нашего хозяйственного строительства, а эмпирически, под кнутом рынка, критики оппозиции и кризисов, из которых добрая половина порождена ограниченностью и хвостизмом руководства.

Оппозиция в 1925 году была повинна не в сверхиндустриализаторстве, а в излишнем педагогическом приспособленчестве к хвостистской установке Политбюро и в преуменьшении реальных возможностей индустриализации при правильном подходе к делу. Это положение остается в сущности целиком и сейчас.

"С 1928 г., — пишет Бармин, — нужно было принять исключительные меры против крестьян, чтобы принудить их выдать государству хлеб и сырье по слишком дешевой цене. Трудности, освещенные оппозицией, начались. Сталин потерял голову и прибег к сильным средствам. Бухарин, Рыков, Томский и Угланов,

в то время секретарь Московского комитета, настаивали на возвращении к нормальному режиму в деревне. Правое крыло сложилось, таким образом, и сейчас Сталин повернулся против него. Психологически он сумел в этом случае использовать с выгодой недовольство, вызванное исключениями и арестами. Исключение троцкистов приняли только против воли неохотно; кампания, сперва открытая против правых, была хорошо принята партией''.

Здесь несомненно сказалось маневренное комбинаторское искусство Сталина, правда, в очень благоприятной для него лично обстановке. Он использовал правую для исключения левой оппозиции, ибо только у правого крыла были серьезные принципиальные основы бояться левой политики. Но так как исключение левой оппозиции вызвало в широких кругах партии раздражение, недовольство правым крылом, то Сталин сумел использовать это недовольство для удара против правых. Он все время оставался, если не примирителем, то умиротворяющим элементом, который будто бы стремился свести к минимуму неизбежные жертвы и который сумел при этом возлагать ответственность за суровые меры на то, или другое крыло партии.

В 1927 году официальные заседания ЦК превратились в поистине отвратительные зрелища. Никаких вопросов не обсуждалось по существу. Все дела решались за кулисами на казенных заседаниях Сталина, а затем, путем соглашения правой группы: Рыкова, Бухарина, Томского. Назначением двух официальных заседаний ЦК была травля оппозиции заранее распределенными ролями и речами. Тон этой травли становился все более необузданный. Наиболее наглые члены высших учреждений, введенные только исключительно в награду за свою наглость по отношению к оппозиции, непрерывно прерывали речи опытных лиц сперва бессмысленными повторениями обвинений, выкриками, а затем руганью площадными ругательствами. Режиссером этого был Сталин. Он ходил за спиной президиума, поглядывая на тех, кому намечены выступления, и не скрывал своей радости, когда ругательства по адресу оппозиционеров принимали совершенно бесстыдный характер. Было трудно представить себе, что мы находимся на заседании Центрального Комитета большевистской партии.

Когда я оглашал в 1927 году декларацию от имени левой оппозиции на заседании Центрального Комитета, мне отвечали крики, угрозы и ругательства, какие мне пришлось слышать при оглашении декларации большевиков в день открытия Предпарламента Керенского. Помнится, Ворошилов кричал: "Он держит себя, как в Предпарламенте!" Это было гораздо более метко, чем рассчитывал автор восклицания.

Бармину приходилось принимать участие в заседаниях Организационного Бюро, где в отсутствие Сталина Каганович решал и вязал. "Выходя, я понял: никто не дискутировал больше, разве только для формы; лица, пользовавшиеся доверием Сталина, решали все авторитарно", — пишет Бармин.

Говоря о периодике 1907-1911 годов, мы видели, как волна реакции слагается из бесчисленного количества явлений и процессов, которые в массе своей создают непреодолимую силу. Только человек столь далекий от тяжеловесных реакций истории, как Суварин, может называть революционный отлив простым художественным образом. Революция 1917-1923 годов была по своему размаху и глубине захвата неизмеримо значительнее революции 1905-1907 гг. В соответствии с этим под давлением мировых событий внутренняя реакция в СССР приняла глубочайший непреодолимый характер. Разница в том, что реакция 1907-1911 гг. имела совершенно явный и открытый характер, ибо революция была задушена извне. Реакция термидора имела замаскированный характер, ибо пролетарская революция была задушена изнутри.

Я не представляю себе, что в человеческой истории можно найти другой пример такой солидарности, такого идеалистического подъема, такой преданности, такого бескорыстия, какие отличали большевистскую партию и находили свое отражение в ее правящем штабе. Были трения, конфликты, словом все, что свойственно людям. Члены ЦК были людьми, и ничто человеческое им не было чуждо. Но особая эпоха поднимала их над самими собой. Ничего не идеализируя и не закрывая глаза на человеческие слабости, можно все-таки сказать, что в партии царила в те годы атмосфера горных высот.

Атмосфера в партии начала меняться, и притом резко, с притоком новых, в значительной мере обывательских или карьеристских, элементов. Чистка партии снова подняла ее уровень. Но дело было не только в новых элементах. Бег революции задержался. Большевики после гражданской войны и особенно после поражения революции в Германии перестали себя чувствовать, как воины на походе. Русские раскольники говорили некогда, зачем нам твердые дома, ждем пришествия Христова. Эти настроения свойственны были и большевистской партии. Личная жизнь была отодвинута на задний план, и люди мало думали о комфорте в ожидании новых великих событий. Но, разумеется, такое настроение не могло быть вечно. В своем развитии партия натолкнулась на лишние препятствия: на бедность и отсталость страны, на консерватизм официального европейского рабочего движения. Ожидание немедленных больших событий сменилось сознанием необходимости долгой, упорной и кропотливой работы. Вместе с тем партия с бивуачного положения переходила на оседлое. За годы гражданской войны немало заключено было браков. К концу ее появились дети. Вопросы квартиры, обстановки, семьи получали все большее место. Связи революционной солидарности, охватывавшие партию в целом, сменились в значительной степени связями бюрократической и материальной зависимости. Раньше завоевывать сторонников можно было только идеями. Теперь многие стали учиться завоевывать сторонников постами и материальными привилегиями.

Ленин выбыл из ЦК, и в Политбюро все сплотились против одного. Люди перестраивались. Известные лучшие черты уходили куда-то назад. На первый план выдвигались те черты, которые тщательно скрывались или не получили развития. Все же пока личный состав Политбюро оставался прежний, воспоминания вчерашнего дня связывали людей и ограничивали их действия друг против друга.

Блок с Зиновьевым и Каменевым сдерживал Сталина. Как ни как они прошли длительную школу Ленина, они ценили идею, программу и хотя позволяли себе под видом военных хитростей чудовищные отступления от программы, нарушения идейной линии, все это все же в известных пределах. Раскол тройки снял со Сталина идейные ограничения. В Политбюро члены совершен-

но перестали стесняться невежества. Аргумент потерял силу. Особенное бесстыдство проявлялось в вопросах Коминтерна. Никто из членов Политбюро не придавал уже тогда самостоятельного значения иностранным секциям. Дело сводилось к тому, чтоб они голосовали против оппозиции. В течение ряда предшествующих лет я наблюдал в Коминтерне за французским рабочим движением. После переворота, произведенного в Коминтерне в конце 1923 и в течение 1924 года, новые руководства секции отодвигались все дальше и дальше от старой доктрины. Помню, я принес однажды на заседание Политбюро последний номер центрального органа Французской коммунистической партии и перевел несколько отрывков программной статьи. Отрывки были так выразительны в своем невежестве и оппортунизме, что в Политбюро наступило на минуту замешательство. Но нельзя было выдавать своих. Из членов Политбюро только один Рудзудак знал немного (или считал, что знает немного) французский язык по гимназическим воспоминаниям. Он попросил у меня отрывок газеты и стал переводить те же отрывки, пропуская слова, искажая смысл, подбавляя их своими фантастическими комментариями. Его немедленно поддержали хором.

Решающая атака была произведена на заседании фракции съезда. Тройка сжигала за собой всякие мосты. Атмосфера заседания была проникнута жутью. Никто не возражал, никто не спрашивал, никто не аплодировал, все сидели в величайшем напряжении, стремясь не проронить ни одного слова и разгадать ту механику, которая скрывается за этой неожиданной атакой. Неожиданной только для непосвященного большинства. На заседании были уже десятки наиболее видных представителей, которые были заранее подготовлены к предстоящей атаке и при общей растерянности определили тон собрания. Каменев и Сталин к этому времени уже не разговаривали друг с другом. Но волевое возмущение на собрании сблизило их. Они были довольны результатами, возвращались вместе в автомобиле, обменивались впечатлениями и строили планы на будущее. Обо всем этом рассказал мне Каменев в 1926 году после перехода двух членов тройки в ряды оппозиции.

После раскола тройки Политбюро пополнилось людьми случайными, отмеченными только готовностью поддерживать Ста-

лина против других. В Политбюро ворвались совсем чуждые настроения, новые пришельцы соперничали друг с другом в обнаружении своей враждебности к оппозиции, в готовности поддержать каждый шаг "вождя", стремлении превзойти друг друга в грубости. Людям как Ворошилов, Рудзудак, Микоян, которые ранее с благоговением относились к ЦК и Политбюро, теперь показалось, что все это был миф, раз они сами могут чувствовать себя господами Политбюро. От атмосферы горных высот не осталось ничего.

К этому времени (1924) относится задушевная беседа Сталина, Дзержинского и Каменева за бутылкой вина на даче. На вопрос, что каждый больше всего любит в жизни, разогретый Сталин ответил с необычной откровенностью: "Наметить жертву, все подготовить, беспощадно отомстить, а потом пойти спать". Об этом разговоре не раз передавал впоследствии Каменев, когда порвал со Сталиным. Каменев опасался худшего со стороны своего бывшего союзника, но все же он не предвидел той страшной мести, которой отомстил ему Сталин после долгой подготовки. Хорошо ли спал Сталин в ночь после расстрела Каменева, Зиновьева и других, об этом у меня сведений нет.

Период болезни Ленина Сталин широко использовал для подбора людей ему преданных. Сталин всякое положение, всякую политическую обстановку, всякую комбинацию людей примеривал к себе, к своей борьбе за власть, к своему стремлению господствовать над другими. Если это ему было интеллектуально не по плечу, он сталкивал двух наиболее сильных конкурентов. Искусство пользоваться личными или групповыми антагонизмами было доведено им до большой высоты. На этот счет у него выработался почти безошибочный инстинкт. Перед каждой новой обстановкой он первым делом спрашивал себя: что он лично может из нее извлечь? Когда интересы целого приходили в конфликт с его личными интересами, он всегда неизменно жертвовал интересами целого, если только разумеется его нельзя было непосредственно подвергнуть контролю, иначе сказать, он соблюдал интересы партии, если они совпадали с его личными интересами, направленными на влияние и власть. Безошибочным инстинктом и неутомимой настойчивостью он всегда при всяком

случае, по всякому поводу делал то, что может причинить затруднение другому сопернику, более сильному; с другой стороны, он почти с такой же настойчивостью стремился вознаградить поддержку, всякий акт личной верности. Наиболее яркий пример: истребление лучших советских полководцев. Отзыв Бухарина: он не может терпеть, когда у другого что-нибудь есть, чего у него нет.

В 1925 году Сталин взял под защиту Зиновьева и Каменева против моей критики их поведения в 1917 году. "Вполне возможно, что кое-кто из большевиков, — писал он, — действительно хныкал в связи с июльским поражением. Мне известно, например, что кое-кто из арестованных тогда большевиков готов был покинуть даже наши ряды. Но умозаключить отсюда против некоторых будто бы правых (будто бы членов ЦК) — значит, безбожно искажать историю".

В этой цитате, так решительно берущей под защиту Зиновьева и Каменева, интересно вскользь брошенное замечание о кое-ком из арестованных тогда большевиков. Сталин метил в Луначарского. В бумагах следствия найдены были показания Луначарского на следствии, данные после июльских дней, отнюдь не делавшие чести его политическому мужеству. Но не это имело для Сталина решающий характер. В 1923 году Луначарский выпустил свои "Силуэты вождей революции", в число которых Сталин не был включен, не потому что Луначарский был против Сталина, а потому что ему, как и всем другим, не приходило в голову причислять Сталина к числу "вождей революции". В 1925 году положение изменилось. Сталин поставил Луначарскому ультиматум, изменить свою политику, либо пасть в жертву разоблачения. Именно поэтому Луначарский не назван по имени. Ему дается известный срок выравнения фронта. Луначарский во всяком случае, понял, о ком идет речь, и радикально изменил свою позицию. Его июльские грехи были немедленно отпущены.

С делом истребления противников и оппонентов новой правящей касты Сталин соединил дело своей личной мести. При его пожирающем честолюбии, но бедных интеллектуальных ресурсах, лишенному какого бы то ни было таланта, ему часто приходилось страдать в обществе менее его честолюбивых, менее его сильных характером, но несравненно более ярких, ода-

ренных и великодушных. Чего Сталин, эта выдающаяся посредственность, никогда не прощал никому, это — духовного превосходства. Он заносил в список своей памяти всех, кто в какой бы то ни было степени превзошел его или хотя бы не отнесся к нему со вниманием. А так как вся советская олигархия, как и всякая вообще бюрократия, есть организованная и централизованная посредственность, то личные инстинкты Сталина как нельзя лучше совпадали с основными чертами бюрократии: ее страхом перед массами, из которых она вышла и которых она предела, и ее ненавистью ко всякому превосходству.

Сталин вышел из школы революционных борцов, которые никогда не останавливались ни перед самыми решительными мерами действия, ни перед пожертвованием собственной жизни. Сталин вышел из этой школы. Но беспощадную решимость и твердость старых революционеров Сталин переключил на службу новой касты привилегированных. Под видом продолжения старой борьбы Сталин подвел под маузер ЧК и истребил все старое поколение большевиков и всех наиболее независимых и самоотверженных представителей нового поколения. Где маузер оказывался почему-либо неудобен, Сталин прибегал к яду. На знаменитых московских процессах раскрылось с несомненностью, что в распоряжении Сталина имеется богатая лаборатория ядов и штат медиков, которые под видом лечения устраняют неугодных Сталину лиц. Врачи точно называли те лекарства, которыми они пользовались в таких пропорциях, в таких условиях, когда они из целебных средств превращались в средства убийства. Это делалось тем легче, что большевикам, особенно ответственным большевикам, врачи назначаются Центральным Комитетом партии, т.е. Сталиным. Таинственно погиб в свое время Фрунзе, ставший после меня во главе Красной армии, таинственно погибла жена Сталина Аллилуева; об отравлении говорили в связи со смертью Орджоникидзе, затем Максима Горького: оба они выступили в защиту старых большевиков от истребления. Если Сталин не сверх-Наполеон, то он, несомненно, сверх-Борджия. Если мы попытаемся найти исторические фигуры, которым можно было бы противопоставить Сталина, то мы не назовем ни Кромвеля, ни Робеспьера, ни Наполеона, ни Ленина, ни даже Муссолини или Гитлера. Скорее уж придется прив-

лечь фигуры мексиканского диктатора Парфирио Диаса или турецкого диктатора Мустафы Кемаль Паши.

Небольшое число хорошо посвященных людей, и я в том числе, всегда подозревали, что Сталин содействовал ускорению смерти Ленина. Я и сейчас готов доказать это при помощи ряда косвенных улик и соображений, которые в совокупности своей были бы, пожалуй, достаточны для судебного приговора, не оставляя места сомнению.

Можно ли, однако, от 1938 года, когда Сталин успел развить в себе все черты тирана, делать выводы к 1924 г., когда он только еще боролся за власть? Вопрос вполне законный. Никто во всяком случае не сомневался, что появление Ленина на предстоящем через несколько недель съезде партии означало бы устранение Сталина с поста генерального секретаря и тем самым его политическую ликвидацию. Больной Ленин находился в состоянии подготовки открытой непримиримой атаки против Сталина, и Сталин слишком хорошо знал это. В комитете старейших 12-го съезда Сталин говорил уже о завещании Ленина, как о документе больного человека, находящегося под влиянием "баб".

Сталин успел зайти слишком далеко, чтобы отступиться. Страшась того наступления, которое готовил против него Ленин, Сталин решил пойти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей советских постов, терроризировал тех, которые примыкали к ленинской группе и настойчиво распространял слух о том, что Ленин не отвечает за свои действия. Такова та атмосфера, из которой выросла записка Ленина о полном разрыве со Сталиным всяких товарищеских отношений. Это было последнее письмо, которое Ленин вообще написал в своей жизни, точнее, продиктовал. Об этом письме Каменев говорил в ту же ночь, когда оно было написано (с 5 на 6 марта 1923 года). Зиновьев рассказывал об этом письме на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК. Существование этого письма подтверждено в стенограмме свидетельством М.И.Ульновой: "Документы по поводу этого инцидента имеются" (из заявления М.И.Ульяновой в Президиум Пленума). Никому тогда не могло прийти в голову оспаривать факт этого письма. Не только хронологически, но и политически, и морально оно подвело последнюю черту под отношениями Ленина и Сталина. Факты свидетельствуют о том, что Ленин не мог видеть в Сталине своего преемника.

На июльском пленуме 1927 года по требованию оппозиции оглашены были и занесены в секретную стенограмму завещание Ленина и ряд других документов, характеризовавших крайне враждебное отношение Ленина к Сталину в последние месяцы его жизни. Сталин внес предложение обратиться с просьбой к Пятнадцатому съезду об отмене решений Двенадцатого съезда о неопубликовании завещания Ленина, чтоб опубликовать это завещание в Ленинском сборнике (разумеется, никогда зто выполнено не было).

Зиновьев, Каменев и я рассказали под стенограмму, что последним письмом, которое продиктовал Ленин накануне второго удара, было письмо о разрыве всяких товарищеских и личных отношений со Сталиным. Крупская молчала, подтверждая своим молчанием наши слова. Но Ульянова, тесно связанная в то время с Бухариным, ближайшим союзником Сталина, сделала письменное заявление в том смысле, что письмо о разрыве отношений имело личный характер, навеяно было временными обстоятельствами, как это видно, между прочим, из того, что незадолго до этого письма Ленин призывал Сталина и обращался к нему с такой просьбой, которую можно было поручить только подлинному революционеру, заслуживающему доверия. Ульянова не шла дальше зтого намека. Никто из нас, оппозиционеров, не счел возможным расшифровывать ее слова, но речь шла, разумеется, об обращении Ленина к Сталину за ядом.

На самом деле истолкование Ульяновой, несмотря на свою внешнюю убедительность, ложно, по крайней мере, в той своей части, которая нас сейчас интересует. Ленин был день и ночь окружен заботами жены и сестры. Две женщины бодрствовали над больным, как раньше над здоровым: жена Ленина Н.К.Крупская, верная подруга и неутомимая участница всей его работы с молодости до старости, и Мария Ульянова, младшая сестра. Никогда не знавшая собственной семьи, Ульянова все ресурсы своей души перенесла на брата. В ее характере были некоторые черты, общие ей с братом: верность, настойчивость, непримиримость; однако при умственной ограниченности эти черты получали нередко карикатурный характер. Ульянова ревновала Ленина к Крупской и доставляла последней немало горьких часов. Пока Ленин был жив, он в качестве высшего авторитета для

обеих выравнивал, как мог, их отношения. После его смерти положение изменилось. Ни одна из двух женщин не могла быть, разумеется, истолковательницей воли Ленина. Но каждая до известной степени стремилась ею стать. Крупская, политически гораздо больше была связана с Лениным, чем его сестра Мария. Все секретные бумаги Ленин доверил жене, с которой политически был связан несравненно более тесно, чем с сестрой. Крупская одна была в курсе планов Ленина относительно Сталина. В ее руках оказалось политическое "завещание" Ленина, которое она передала в Центральный Комитет и требовала затем — разумеется тщетно — его оглашения на Двенадцатом съезде (1923). К голосу Крупской прислушивались, ее боялись. Ульянова сразу оказалась отодвинута на задний план и из-за оппозиции к Крупской оказалась в лагере Сталина. Обе женщины жили вместе на старой квартире, и Ульянова отравляла существование Крупской изо дня в день. В лице Крупской Сталин мстил Ленину за завещание, как и за его превосходство вообще.

Я должен прямо сказать, что, обдумывая этот эпизод в прежние годы, в частности, во время писания своей автобиографии (когда я считал еще невозможным публично поднимать этот вопрос), я сам не шел дальше того предположения, что Ленин понимал заинтересованность Сталина в его смерти и что Сталин догадывался о подозрениях Ленина. Процесс Ягоды и других заставил меня снова пересмотреть эту главу в истории Кремля. Наиболее из всех приближенное к Сталину лицо оказалось профессиональным отравителем, причем к услугам его по этой части стояли главные врачи кремлевской больницы, те самые, которые лечили членов правительства, начиная с Ленина. С какого именно времени лаборатория ядов вошла в административную систему Сталина? Этого я не знаю. Может быть, именно Ленин своей просьбой натолкнул Сталина на мысль, что при соответствующих условиях яд может быть очень действенным средством для устранения препятствий. Ягода уже имел в то время ближайшее отношение к охране Ленина и был очень хорошо посвящен в виды и опасения своего покровителя и союзника. Если Сталин сам опасался выполнить просьбу, ссылаясь на сопротивление других членов Политбюро, то он мог без труда натолкнуть Ленина на мысль обратиться за той же услугой к Ягоде. Смерть

Ленина могла произойти и нормальным путем, но могла быть и ускорена. Факт таков, что она наступила внезапно, после периода медленного улучшения.

Если у Сталина был замысел помочь работе смерти, то остается вопрос: зачем он сообщил о просьбе Ленина членам Политбюро, если он собирался так или иначе ее выполнить? Он, во всяком случае, не мог ждать поддержки или содействия с их стороны, наоборот, он был уверен, что встретит отпор прежде всего с моей стороны.

Все важнейшие вопросы не только обсуждались, но и решались за моей спиной. При мне в заседаниях Политбюро происходило только чисто формальное обсуждение, целью которого было узнать мое мнение и возложить на меня ответственность. Зачем же вообще понадобилось посвящать меня в зто дело? На это я могу ответить гипотезой, которая мелькала у меня давно, но которая превратилась, я готов сказать, в уверенность только после московских процессов.

Поведение Сталина в этом случае кажется загадочным, необъяснимым только на первый взгляд. В тот период Сталин был еще далек от власти. Он мог с основанием опасаться, что впоследствии в теле будет обнаружен яд и что будут искать отравителя. Гораздо осторожнее было при этих условиях сообщить Политбюро, что Ленин хочет отравиться. Политбюро решило вопрос о доставке ему яда отрицательно, но Ленин мог получить яд другим путем.

Политбюро отнимало у него возможность выполнить просьбу Ленина (действительную или мнимую) легально. Но в зтом не было и нужды. Если Ленин обратился к нему, то не в официальном, а в личном порядке, рассчитывая, что зту услугу Сталин окажет ему охотно. Передать больному яд можно было разными путями через очень надежных людей в окружении. При Ленине были члены охраны, среди них люди Сталина. Могли дать яд при таких условиях, что никто не знал бы о характере передачи, кроме Ленина и его самого.

Никто никогда не узнал бы, кто именно оказал больному зту услугу. Сталин мог всегда сослаться на то, что ввиду его отказа по решению Политбюро, Ленин нашел, очевидно, какой-то иной источник. Зато на случай открытия дела, вскрытия тела и обна-

ружения отравы преимущества предупреждения были поистине неоценимы: все члены Политбюро знали, что Ленин хотел достать яд, Сталин вполне легально предупредил об этом Политбюро. С этой стороны Сталин обеспечивал себя, таким образом, полностью.

Остается самый главный вопрос: было ли тело Ленина подвергнуто обследованию? Вряд ли кто-либо потребовал этого. Во всяком случае, не Сталин, который вместе с Зиновьевым и Каменевым был хозяином положения, — руководил всем, что касалось смерти, вскрытия, извещения населения, затем похорон.

Можно зайти дальше в подозрениях и поставить вопрос о том, действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом. Не была ли вся эта комбинация выдумана для того, чтобы заранее установить свое алиби? Опасности проверки не было ни малейшей: никому из нас не могло, разумеется, прийти в голову допрашивать Ленина, действительно ли он пытался через Сталина добыть яд. Зато в случае, если бы яд в трупе оказался обнаружен, объяснений искать не пришлось бы: Политбюро было в свое время извещено, что Ленин искал смерти; очевидно, несмотря на отказ Сталина в помощи, он сумел ее найти...

Замечательно, что об обращении к нему Ленина Сталин не предупредил ни Крупскую, ни сестру Ленина Марию. Обе они бодрствовали у изголовья больного. Если Ленин действительно обратился к Сталину и если он действительно хотел предупредить выполнение просьбы больного, то прежде всего предупредил бы жену и сестру. На самом деле обе они узнали об этом эпизоде только после смерти Ленина.

Я в это время в качестве больного находился уже в Сухуми, на Кавказе, на берегу Черного моря. В связи с этим стоит, пожалуй, остановиться на часто повторявшемся утверждении, что я потерял власть, так как... так как не участвовал в похоронах Ленина. Это объяснение дает, в частности, Вальтер Дуранти, считающий легкомыслие хорошо дисциплинированным цинизмом. Возвышение Сталина, означавшее победу бюрократии над народом, имело гораздо более глубокие источники, чем мое неучастие в похоронах Ленина. Однако этот факт неучастия, несомненно, произвел неблагоприятное впечатление.

Помню в 1925 г. Зиновьев, разговаривая с Раковским или пытаясь импонировать ему своей победой, говорил обо мне: "Плохой политик не сумел найти правильной тактики, поэтому и потерпел поражение". В тот период Зиновьев еще совершенно не догадывался, что он стал орудием бюрократической реакции. Уже через год после этой беседы он был в оппозиции. Когда сложилась тройка оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Каменев), в партии ходила острота: Каменева они терпят, но не уважают; Зиновьева они не терпят и не уважают; Троцкого они не терпят, но уважают. Это с известной меткостью характеризовало отношение бюрократии к главарям оппозиции.

Осенью 1925 г. Сталин прекратил заседания триумвирата, привлекая к себе большинство в Политбюро. Еще в апреле 1925 г. я был смещен с поста главы военного ведомства. Моим преемником стал Фрунзе, старый революционер, проведший годы на каторге. Не будучи политически крупной фигурой, он обнаружил в гражданской войне несомненные качества полководца и твердый характер. На посту руководителя вооруженных сил ему суждено было оставаться недолго: уже в ноябре 1925 г. он скончался под ножом хирурга. Но за эти немногие месяцы Фрунзе проявил слишком большую независимость, охраняя армию от опеки ГПУ: это было то самое преступление, за которое погиб 12 лет спустя маршал Тухачевский. Оппозиция нового главы военного ведомства создавала для Сталина огромные опасности; ограниченный и покорный Ворошилов представлялся ему гораздо более надежным инструментом. Бажанов изображает дело так, что у Фрунзе был план государственного переворота. Это только догадка, и притом совершенно фантастическая. Но, несомненно, Фрунзе стремился освободить командный состав от ГПУ и ликвидировал в довольно короткий срок комиссарский корпус. Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина. Факт во всяком случае таков, что Фрунзе сопротивлялся операции.

Из всех данных ход вещей рисуется так. Фрунзе страдал язвой желудка, но считал, вслед за близкими ему врачами, что его сердце не вынесет хлороформа и решительно восставал против

операции. Сталин поручил врачу ЦК, т.е. своему доверенному агенту, созвать специально подобранный консилиум, который рекомендовал хирургическое вмешательство. Политбюро утвердило решение. Фрунзе пришлось подчиниться, т.е. пойти навстречу гибели от наркоза. Обстоятельства смерти Фрунзе нашли преломленное отражение в рассказе известного советского писателя Пильняка. Сталин немедленно конфисковал рассказ и подверг автора официальной опале. Пильняк должен был позже публично каяться в совершенной им "ошибке". Со своей стороны, Сталин счел нужным опубликовать документы, которые должны были косвенно установить его невиновность в смерти Фрунзе. Права ли была в этом случае партийная молва, я не знаю; может быть, никто никогда не узнает. Но характер подозрения сам по себе знаменателен. Во всяком случае, в конце 1925 г. власть Сталина была уже такова, что он смело мог включать в свои административные расчеты покорный консилиум врачей и хлороформ, и нож хирурга. Между тем, в стране вряд ли больше одного процента населения знало в то время его имя.

Приведу еще одну иллюстрацию. По поводу моей высылки в Турцию (февраль 1929 г.) уже упоминавшийся выше Бажанов пишет: "Это лишь полумера. Я не узнаю моего Сталина... Мы совершили некоторый прогресс со времени Цезаря Борджиа. Тогда всыпали быстро действующий порошок в кубок фалернского вина; либо же враг погибал, откусив яблока. Теперешние способы действия вдохновляются последними завоеваниями науки. Культура коховских бацилл, систематически и понемножку подмешиваемая в пищу, вызывает скоротечную чахотку и быструю смерть", — не вызывая ни с какой стороны подозрения. "Не ясно, в общем, — недоумевал Бажанов, — почему Сталин не следовал этому методу, до такой степени свойственному его привычкам и его характеру".

Был ли тогда уже Сталин способен на такую комбинацию? Все данные его биографии заставляют ответить утвердительно. Со времен тифлисской семинарии он влачит за собою хвост зловещих подозрений и обвинений. Во время гражданской войны он лизнул крови. Чернила и печатная бумага казались ему слишком ничтожными средствами в политической борьбе. Только мертвые не пробуждаются! После того как Зиновьев и Каменев пор-

вали со Сталиным в 1925 г., оба поместили в надежном месте письма: "Если мы погибнем внезапно, знайте, что это дело рук Сталина". Они советовали мне сделать то же самое. "Вы воображаете, — говорил Каменев, — что Сталин озабочен тем, как ответить на ваши доводы? Нет, он размышляет над тем, как ликвидировать вас безнаказанно". "Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя татарского совнаркома в 1923? — продолжал Каменев. — Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови... Как только мы порвали с ним, мы составили нечто вроде завещания, где предупреждали, что в случае нашей "нечаянной" гибели, виновником ее надлежит считать Сталина. Документ этот хранится в надежном месте. Советую вам сделать то же самое: от этого азиата можно ждать всего..."

Зиновьев говорил мне в первые недели нашего недолговечного блока (1926-1927): "Вы думаете, что Сталин не взвешивал вопроса о вашем физическом истреблении? Взвешивал, и не раз. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь взложит ответственность на "тройку" или лично на него и может прибегнуть к террористическим актам. Сталин считал поэтому необходимым разгромить предварительно кадры оппозиционной молодежи. А там, мол, видно будет... Его ненависть к нам, особенно к Каменеву, вызывается тем, что мы слишком многое знаем о нем". Зиновьев прибавил: "Он бы покончил с вами еще в 1924 г., если б не боялся в ответ террористических актов со стороны молодежи". Это не были догадки. Во время медовых месяцев триумвирата члены его разговаривали с достаточной откровенностью.

В 1930 г., когда вышла книга Бажанова, это рассуждение показалось мне литературным упражнением. После московских процессов я более серьезно отнесся к сравнительной оценке коховских бацилл и ядов Борджиа. Откуда это? Кто внушил молодому человеку эти мысли? Бажанов получил свое воспитание в передней у Сталина. Там вопросы о бациллах и ядах обсуждались, следовательно, уже до 1926 года, когда Бажанов покинул секретариат Сталина, чтобы два года спустя бежать за границу в качестве белого реакционного эмигранта.

Помнится, Смилга указывал в разговоре на то, что в первый период революции многие старые щели заделывались, раны зарубцовывались, полувраждебные революционные группировки сближались, старые противники примирялись и пр. И наоборот, в следующий период, который открылся с 1923 г., открылся процесс обратного характера: всякая щель стала расширяться, всякое противоречие обостряться, всякая рана загнаиваться. Это относится к большевистской партии, которая в старом своем виде, со старыми своими традициями и старым составом все больше приходила в противоречие с интересами нового правящего слоя. В этом противоречии вся суть термидора.

Немало людей, которые дальнейшее развитие, в том числе все жертвы и ужасы термидорианского режима, пытаются свести к каким-то основным первоначальным свойствам большевистской партии, как будто партия является единственным или всемогущим фактором истории. Партия есть временный исторический инструмент — один из многих инструментов и орудий истории. Большевистская партия ставила себе целью завоевание власти рабочим классом. Поскольку эта партия впервые в истории осуществила эту задачу и обогатила человеческий опыт грандиозными завоеваниями, она выполнила огромную историческую роль. Требовать от нее, чтоб она заменила и подчинила себе другие факторы гораздо более тяжеловесные массовые, классовые, факторы враждебные ей, действующие не только на национальной, но и на мировой арене, значит вдаваться в область грубой метафизики.

Ограниченность партии, как исторического орудия, в том и выразилась, что с удобного момента партия начала расшатываться, в ней появились трещины. С 1923 года в слабой степени, с 1927 — в грандиозной степени происходит процесс ломки, крушения, разрушения старой большевистской партии и разрушение ее кадров. Для установления того режима, который справедливо называется сталинским, нужна была не большевистская партия, а истребление большевистской партии.

Суварин со своим чисто формальным безжизненным мышлением совершенно не видит и не понимает этого. Он пытается вывести всю эволюцию советской республики из некоторых первоначальных пороков, заложенных в большевизме, как если бы

большевизм оперировал в пустом пространстве или с аморфной массой, как если бы большевизм являлся эмбрионом истории, которая лепит из человеческого материала по образу и подобию своему, как если бы не было сопротивления социальной среды, как если бы не было давления извне.

Книга Суварина, несомненно, наиболее добросовестное исследование, поскольку дело касается подбора фактов, документов, цитат. Суварин имеет огромное преимущество над биографами Сталина в том, что он знает русский язык и соответственную литературу. Но ум его формален, совершенно лишен исторического проникновения и интуиции. Он не видит явлений в трех измерениях. Он ищет литературных прецедентов, а не внутренних законов развития.

Многие обращали внимание на тот факт, что у Сталина не получалось длительного примирения ни с одним из его бывших противников. В 1929-1930 и следующие годы были ближайшие годы повальной капитуляции. Среди капитулянтов руководящее место занимали старейшие большевики, члены Центрального Комитета, и многолетние сотрудники Сталина. Несомненно, в первый период было много лицемерных покаяний. Оппозиционеры пытались играть в прятки с историческим процессом, притворяться единомышленниками Сталина, выждать в покровительственной окраске более благоприятного момента и затем выступить открыто. Эти действия в корне фальшивые, с точки зрения революционной политики, потому что капитуляция есть не секретный конспиративный прием военной хитрости, а открытый политический акт, который влечет за собой немедленно политические последствия, именно укрепление позиций Сталина и ослабление оппозиции.

Однако далеко не все покаяния имели характер военной хитрости. Бармин рассказывает, как многие сомневающиеся, колеблющиеся или прямые противники Сталина после успехов действительных или мнимых первой пятилетки, после разгрома оппозиционного руководства приходили к выводу, что другого руководства нет, что как ни плохо ведет свою работу Сталин, тем не менее страна продвигается вперед, что нужно отбросить все другие соображения и работать под руководством Сталина.

Было немало таких, которые после первого покаяния и попыток архисекретной оппозиционной работы убеждались, что политическая обстановка изменилась для оппозиции не в лучшую, а в худшую сторону. Такие оппозиционеры чувствовали себя изолированными и через некоторое время попадали под недремлющий надзор ГПУ. Они переживали подлинный внутренний кризис, боялись за будущее партии, многие — за свое будущее, каялись, чистосердечно возвращались на второстепенную работу и становились послушными, смертельно перепуганными и полностью преданными чиновниками.

Среди тех, которые каялись и обещали верную службу, было немало бескорыстных и искренних людей. Они, конечно, не могли заставить себя верить, что Сталин — отец народов и пр. Но они видели, что в его руках власть и что он так или иначе охраняет наследие Октябрьской революции. Они обещали ему свою верность без всякой задней мысли. Они, хотя и с горьким чувством, жертвовали своей личностью, своим достоинством во имя политической цели, которую они ставили выше всего. Тем не менее они не спаслись. Сталин не верил им. Он вообще не способен верить в бескорыстные мотивы, самоотвержение, которое ставит политическую цель выше личного честолюбия и даже личного достоинства. Он считал, что они хотят обмануть его. И так как он знал, что они не считают его великим человеком, а только человеком, занимающим великое место, он ненавидел их двойной ненавистью. Ему нужен был только повод, благоприятная обстановка, политическая цель, чтоб истребить их и отомстить им за свою посредственность. Все они были арестованы в 1936 г., высланы, многие расстреляны. Почему Сталину понадобилось разрушать, истреблять этих людей, которые в известном смысле были преданы ему вдвойне?

И этот процесс как и другие процессы сталинской политики развивался медленно, автоматически и имел свою внутреннюю логику. Сперва Сталин не доверял и нередко вполне основательно, покаяниям, опасаясь применения политики троянского коня. С течением времени, путем контроля, отбора, обысков, перлюстрации переписки и т.д. это опасение отпало. В партии были восстановлены, правда, на второстепенных советских постах те, кто искренне покаялись. Но когда наступила пора московс-

ких театральных процессов, все эти бывшие члены оппозиции, хорошо знакомые с условиями оппозиции, хорошо знавшие вождей оппозиции и действительное содержание их работы, становились величайшей опасностью для адского замысла истребления старшего поколения революционеров. В населении оказались рассеяны многие тысячи, десятки тысяч свидетелей оппозиционной деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и других. Они могли шепнуть ближайшим друзьям, что обвинение есть подлог. От друзей к друзьям это обличение могло распространиться по всей стране. Опасных свидетелей надо было устранить.

Но было и другое соображение более близкого личного характера, которое, несомненно, играло немалую роль в политической психологии Сталина. Параллельно с истреблением оппозиции шло его личное обоготворение. Шла перестройка его биографии, ему приписывались черты, которых он не имел, качества, которыми он не располагал, подвиги, которых он не совершал. Между тем, среди оппозиционеров и вполне искренно раскаявшихся были сотни и тысячи людей, которые с ним близко соприкасались, которые знали его прошлое, которые разделяли с ним тюрьмы и которых нельзя было обмануть, хотя бы они и делали все от них зависящее, чтобы быть обманутыми. По мере того как прежде в пропаганде, в печати, в школах поднималась волна отвратительного византийства, Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и которые сознательно говорили ложь в качестве доказательства своей верности вождю. К преданным, но знающим прошлое, Сталин относился, пожалуй, с большей враждою, с большей неприязнью, чем к открытым врагам. Ему нужны были люди без прошлого, молодежь, которая не знала вчерашнего дня, или перебежчики с другого лагеря, которые с первых дней смотрели на него снизу вверх, ему необходимо было полное обновление всего партийного и советского аппарата.

Правда, он не мог довести этой работы до конца. Для поддержания видимости правления с большевистской партией необходимо было на верхах ее Политбюро сохранить группу старых большевиков. Эта группа из фигур второго, третьего и следующих рядов подбиралась постепенно в процессе борьбы с

разными оппозиционными группировками. Каждого из них Сталин ставил по возможности в такое положение, когда он должен был предавать своих вчерашних друзей и единомышленников и выступать против них с бешенной клеветой. Таково было поведение Калинина по отношению к так называемой рабочей оппозиции, затем по отношению к правой оппозиции. Таково было поведение Ворошилова сперва по отношению к правой оппозиции, затем по отношению к своим заместителям по военному ведомству.

Молотов пробовал сопротивляться и одно время висел на волоске. О каждом из этих ближайших сотрудников у Сталина имеются тетради документов, характеризующих их личные ошибки, промахи и другие грехи.

Устрялов писал, что вымирание старшего поколения большевиков откроет ворота новым, более реалистическим тенденциям. Ленин писал по этому поводу, что враг правильно подметил опасность. Старые большевики представляли революционную традицию и международные связи, международную перспективу. С точки зрения задач международной революции это был незаменимый капитал. Особая и исключительная забота Ленина о старшем поколении революционеров диктовалась не только товарищеской солидарностью, но и соображениями политического характера.

Еще в 1923-1926 гг. вся борьба против "троцкизма" велась силой энерции под лозунгом сохранения старой гвардии. Оппозиция обвинялась в том, что она ведет подкоп под старую гвардию большевизма. Была создана особая комиссия по наблюдению за состоянием здоровья старых большевиков.

Поворот в сторону открытого термидора не выразился ни в чем с такой яркостью, как в политической компрометации старой гвардии, а затем в ее физическом истреблении. Комиссия по охране здоровья старых большевиков была заменена небольшим отрядом палачей ГПУ, которых Сталин награждал орденом Красного Знамени.

Многие критики, публицисты, корреспонденты, историки, биографы пытались доказать, что тактика левой оппозиции была

нецелесообразна с точки зрения борьбы за власть. Но самый подход к вопросу неправилен. Левая оппозиция не могла завоевать власть и не надеялась на это в лице, по крайней мере, наиболее критических руководителей. Борьба за власть для левой оппозиции, т.е. для революционной марксистской организации, мыслима была только в условиях революционного подъема. В этих условиях тактика основана была на наступлении, на прямой апелляции к массам, на прямой атаке правительства, в этой борьбе ряд представителей левой оппозиции занимал не последнее место. Условия после были в корне отличны, вернее сказать, противоположны. На падающей волне массового движения, революционное крыло не могло ставить своих задач в борьбе за власть. Мы помним, как большевистская партия в годы реакции 1908, 1911 и позже отказалась от прямой атаки на монархию и поставила себе задачей подготовку будущей атаки путем борьбы за революционные традиции, сохранение известных кадров, анализа развивающихся событий и использования всех легальных и полулегальных возможностей для воспитания передового слоя рабочих. Условия советской реакции были для оппозиции неизмеримо тяжелее, чем условия царской реакции для большевизма. Задача в основном оставалась та же: сохранение революционных традиций, держание связи между передовыми элементами в партии, анализ развивающихся событий термидора, подготовка к будущему революционному подъему на мировой арене СССР. Опасность была в том, что оппозиция может недооценить свои силы и слишком рано покинуть поле боя. После ряда актов борьбы передовой отряд разбился не только о сопротивление бюрократии, но и равнодушие массы.

Другая опасность состояла в том, чтобы, убедившись в невозможности прямого, открытого общения с массой, хотя бы с их авангардом, оппозиция опустила бы руки, в ожидании лучших времен.

В 1925 году Иоффе сказал мне в Совнаркоме: "Вы не отдаете себе полного отчета в том вырождении, которое претерпела партия. Подавляющее большинство ее, во всяком случае решающее большинство — чиновники; они гораздо больше заинтересованы в назначениях, повышениях, льготах, привилегиях, чем в вопросах социалистической теории или в событиях междуна-

родной революции. В нашей политике они видят дон-кихотство. Под политическим реализмом (они в парадных речах отождествляют его с ленинизмом), они понимают заботу о собственных интересах". Я вспоминаю слова, которые передала из Берлина жена Крестинского: "Надо бросить оппозицию, надо пользоваться жизнью".

Непрерывные успехи Сталина, начиная с 1923 года, постепенно привели его к убеждению, что исторический процесс можно обмануть или изнасиловать. Московские процессы представляют собою высший пункт этой политики обмана и насилия. Вместе с тем они открывают период сползания. Сталин начинает явственно чувствовать, как почва осыпается и сдвигается под его ногами. Каждый новый обман требует двойного обмана для своего поддержания; каждое насилие расширяет радиус необходимых насилий. Начинается явный период заката, в течение которого мир поражается не столько силой воли и неколебимости, сколько низменными интеллектуальными ресурсами и политическими средствами. Ни обмануть, ни изнасиловать исторический процесс нельзя. Процессы, видимо, поразили всю демократию, за исключением ничтожной посвященной кучки. Никто не понимал, зачем эти процессы понадобились, никто не верил, что опасность со стороны оппозиции была настолько велика. Сталин, несомненно, не предвидел тех последствий, к каким приведет его первый процесс. Он надеялся, что дело ограничится истреблением нескольких наиболее ненавистных противников и смертельным ударом по IV Интернационалу за границей. В сущности, именно в этом состояла его главная политическая цель. Однако он сам не рассчитал силы удара. Он затронул ножом жизненные ткани правящего слоя. Бюрократия испугалась и ужаснулась. Она впервые увидела в Сталине не первого среди равных, а азиатского тирана, Чингисхана, как его назвал некогда Бухарин. Под действием толчка, который он сам вызвал, Сталин убедился, что он отнюдь не является безапелляционным авторитетом для всего старого слоя советской и партийной бюрократии (которая помнит его прошлое и уже потому одному не способна поддаться гипнозу). Сталину пришлось вокруг кружка очертить ножом следующий концентрический круг большего радиуса. Испуг и ужас возросли вместе с числом затронутых жизней и угрожае-

мых интересов. В старом слое никто не верил обвинениям и под влиянием страшной встряски все заговорили об этом друг с другом.

Несмотря на исключительную силу коварства, вооруженного всеми ресурсами государственной власти и новейшей техники, московские процессы, взятые в целом, поражают, как грандиозный абсурд, как бред ограниченного человека, вооруженного всей полнотой власти. Не будет преувеличением сказать, что в основных своих обвинениях процессы проникнуты духом тоталитарного идиотизма.

Своими чудовищными процессами Сталин доказал гораздо больше, чем хотел, вернее сказать, доказал не то, что хотел доказать. Он раскрыл свою собственную лабораторию химическую и всякую иную. Он заставил исповедываться 150 людей в никогда не совершенных ими преступлениях. А в сумме процессы превратились в исповедь Сталина.

Менжинский умер 10 мая 1934 г. На следующий день умер Максим Алексеевич Пешков. Менжинский, глава ГПУ, был во всяких оппозициях, был с бойкотистами, увлекался французским анархо-синдикализмом и пр. Сейчас он увлекся аппаратом репрессии. Вне ГПУ для него ничего не существовало. Никаких самостоятельных мыслей у него не было. Чтоб аппарат ГПУ действовал без перебоя, необходимо было твердо поддерживать власть. Во время гражданской войны Менжинский предупреждал меня однажды против интриг Сталина. Я рассказывал об этом в своей автобиографии. Он был верен тройке, когда она стояла во главе. Он перенес свою верность на Сталина, когда тройка распалась.

В 1927 году, осенью, когда во внутрипартийные разногласия вмешалось ГПУ, мы целой группой посетили Менжинского (Зиновьев, Каменев, Смилга, я и, кажется, кое-кто еще). Мы требовали, чтобы Менжинский показал нам те свидетельские показания, которые он оглашал на заседании Центрального Комитета. Он не скрывал, что дело идет, в сущности, о подлоге, но наотрез отказался показать нам свои документы. "Помните, Менжинский, — спросил я его, — как вы мне однажды в моем поезде на Южном фронте, говорили о том, что Сталин ведет

против меня интригу", — Менжинский замялся. Но тут вмешался Ягода, который в это время состоял в качестве сталинского инспектора над главою ГПУ. "Но товарищ Менжинский, — сказал он, просунув свою лисью голову, — вовсе и не выезжал на Южный фронт". Я оборвал Ягоду, сказал, что обращаюсь не к нему, а к Менжинскому, и повторил свой вопрос. Тут Менжинский ответил: "Да, я был у вас в поезде на Южном фронте, предупреждал вас кое о чем, но, кажется, имен не называл". По лицу его блуждала обычная растерянная улыбка лунатика. Когда мы, ничего не добившись уходили, Каменев еще задержался у Менжинского. У них были свои счеты. Еще совсем недавно Менжинский состоял в распоряжении тройки, против оппозиционеров. "Неужели же вы думаете, — спросил Каменев Менжинского, — что Сталин один справится с государством?" Менжинский прямо не ответил: "А зачем же вы дали ему вырасти в такую грозную силу? — ответил он вопросом на вопрос, — теперь уже поздно".

По показаниям самого Ягоды в последние годы своей жизни Менжинский больше всего болел и работой руководил Ягода. Ягода примкнул к большевистской партии еще в эпоху царизма. Но оставался в партии незаметной фигурой. В 1919 г. он оказался секретарем военной фракции. В этом качестве делал мне раза два личные доклады. Он был очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой с землистым цветом лица (он страдал туберкулезом), с коротко постриженными усиками, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества.

Потом он перешел на работу в ГПУ, еще при Дзержинском, который, по личным связям, естественно собирал вокруг себя поляков. В ГПУ Ягода так же был чем-то вроде секретаря коллегии, если я не ошибаюсь, во всяком случае, фигурой третьестепенной и в первые годы режима мне никогда не приходилось слышать о нем.

Несколько раз он сопровождал меня на охоту под предлогом личной охраны, а на самом деле, думаю, потому, что сам был страстным охотником. Однажды во время охоты по торфяным болотам Ягода отделился от меня и забрел в такое место, откуда

не мог выбраться, не рискуя жизнью. Сперва он долго и отчаянно кричал, затем стал непрерывно стрелять. Только тогда мы догадались, что дело обстоит неладно и вернулись ему на помощь. Помнится, больше всего помогал в спасении Ягоды Уралов, бывший командующий московского военного округа, впоследствии одна из жертв Ягоды.

Общий замысел и инсценировки, мнимые планы заговорщиков, разделение ролей между ними — все зто грубо, низменно даже под углом зрения судебного подлога. Сталин пришел к мысли о добровольных признаниях. Здесь не было заранее задуманного плана. Постепенно подбирались злементы человеческого унижения и самоотречения. Постепенно усиливалось давление. Так противоестественная механика добровольных показаний почти естественно выросла из роста силы давления тоталитарного режима. Посвященное лицо объяснило Бармину, что ГПУ формально обещало сохранить жизнь шестнадцати обвиненных по процессу Зиновьева, если они сделают требовавшиеся от них признания, жертвуя, таким образом, своей честью, чтобы доказать верность партии и борясь с троцкизмом. Чтобы их убедить, им сообщили декрет о праве обращения о помиловании, декрет, провозглашенный за пять дней перед процессом.

Каменев, наиболее рассчетливый и вдумчивый из обвиняемых, питал, видимо, наибольшие сомнения насчет исхода неравной сделки. Но и он должен был сотни раз повторять себе: неужели Сталин решится? Сталин решился.

В первые два месяца 1923 года больной Ленин готовился открыть решительную борьбу против Сталина. Он опасался, что я пойду на уступки и 5 марта предостерегал меня: "Сталин заключит гнилой компромисс, а потом обманет". Эта формула как нельзя лучше охватывает политическую методологию Сталина, в том числе и в отношении 16 подсудимых: он заключил с ними "компромисс", — через следователя ГПУ, а затем обманул их — через палача.

Методы Сталина не были тайной для подсудимых. Еще в начале 1926 г., когда Зиновьев и Каменев открыто порвали со Сталиным, и в рядах левой оппозиции обсуждался вопрос, с кем из противников мы могли бы заключить блок, Мрачковский, один из героев гражданской войны, сказал: "Ни с кем: Зиновьев убе-

жит, а Сталин обманет". Эта фраза стала вскоре крылатой. Зиновьев заключил с нами вскоре блок, а затем действительно "убежал". Вслед за ним, в числе многих других, "убежал", впрочем, и Мрачковский. "Убежавшие" попытались заключить блок со Сталиным. Тот пошел на "гнилой компромисс", а затем обманул. Подсудимые выпили чашу унижений до дна. После этого их поставили к стенке.

На Двенадцатом съезде партии в 1923 году Осинский, один из старых большевиков, выразил недовольство широких кругов партии диктатурой "тройки". Сталин ответил ему, что Осинскому не удастся разъединить Сталина с Зиновьевым и Каменевым. Зиновьев и Каменев могли бы напомнить об этом заявлении Сталину в своем последнем слове в качестве подсудимых, но договор с ГПУ лишил их возможности даже такого платонического удовлетворения.

Новый начальник ГПУ Ежов применил тактику, изобретателем которой надо признать по справедливости Ягоду, и добился тех же результатов. По процессу февраля 1938 года привлекался также секретарь Ягоды Буланов, в качестве отравителя, и был расстрелян. Каким доверием пользовался Буланов у Сталина видно из того, что Буланову поручено было вывезти меня и мою жену из Центральной Азии в Турцию. Пытаясь спасти своих двух бывших секретарей, Сермукса и Познанского, я потребовал, чтоб их отпустили со мной. Буланов, опасаясь громкого скандала на турецкой границе и желая устроить все миролюбиво, снесся в пути по прямому проводу с Москвой. Через полчаса он принес мне ленту прямого провода, на которой Кремль обещал прислать вслед Познанского и Сермукса. Я не верил этому. "Вы все равно обманете", — сказал я Буланову. "Тогда вы назовете меня подлецом". — "Утешение не большое", — ответил я.

1 декабря 1934 года был убит ленинградский наместник Сталина Киров. В дальнейших процессах признано было, что убийство совершено было под непосредственным руководством агентов ГПУ и по прямому приказу Ягоды. Сознательно ли Сталин пожертвовал головой Кирова, чтобы иметь тягу для похода против оппозиции или же он наделся задержать, приостановить

организованный им самим заговор в момент перед тем, как спущен будет курок револьвера, сказать трудно. Сейчас, может быть, один Сталин знает, как это было в действительности, так как всех своих сообщников он успел истребить.

В заседании 9 марта Ягода показал, что он отдал по инструкции Троцкого своим подчиненным в Ленинграде распоряжение "не препятствовать террористическому акту против Кирова". Такое распоряжение было равносильно приказанию организовать убийство Кирова. 1 декабря 1934 года я не предполагал, что ГПУ организовало действительное убийство Кирова, считая, что целью являлось подготовить заговор, впутать косвенно оппозиционеров и в последний момент раскрыть покушение. Необходимость опубликовать во всеуслышание, что 12 ответственных чиновников ГПУ знали о заранее готовящемся покушении на Кирова и начальник ГПУ Ягода приказал им не препятствовать покушению, может быть объяснена только тем, что Сталину необходимо было во что бы то ни стало восстановить свое алиби. На верхах бюрократии шушукались о том, что "хозяин" начал играть головами своих ближайших сотрудников. Сталину стало совершенно необходимым оторваться от Ягоды, создать между собою и Ягодой ров и свалить в этот ров труп Ягоды. Так выросла для Сталина необходимость пожертвовать своим сотрудником № 1.

Вышинский сравнивал в своей обвинительной речи Ягоду с американским гангстером Алькапоне и прибавлял: "Но мы, слава богу, не в Соединенных Штатах". Рискованное сопоставление! Алькапоне не был в Соединенных Штатах начальником политической полиции. А Ягода свыше десяти лет состоял во главе ГПУ, хотя, по словам Вышинского, Ягода "организатор и вдохновитель чудовищных преступлений".

Пересмотр прошлого довершался столь лихорадочными темпами, что разрушались вчерашние авторитеты. Официальнейший историк Покровский был после смерти объявлен врагом народа, так как недостаточно почтительно относился к прошлой истории России. Началась реабилитация не только старого национального патриотизма, но и военной традиции. Начались исследования русской военной доктрины, реабилитация русских стратегов включая и 1914 год.

Во время польской войны в военном журнале появилась грубо шовинистическая статья о "природном иезуитстве ляхов" в противовес "честному и открытому духу великороссов". Особым приказом журнал был прикрыт, а автор статьи, офицер генерального штаба Шапошников, отстранен от работы. Сейчас Шапошников состоит начальником штаба и является единственным из уцелевших старших офицеров эпохи гражданской войны. Только такие люди выжили, приспособились, уцелели (Трояновский, Майский).

В 1927 г., когда я был уже удален из Центрального Комитета и когда пересмотр партийной истории шел полным ходом в том учреждении, где я тогда еще работал (Главный концессионный комитет), происходило празднование Октябрьской годовщины. Я сидел в своем рабочем кабинете рядом с залом. Доклад об Октябрьском перевороте произносил чиновник Главного концессионного комитета К., который вступил в партию, как и многие другие (как американский посол Трояновский, английский посол Майский и пр. и пр. и пр.) только через несколько лет после переворота, когда победа его была обеспечена полностью. К. излагал историю не в таком чудовищном виде, как ныне: дело шло о десятой годовщине, но все же обходя имена наиболее ответственных руководителей Октябрьского переворота. Сам К. пользовался репутацией дельца, практика, не имеющего никакого отношения к революции. Я слушал за дверью не без улыбки этот поразительный доклад. С того времени прошло одиннадцать лет. Я за эти годы имел немало случаев смеяться у радио, слушая доклады по поводу Октябрьской революции со стороны господ, которые, как и упомянутый выше Ксандров, во время Октября были непримиримыми противниками большевиков, а затем много лет спустя, примирились с новой аристократией, выросшей из победоносной революции.

В советской истории указано:

"В ночь с 25 на 26 октября революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство". Это верно, не сказано только, что этим наступлением руководили Антонов-Овсеенко и Подвойский, ныне исчезнувшие.

"На II Всероссийском съезде Советов было сформировано первое советское правительство... Председателем Первого Совета Народных Комиссаров был избран Ленин". Это правильно, но, разумеется, история не отметила, что Ленин на заседании Центрального Комитета предложил во главе Совета Народных Комиссаров поставить председателя военно-революционного комитета — Троцкого. Только энергичный протест последнего побудил Ленина снять свое предложение.

Остановимся пока на этих цитатах. Картина совершенно ясна. Тот штаб большевистской партии, который руководил Октябрьским восстанием в центре и на местах, подвергся почти поголовному истреблению. Спаслись только те, которые успели во время умереть естественной смертью. Новый штаб Сталина состоит из людей, не принимавших никакого участия в вооруженном восстании или занимавших второстепенные посты. Новая история превращает всех вождей большевистской партии в изменников, а участниками гражданской войны, победоносного восстания назначает нынешних адъютантов Сталина.

Восстанием войск в Финляндии, сыгравшим крупнейшую роль, руководил член Центрального Комитета Смилга, но он расстрелян; восстанием Кронштадской крепости руководил лейтенант Раскольников, но он исчез бесследно. Взятием Петропавловской крепости руководили Подвойский и Антонов-Овсеенко. Но они исчезли. На Урале среди военных вел работу нынешний ленинградский наместник Сталина, но еще десять лет назад никто решительно в партии не знал самого имени Жданова. "В белоруссии подготовлял солдатскую массу к восстанию Ежов". Когда Ежов впервые появился на арене большой политики в 1935 г., имя его не было известно решительно никому.

В течение двух десятилетий во всех сферах государственной жизни происходил отбор наиболее выдающихся, наиболее подходящих, наиболее умелых и талантливых людей для наиболее ответственных постов. Советская дипломатия представляла, несомненно, исключительный подбор людей. Им не хватало, правда, подчас дипломатической рутины, но у них была зато широкая осведомленность, интернациональное образование, знакомство со столицами важнейших стран мира, с их печатью, политическими партиями. Люди, как Иоффе, Раковский, Красин, Чичерин, Карахан, Литвинов, не падают с неба каждый день.

Бармин пишет, что "почти все сотрудники Чичерина исчезли расстрелянные или заключенные". Никто не знает, почему был расстрелян в самой глубокой тайне, прежде чем он был глупо оклеветан в процессе 21, Карахан. У него не было недостатка в успехе среди женщин и, как пишет Бармин, "есть основания думать, что ему случилось задеть в этой области интересы генерального секретаря, который не забывает и не прощает ничего". Это весьма вероятно. Политическая мстительность шла рука об руку с личной мстительностью и нередко прикрывала последнюю.

Еще в большей мере это относится к военному ведомству, где отбор совершался в огне гражданской войны, практический опыт которой дополнялся затем годами серьезной теоретической работы. Люди; как Тухачевский, Егоров, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Дыбенко, Путна, Алкснис и многие другие представляли в полном смысле слова мозг и сердце Красной армии.

Бармин пишет: "Я видел Сталина, аплодирующего речи Тухачевского на последнем съезде Советов в Большом кремлевском дворце. Когда Тухачевский появился на трибуне, весь зал стоя встретил его бурей аплодисментов. Эта овация отличалась от других своей силой и искренностью". Сталин, несомненно, различил хорошо оттенок этой овации, отметил и припомнил Тухачевскому через несколько лет.

В 1927 г. во время исключения оппозиции красный генерал Шмидт, прибывший в Москву с Украины, при встрече со Сталиным в Кремле наскочил на него с издевательствами и даже сделал вид, что хочет вынуть из ножен свою кривую саблю, чтобы отрезать генеральному секретарю уши... Сталин, который выслушал все, храня хладнокровие, но бледный и со стиснутыми губами, выслушав, как его называют негодяем, вспоминил, несомненно, десять лет спустя об этой "террористической" угрозе. Дмитрий Шмидт исчез, обвиненный в терроризме. Бармину рассказал этот факт Виктор Серж.

В 1927 году Микивай, старый товарищ Сталина по Кавказу, рассказывал мне о своей с ним беседе в Кремле. Микивай пытался убедить своего собеседника, что надо достигнуть какого-то соглашения с оппозицией, а иначе партия будет переходить от од-

ной конвульсии к другой. Сталин слушал молча, с явным неодобрением, ходил по комнате, затем, отойдя к противоположному углу, пошел молча на Микивая, как бы вытянувшись весь, приподнявшись на цыпочках и приподняв одну руку: "Их надо раздавить", — сказал он глухим голосом. "Он был прямо-таки страшен", — сказал Микивай.

Сталин расстрелял четырех заместителей Ворошилова, его ближайших сотрудников, его наиболее доверенных людей в ближайшие несколько лет. Как это понять? Вероятно, Ворошилов вместе с ростом бюрократии и значением ее аппарата стал проявлять признаки независимости по отношению к Сталину. Весьма вероятно, что Ворошилова толкали люди, наиболее близкие к нему. Военный аппарат весьма требователен и прожорлив и нелегко переносит ограничения, налагаемые на него политиками, штатскими. Предвидя возможность развития прений и конфликта с могущественным военным аппаратом, Сталин решил своевременно поставить Ворошилова на место. Через ГПУ, т.е. Ежова, он подготовил петлю для ближайших сотрудников Ворошилова за его спиною и без его ведома и в последний момент поставил его перед необходимостью выбора. Ясно, что Ворошилов, предавший всех своих ближайших сотрудников и цвет командного состава, представлял после этого деморализованную фигуру, не способную больше сопротивляться Сталину. После расстрела его четырех заместителей, фактических руководителей, вдохновителей Красной армии, авиации и флота, Ворошилов оказался безнадежно скомпрометирован во всех сколько-нибудь мыслящих элементах армии.

По поводу расстрелянных генералов Красной армии Бармин пишет: "Я утверждаю с последней энергией, что эти люди, глубоко преданные советскому отечеству, которые в течение долгих лет готовили Красную армию для ближайших решающих боев в Польше сперва, затем с Германией позже, были психологически не способны и практически невозможны (не в состоянии) совершить преступления, в которых их обвиняли. Креденты германофильства, заговора, связи с немецким фашизмом, выдачи военных секретов представляют бесчинство, которое обнаруживает лишь моральный уровень своих авторов".

Никакого суда над лучшими полководцами Красной армии не

было даже при закрытых дверях. Сталин расправился с ними в том же порядке, как Гитлер в июне 1934 года расправился с Реммом и другими. Уже после расправы восемь других генералов (Буденный, Блюхер, Шапошников и др.) получили готовый текст приговора, под которым им приказано было подписаться. Цель состояла в том, чтобы убив одних, скомпрометировать других. Это вполне в стиле Сталина. Приговор так называемого Верховного Суда ("Правда", 12 июня 1937 г.) обвиняет генералов в том, что они "систематически доставляли... шпионские сведения" враждебному государству и "подготовляли в случае нападения на СССР, поражение Красной армии".

На процессе в феврале 1938 г., т.е. через десять месяцев после расстрела генералов, их судили попутно новым судом и, забыв отстранить слишком фантастические обвинения в шпионаже, приписали подготовку военного заговора. Генералы выступили на защиту Красной армии от деморализующих происков ГПУ. Они защищали интересы обороны.

Был ли действительно военный заговор? Все зависит от того, что называют заговором. Каждое недовольство, каждое сближение между собою недовольных, критика и рассуждение о том, что сделать, как приостановить пагубную политику правительства, есть, с точки зрения Сталина, заговор. И при тоталитарном режиме, несомненно, всякая оппозиция является эмбрионом заговора. Как далеко, однако, зашли разговоры, соглашения, планы вождей Красной армии? Все они или большинство сочувствовали правой оппозиции, поскольку недовольство крестьян находило в армии непосредственные отклики.

В то время как сельское хозяйство составляло источник существования трех четвертей населения, фермеры получили в 1929 г., т.е. в лучшем из послевоенных годов, всего одну восьмую национального дохода. Поскольку недовольство крестьянства насильственной коллективизацией находили в армии прямой и непосредственный отголосок, разумеется, связь между вождями правой оппозиции и вождями армии, хотя бы эта связь выражалась только в политической симпатии, представляла для Сталина прямую и непосредственную опасность. Расхождение между военачальниками и Кремлем, точнее, Сталиным, видимо, особенно обострилось в 1932-1938 гг., когда последствия

насильственной коллективизации приняли особенно угрожающий характер.

Только в писаниях Голенберга, бывшего офицера Красной армии, высказывается уверенность в том, что Тухачевский, Гамарник и другие действительно участвовали в заговоре. Они в ниспровержении власти Сталина видели, по словам Голенберга, единственную возможность спасти обороноспособность страны. Доказательства Голенберга крайне шатки, он основывается скорее на психологических догадках, чем на каких-либо объективных фактах.

Царское правительство арестовало во время войны военного министра по обвинению в государственной измене. Союзные дипломаты говорили Сазонову: сильное же у вас правительство, если оно решается во время войны арестовать собственного военного министра. На самом деле сильное правительство находилось накануне крушения. Советское правительство не только арестовало и расстреляло фактического военного министра Тухачевского, но и истребило весь старший командный состав армии, флота и авиации. При помощи услужливых корреспондентов печати Москва в течение ряда лет систематически обманывала мировое общественное мнение. Услужливые журналисты считали, что из чисток сталинское правительство вышло более монолитным, чем когда-либо.

Подготовляя в 1936 году массовую чистку, Сталин выдвинул идею новой конституции, самой демократической в мире. Господа Вальтер Дуранти, Луис Фишер и им подобные не стеснялись в словословиях по поводу новой эры демократии. Грубая и бесстыдная шумиха вокруг конституции преследовала в качестве главной цели завоевать мировое демократическое общественное мнение и на этом фоне раздавить оппозицию, как агентуру фашизма.

7-го марта 1933 года, в то время как Франция жадно искала сближения с Москвой, французский "Тан" жаловался на то, что мир привык видеть Сталина в "троцкистском" освещении, т.е. несравненно хуже, чем он в действительности. Сейчас, после серии московских процессов и серии разоблачений, после союза Сталина с Гитлером и разгрома Польши, многие, вероятно, склонны признать, что "троцкистское" освещение было очень близко к действительности.

Наряду с подготовкой самой демократической конституции шла серия банкетов, где говорилось о счастливой жизни и в течение которых Сталин снимался в кругу рабочих и работниц или со смеющимся ребенком на коленях. "Очевидно, готовится что-то страшное", — говорили люди, посвященные в кремлевскую механику.

Во время профессиональной дискуссии из 300 учеников, воспитанников военной академии, коммунистов, 13 голосовали за резолюцию Троцкого, 32 за резолюцию Ленина и 250 за рабочую оппозицию. Эти цифры характерны не только как показатель глубокого недовольства внутри партии, но и той свободы, которая царила в ней. Вся военная академия состояла из красных офицеров, т.е. людей наиболее связанных с дисциплиной; и тем не менее подавляющее большинство из них голосовало и против военного комиссара, и против правительства, отнюдь не опасаясь того, что это голосование скажется на их дальнейшей судьбе.

Известного типа журналисты, московские корреспонденты, повторяют, что из чистки Советский Союз вышел более монолитным, чем когда бы то ни было. О полной монолитности эти господа говорили, впрочем, и до чистки. С другой стороны, ни один здравомыслящий человек не поверит, что важнейшие представители партии, советского аппарата, Красной армии, дипломатии оказались чужеродными иностранными агентами, а не выразителями внутреннего недовольства. Чистка продиктована глубокой внутренней болезнью, и если она на время срезает ее симптомы, то через некоторое время болезнь возобновляется с удвоенной силой.

В самый критический момент Центральный Комитет постановил открыть кампанию вербовки членов партии. Мысль была хорошая. Кто пришел к нам в тот момент, когда мы открыто признавали, что коммунист может иметь больше шансов быть расстрелянным и повешенным, чем сделать свою карьеру в советской администрации, те представляли известные гарантии искренности.

Подготовляя будущие процессы, кремлевское правительство добивалось создания трибунала против террористов при Лиге Наций. Цель состояла в том, чтобы убедить при помощи московских процессов, что я являюсь организатором террористических процессов в СССР и добиться моей выдачи в руки ГПУ. 31 марта 1938 г. я обратился в секретариат Лиги с письмом, в котором доказывал, что целый ряд убийств в разных странах Европы совершен агентурой ГПУ и что эта агентура непосредственно подчинена Сталину. "При помощи документов, свидетельских показаний и неопровержимых политических доводов я берусь доказать то, в чем общественное мнение не сомневается давно, именно, что главой этой преступной банды является Сталин, генеральный секретарь всесоюзной коммунистической партии в СССР". В заключение я выражал надежду на то, что Литвинов, столь горячо отстаивающий необходимость выдачи террористов, не откажется приложить свое влияние к тому, чтобы вышеозначенный Иосиф Сталин был доставлен в распоряжение трибунала Лиги Наций. Не скрою от читателей, что инициатива моя не имела успеха. Впрочем, и все другие надежды, возлагавшиеся на Лигу Наций, оказались не более счастливыми.

В результате серии московских процессов оказалось, что из девяти человек, которые при жизни Ленина были в Политбюро, т.е. в верховном учреждении партии и государства, все за исключением Сталина и своевременно умершего Ленина, оказались агентами иностранных государств. Во главе Красной армии стояли лишь изменники: Троцкий, Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Муралов, адмирал Орлов и пр. Важнейшие советские дипломаты: Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Юренев, Богомолов и другие оказались врагами народа. Во главе промышленности, железных дорог и финансов стояли организаторы саботажа: Пятаков, Серебряков, Смирнов, Лифшиц, Гринько и другие. Во главе Коминтерна случайно оказались агенты фашизма: Зиновьев, Бухарин и Радек.

По приказу Троцкого, отделенного тысячами километров, становились иностранными шпионами глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров: Каменев, Рудзутак, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Иванов, Осинский и другие.

Агентами империализма оказались все без исключения главы трех десятков советских республик, руководители ГПУ в течение последних 10 лет, наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет (Томский, Евдокимов, Смирнов, Мрачковский), члены правительства Российской Советской Республики (все они состояли в заговоре против советской власти, когда она находилась в их руках). Наконец, заведывание жизнью и здоровьем вождей правительства было поручено отравителям. Глава политической полиции Ягода, которой поручена была высшая охрана государства, оказался организатором всех преступлений. Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ НАБРОСКОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

На этом свидании, или на известной части его, присутствовал, кажется, т. Сталин. Помню, он сказал: "Т. Троцкий замечательно ведет руководство". Это было сказано с кривой улыбкой и как бы насилием над собою. Я посмотрел на него с удивлением и уловил не то удивленный, не то проверяющий взгляд Ленина. Борьба против "троцкизма", открывшаяся в 1923 г., направлялась не против "примиренчества", о чем давно уже не было и речи, а против концепции международной пролетарской революции, причем термидорианцы повторяли нередко те доводы, которые составляли в период первой революции достояние либералов и меньшевиков. Нет ничего удивительного, если в этой борьбе Сталин нашел надежную опору в бывших либералах, социалистах-революционерах и меньшевиках, переполнивших государственный, отчасти и партийный аппарат.

Ссылаясь на подъем партийного движения на Западе под влиянием первых успехов революции в России, Ленин писал в 1906 г.: "*Полная* победа буржуазной революции в России вызовет почти неминуемо (или, по крайней мере, по всей вероятности) ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнейшим толчком к социалистической революции". На вопрос: а как быть, если революция на Западе все же не наступит, Ленин вовсе не отвечал утешительными надеждами насчет незыблемости союза рабочих и крестьян, наоборот, он открыто заявлял: тогда реставрация неизбежна, ибо "другой гарантии нет и быть не может".

Каменев, как редактор сочинений, спрашивал меня: "Как быть? Много острой полемики!!" Я ответил (по телефону): печатайте все, пусть молодые учатся. Вот так... Он вздохнул с облегчением. Я понял, что он говорил по поручению Ленина.

Политика Сталина в китайской революции может быть объяснена только тем, что он проспал три русских революции. Роль Сталина в отношении германской, китайской и испанской революций была однозначна. Уже в 1905 году Сталин разрешал массам действовать только по призыву комитетов. К счастью, массы не спрашивали разрешения Сталина. В 1917 году он начал капитуляцию перед либеральной буржуазией и ее соглашательской агентурой. Ленин помешал ему довести эту политику до конца. Ленин мог помешать ему, потому что в этот период большевистская партия была организацией пролетарского авангарда, и ее аппарат, имевший зародыши, как все аппараты, консервативной тенденции, представлял все же лишь орудие партии, а не ее бесконтрольного владыку. Черты консервативного аппаратчика получили в дальнейшие годы чрезвычайное развитие, отвечающее развитию самого аппарата. Колебание и уклончивость Сталина, бывшие в 1905 и 1917 году, вытекали именно из того, что его органические тенденции находились в противоречии к тенденциям пролетарского авангарда и этот последний в лице Выборгского района делал ему серьезные предостережения. В 1925 — 1926 году, и в особенности в течение дальнейшего десятилетия, соотношение сил и психология радикально переменились. Консервативные тенденции Сталина находились в полном соответствии с основными тенденциями бюрократического аппарата. Его консерватизм не рисковал вызвать предостережение Выборгского района, ибо последний, как и весь пролетарский авангард, был взят в тиски бюрократией.

Тогда еще имя Народного фронта не было изобретено. Но позднейшие комбинации под этим именем в

Испании, во Франции и других странах ничем по существу не отличались от русской коалиции 1917 г. Задача такого рода коалиций в основе своей всегда одна и та же: подчинить либеральной буржуазии мелкобуржуазных социалистов и, через их посредство, рабочие массы. Политическое руководство буржуазии над народом имело в известную историческую эпоху прогрессивное значение, поскольку вырывало угнетенные массы из "доисторического" прозябания и тем подготовляло их будущую самостоятельность. Так было в революциях 17-го и 18-го столетий. Но уже в русской революции 1905 г. запоздалый либерализм играл антиреволюционную роль и союз с ним рабочих организаций означал не пробуждение масс к политической активности, а наоборот, ограничение и принижение той политической самостоятельности, которую массы завоевывали под социалистическим руководством. Именно на этом основном вопросе: с либерализмом или против либерализма, за коалицию или против коалиции, за народный фронт или против народного фронта, и произошел окончательный раскол между большевизмом и меньшевизмом.

Но если политика блока с левой буржуазией категорически отвергалась большевиками по отношению к отсталой России, еще не совершившей своей буржуазной революции, то тем более преступной была эта политика по отношению к старым буржуазным нациям, как Франция и Испания, давно исчерпавшим прогрессивные тенденции буржуазии. Отказ большевиков нести хоть тень ответственности за коалицию 1917 г. в России и участие секций Коминтерна в народных фронтах Франции и Испании двадцать лет спустя дает нам наиболее яркое выражение противоречия между политикой Ленина и политикой Сталина.

Кремль всегда утверждал, что так называемый Тройственный пакт против Коминтерна направлен в самом деле против Англии и Франции. Такое истолкование нуж-

но было для того, чтобы подчеркнуть, что западные демократии больше нуждаются в союзе с Советским Союзом, чем этот последний в поддержке западных демократий. Но несомненно, что и по существу Германия и Италия использовали до сих пор свой антикоминтерновский блок гораздо больше против Запада, чем против Востока. Это совсем не значит, конечно, что завтра направление агрессии не будет на Восток.

Какие гарантии, однако, может дать берлинское правительство Москве? Таких гарантий нет и по существу быть не может. Формальные с Японией секретные обязательства котируются сейчас по очень низкой цене. Отсюда двойственность политики Кремля. Он действует так, как если бы со стороны Германии и Японии ему не угрожало никакой опасности. Вернее, он делает вид, будто ему со стороны беспокойных и могущественных соседей не угрожает никакой опасности. В то же время он ведет сложный и капризный флирт с западными демократиями. Основная линия политики: соглашение с Гитлером и Микадо. Дополнительная линия политики — застраховать себя при помощи соглашения с демократиями. А так как это соглашение можно прервать, разрушить неписаный, ненадежный договор с Гитлером и Микадо, то Москва тянет, не доводит дело до конца, не заключает соглашения и в то же время не прерывает переговоров. Словом, Москва стремится показать, что, вопреки французской пословице, дверь может быть и открыта, и закрыта.

Если принять за чистую монету сообщение Ворошилова в марте этого года, то армия насчитывает сейчас в своих рядах вместе со всеми вспомогательными войсками около трех миллионов душ, из них половина — члены коммунистической партии и Союза молодежи.

Необходимых товаров не хватает, как в Германии, больше, чем в Германии. Цены непосильно высоки.

Германия имеет все еще, разумеется, громадные технические, промышленные преимущества над Советским Союзом. Но преимущества Советского Союза в сырье скомпенсируют преимущества германской техники. Германия не способна на долгую войну. Советские

пространства исключают возможность решительного успеха в короткий срок. Таково главное стратегическое соображение Москвы.

В феврале 1940 г. газеты сообщали, что Сталин выехал в Ленинград для празднования 22-летнего юбилея Красной армии. Это сообщение крайне поучительно. К этому дню надеялись подготовить захват Выборга и придать празднованию особенно торжественный характер с участием Сталина. Если этого чисто парадного участия Сталина в событиях финляндской войны не произошло, то потому, что не удалось захватить Выборг своевременно, т. е. в указанный юбилейный срок.

Лев Троцкий

СТАЛИН

Том II

Ответственный за выпуск *С. А. Кондратьев*
Редакторы *А. И. Горшкова, В. Н. Пекшев*
Художник *А. А. Пчелкин*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Технический редактор *Т. А. Новикова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.09.90. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Гельветика". Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,74. Усл. кр.-отт. 16,74. Уч.-изд. л. 15,56. Тираж 150000 экз. Заказ 3935. Цена 8 руб.

Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций.
Издательский центр "ТЕРРА". Москва, 2-й Новоподмосковный переулок, 4.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано в типографии издательства "Горьковская правда".
603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

В 1991 году
ПОЛИТИЗДАТ
выпускает в свет

книгу *Исаака Дойчера*
***"ТРОЦКИЙ В ИЗГНАНИИ"*,**

в которой рассказывается о последних годах жизни Троцкого — с момента высылки его в 1927 году в Алма-Ату, а затем за рубеж. В книгу вошли заключительная часть второго тома и третий том трилогии И. Дойчера о Троцком.

Перевод с английского. 36 л.